

Ирма Гринева

из цикла «Зелёные глаза»

**Любовь на фоне
геометрии и зоологии**

**От грёз любви не отличим
Мой ангел смотрит на меня...**

из цикла «Карие глаза»

18+

Ирма Гринёва
Любовь на фоне геометрии
и зоологии. От грёз
любви не отличим. Мой
ангел смотрит на меня...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67719012
SelfPub; 2022*

Аннотация

Единственное, что объединяет эти рассказы, это не очень буйная фантазия автора...

Ирма Гринёва

Любовь на фоне геометрии и зоологии. От грёз любви не отличим. Мой ангел смотрит на меня...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зеленые глаза встречаются примерно у 2% населения Земли.

Обладателям зеленых глаз характерна загадочность, но сами они практически безошибочно разбираются в людях.

Зеленоглазые считаются одними из самых успешных людей, потому что они умеют слушать и сопереживать, у них развито воображение и они достаточно стабильны. Они пользуются авторитетом в своем окружении за приверженность принципам, но не стремятся к лидерству, хотя осознают свою популярность. Люди с зелеными глазами обладают отличными организаторскими способностями.

В отношениях с людьми они очень требовательны к другим, а также к себе. В общении люди с зелеными глазами никогда не навязываются, но ценят внимание со стороны. «Берут» от отношений они не больше, чем «отдают».

У женщин с зелеными глазами довольно тонкое понимание любви, поэтому они могут очень долго присматриваться и выбирать себе партнера. Они склонны к романтике, нежности и всем остальным проявлениям чистой искренней любви, ранимы, мечтательны и обладают богатым воображением.

Любовь для них – нечто святое, и никому на свете они не позволят посягнуть на нее. Если сердце зеленоглазой половинки занято, не стоит даже предпринимать попыток завладеть им. Зеленоглазая женщина – прекрасная жена: верна, заботлива, многое способна простить и всегда готова прийти на помощь. Отношения с такими женщинами всегда стабильны, но в то же время не лишены некой изюминки.

В то же время, блондинки с зелеными глазами обладают стержневым характером, умеют добиваться своего, а вот серьезные отношения даются им с трудом.

Всё могут короли...

А это зависит от того...

Кошка, которая гуляла сама по себе

Запомни меня такой...

...И мы станем единым целым

Не проскочи мимо!

Куда смотрят мужики?

Я люблю тебя! Я верю тебе!

Два кусочечка колбаски...

Мужчины на раз-два-три

Любовь на фоне геометрии и зоологии

Рондо на тему любви

Сегодня, а ещё лучше – вчера

Стоянка поезда одна минута

Запах настоящего мужчины

Любовь на фоне геометрии и зоологии

1

Дарья¹ тщательно и осторожно выстраивала вокруг себя спираль защиты. Так, чтобы снаружи была видна только Даша, а она внутренняя, сокровенная *Дарья* – никому. Потому что Дарья – это не просто её полное имя. Потому что это от слова «дар».

Раньше своё имя Даша не любила. Как его не произнеси, то шипишь, как змея, – Да-ш-ш-ша, то рычишь, как голодный зверь, – Да-р-р-рья. Не помогали и уменьшительно-ласкательные: Да-ш-ш-шенька, Да-р-р-рюш-ш-шка. Никуда это «ш» не девалось, только ещё «р» прибавлялось и становилось только хуже. Даша даже хотела сменить своё имя, но отложила это судьбоносное решение до замужества. И то – правда! Чего два раза возиться с документами? Заодно уж и имя, и фамилию сменит.

Только после получения дара Даша смирилась со своим

именем, поняла его сокровенный, сакральный² смысл. Стало ясно это недавно, а потому, ни как им пользоваться, ни как развивать, Даша не знала. А главное – не верила сама себе. Вдруг, всё, что она стала видеть и чувствовать, это просто обманка? Галлюцинации? Может, ей лечиться надо, а не носиться со своей исключительностью?

И как же она обрадовалась, когда на телеканале ТНТ объявили кастинг в Школу экстрасенсов³! А, уж, когда узнала, что одним из наставников будет Свами⁴ Риши⁵, поняла, это – судьба! Она не только болела за него, когда он участвовал и, в итоге, победил в Битве экстрасенсов, но ещё тогда, до получения своего дара, заметила, как созвучны их имена.

И вот она здесь, на последнем экзамене, который принимают сами наставники. Позади изнуряющие тесты, невыносимые вопросы, бессонные ночи. Сейчас-сейчас, совсем скоро она встретится лицом к лицу с наставниками, и окончательно поймёт – стоит ли её дар хоть одну копейку?

А пока они все, претенденты-конкуренты, находятся в одной комнате, и это очень-очень трудно и больно. Среди огромного количества людей всех возрастов, проходивших кастинги, настоящих обладателей того или иного дара было немного, как бриллиантов среди пустой породы. Борьба Даше приходилось только самой с собой, с собственной неуверенностью и нервами. А сейчас здесь сконцентрировались сплошь уникалы, и каждый из них пытался прощу-

пать конкурента, понять – кто пройдёт дальше (из пятидесяти трёх отберут всего двенадцать, по шесть человек в каждую команду). А кое-кто уже начал и воздействовать, стараясь заранее ослабить, выбить из колеи конкурента. Вот поэтому Дарья и начала выстраивать барьер. А, поскольку никакими техниками не обладала, просто представила себе, как из пола вокруг неё закручивается в спираль плоская лента змеи, которая шипит в её имени. Почему именно спираль, логически было вполне объяснимо: через просветы её оборотов всё было видно, а в случае опасности её можно было быстро сжать, превратив в неприступный бастион.

Даша уютно устроилась внутри спирали, успокоилась, и начала тоже изучать конкурентов. Большинство из них выглядели как обыкновенные люди. Впрочем, это ни о чём не говорило. Она ведь тоже выглядит обыкновенно, но что-то же в ней есть, если она дошла до пятидесятки? И не факт, что во-о-он тот дядечка, в волчьей шкуре с огромной деревянной клюкой, как будто только что сошедший с экрана «Игры престолов», обладает хоть каким-то даром, а не просто клоун, возомнивший себя колдуном. Также как и совсем молоденький пацан, обвешавший себя ожерельем из шахматных фигур, который уже достал всех шуршанием своего целлофанового пакета. Или миловидная девушка, охотно демонстрирующая фокусы с примагничиванием к своей открытой ладони любых предметов. Девушка, почему-то, казалась Дарье похожей на ласку – зверька на вид милого, но, всё-таки,

хищника.

Постепенно Дарья отметила для себя четверых: молодого человека, по виду обычного шалопая, с тенденцией со временем превратиться в завзятого сердцееда и бабника, разбивающего женские сердца направо и налево; девушку с прозрачными глазами и волосами, закрывающими пол-лица; ещё одну девушку, очень красивую, одетую во всё чёрное, и бледную седую женщину неопределимого возраста от сорока до шестидесяти.

Ловеласа звали Виктор. Когда Дарья присмотрелась к нему повнимательней, то поняла, почему обратила на него внимание. Не только из-за его роста и смазливой внешности. Если его взгляду придать мудрости, а лицу морщин, он становился ужасно похож на Свами Риши. Может, это его сын? Про семью Риши почти ничего известно не было, он тщательно охранял своих близких от посторонних глаз. Доподлинно было известно, что жена и дети у него есть. Почему бы у него не могло быть сына? В какой-то момент взбунтовавшегося против тирании отца (о жёсткости Риши во время обучающих семинаров ходили упорные слухи, вряд ли он в семье был мягким и пушистым). А теперь вот таким образом решившим доказать отцу, что и он чего-нибудь стоит...

На этом Даша остановила своё воображение. Так можно на целый роман насочинять. И она переключилась на девушку с прозрачными глазами. Девушку звали Борислава⁶. И она упорно представлялась Дарье в образе сторожевого пса, но,

почему-то, с причёской болонки: половина длинных волос убраны с мордочки и удерживаются кокетливым бантиком, а вторая половина свисает прямыми прядями, закрывая второй глаз. От этого смешного и, одновременно, устрашающего видения, Дарья никак отделаться не могла, и решила перенаправить своё внимание на девушку в чёрном.

Чёрными у Регины⁷ были не только одежда и обувь, но и волосы, и глаза, и даже лак на длинных ногтях. Цветное пятно в её облике было только одно: кроваво-красные капризно изогнутые узкие губы. Но самым прекрасным были её огромные миндалевидные глаза. Их внешние уголки слегка приподнимались вверх, что делало её похожей на кошку. Хотя цветом они были не зелёные, как у Даши, а опять же тёмные, почти чёрные. Не смотря на очевидную красоту черт лица Регины, впечатление она производила отталкивающее. Типичная азбучная ведьма. Смесь злющей кошки со смертоносной гюрзой. И хотя она сидела на стульчике спокойно и достаточно скромно, её вид не смог обмануть начинающих экстрасенсов – вокруг неё никого не было, чёткий круг пустоты, как будто кто-то невидимый нарисовал границу мелом на полу, как Хома в «Вие», когда пытался защититься от панночки. Да, во времена Средневековья Регина бы точно угодила на костёр! И с полным на то основанием! Регина, видимо, почувствовала Дарьино внимание и уставилась на неё блестящим и, одновременно, холодным взглядом. Спираль защиты сомкнулась без всякого Дарьиного участия, и ведь-

ма высокомерно усмехнулась. Вот, уж, с кем не хотелось бы попасть к одному наставнику, так это с Региной! Хотя, какая разница? Все они будут друг другу конкурентами, что в одной группе, что в разных. Для начала надо туда попасть...

Седую женщину в летах Даша подробно изучить не успела. Её первой вызвали на экзамен, и так Даша узнала, что зовут её Вилма⁸ Рихтер. Вилма отсутствовала минут двадцать, во время которых Дарья развлекала себя тем, что воспроизводила в памяти её облик, пытаюсь понять, чем она зацепила её внимание. И пришла к выводу, что виной тому её седые волосы, взбитые вверх, что сильно удлиняло её и так вытянутое лошадиное лицо. Никакой злобы в мыслях по поводу Вилмы у Даши не было, просто голая констатация факта. Сравнение женщины с лошадью натолкнуло Дашу на открытие, что она всех, ну, не всех, а многих людей сравнивает с каким-нибудь животным. Что это с ней сегодня? Может, в этом есть какой-нибудь тайный, ещё пока для неё неясный, смысл? Вилма вышла после экзамена грустной, из чего Даша сделала вывод, что экзамен она провалила.

По обязательствам, подписанным соискателями, они не имели права говорить ничего, что помогло бы понять тем, кто ещё не был на экзамене, в чём заключается его суть, и попали ли они в число учеников или нет. Но ведь внимательно-му человеку и, в особенности, обладателю дара, не составит труда прочитать информацию по лицам? И Дарья отмечала для себя тех, кто по её мнению, может оказаться в Школе.

Здесь были и попадания в яблочко, как например, в случае с Региной, которая вышла после экзамена весьма довольная (Дарья прямо-таки воочию представляла, как она облизывает от удовольствия красным остреньким языком свои узкие губы). Ну, попадание Регины на обучение в Школу было столь очевидным, что Даша себе в зачёт это не поставила. А вот выводы Дарьи по поводу Виктора, похоже, были правильными: он вышел с перевёрнутым лицом и блестящими от радости глазами – в школу прошёл, но общение с наставниками далось ему явно нелегко.

Но были в выводах Дарьи и явные провалы. Первым «отличником» оказался совершенно неприметный дядечка примерно сорока лет, которого Даша вообще не заметила. Девушка-магнит проторчала на экзамене дольше всех, по её лицу было совершенно не понятно, как это расценивать – как плюс, или как минус? Клоун-колдун справился с экзаменом на «отлично» (!) за рекордные семь минут (!), но отказался участвовать в дальнейшем, поскольку не увидел ни в одном из наставников *своего* учителя.

После колдуна подряд вышли человек двадцать с одинаковыми опустошёнными лицами, из чего Дарья поняла, что все они экзамен провалили. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучало её имя: Дарья Гончарова. Сердце у Даши забилося где-то в горле, в голове зазвенело как в колоколе, по которому только что ударил звонарь, а ноги стали ватными и отказались слушаться. Еле она смогла протащить их

несколько шагов до двери, за которой открылось длинное пространство коридора, состоящего из множества ширм, завешенных плотной чёрной тканью. В конце виднелся стол, за которым сидели два человека: Свами Риши и Константин Исаев (второй наставник, тоже победитель Битвы экстрасенсов, но в другом сезоне). Рядом полыхал рыжей шевелюрой ведущий Сергей Кио, потомственный фокусник в энном поколении.

У Даши, когда она увидела Свами Риши, будто крылья за спиной выросли. Тело зазвенело радостью, ноги стали лёгкими, воздушными, спираль защиты сама собой рассыпалась и опала. Она за одно мгновение преодолела расстояние от двери до стола, и вот её зелёные, блестящие от возбуждения глаза, вошли в контакт с мудрыми, цепкими, ярко-голубыми глазами Учителя.

Сбоку раздался голос Сергея, который объяснял, что ей надо выбрать экзаменационный билет, который будет «живым», и найти нишу, в которой спрятан предмет, относящийся к этому «живому» билету. Это и есть её экзаменационное задание. Если она с ним справится, то её автоматически зачислят в Школу. Если – нет, то всё будет зависеть от того, как она покажет себя на экзамене.

Даша протянула руку к столу, взяла билет и, увидев его номер, ойкнула от радости.

– Чему Вы так радуетесь? – раздался голос Константина (как заядлый зритель Битв экстрасенсов, она его узнала).

– Семёрка – моя счастливая цифра! – ответила Даша, с трудом отрывая взгляд от глаз Учителя.

Лучше бы она этого не делала! Как только Даша перевела взгляд на Константина Исаева, она поняла, что пропала. Пропала окончательно и бесповоротно. Влюбилась с первого взгляда. Любовь поразила её как молния, как пишут в книгах, как показывают в дешёвых мелодрамах. Сердце перестало биться, воздух не поступал в лёгкие. Спас голос Учителя. Ему не понравилось, что ученица, которая явно пришла к нему, с которой у него сразу возник контакт, так бурно отреагировала на его соперника:

– Ты к кому пришла?

Вопрос прозвучал грубо, с ноткой ревности и раздражения, но он вывел девушку из ступора. Дарья медленно развернулась и ухватилась за голубой взгляд, как за якорь, и больше его не отпускала, а с правой стороны, где сидел Константин, наспех стряпала стену защиты из чего попало, что первое представлялось её взбудораженной душе.

– К Вам, Учитель!

– Если Вам всё понятно, то тогда начнём? – подал голос ведущий, – А вот и Ваш «живой» билет. Здравствуйте ещё раз, Анатолий!

Даша молча кивнула головой и, даже не взглянув на Анатолия, развернулась и отошла от стола. Она не знала, что делать дальше. В душе была пустота, а тело болело, как при высокой температуре. И она ещё расстраивалась, что ей не

удалось увидеть во время тестов Константина Гецаева! (Наставники иногда участвовали в тестах, но на долю Даши их посещение не выпало). Да она бы с треском их провалила! И не дошла бы до экзамена! И так бы никогда и не узнала, что какой-никакой дар у неё всё-таки есть! И пусть она сейчас провалится, но хоть это она узнала!

И Даше захотелось быстрее отсюда убежать. Бог с ней, с учёбой! Не до неё сейчас. Домой, зализывать раны. Раны, нанесённые любовью. Безответной. Это она ощущала чётко.

И перед её внутренним взором явственно всплыла картина Тропинина «Девочка с собачкой».

В музее Тропинина она была совсем недавно, картину помнила отчётливо. Девочка на картине была плоской, а вот

маленькая собачка, с огромными круглыми глазами, в которых, казалось, застыли слёзы, готова была выпрыгнуть из картины и стремглав броситься наутёк, чтобы забиться в дальний угол под какой-нибудь диван и дрожать там от страха всем своим тщедушным тельцем... Даша сейчас ощущала себя этой маленькой беззащитной собачонкой. Вот такая ассоциация... А с другой стороны... Как бы она была счастлива стать собачкой на руках Кости...

– Дарья! – опять пришёл на помощь Учитель, – Не молчи! Если не чувствуешь связи с Анатолием, то просто пройди вдоль ширм и расскажи о своих ощущениях.

Дарья вздрогнула всем телом, но Учителя послушалась. Приблизилась к ближайшей ширме и пошла вдоль ряда. Как ни странно, из каждой на неё обрушивался шквал образов, звуков и запахов. Но она не могла их рассортировать и сказать что-то определённо внятное. Открыла рот только тогда, когда явственно ощутила чёрную воронку, которая была за ширмой, и пахла кровью и смертью гораздо сильнее остальных.

– Здесь какой-то портал! – произнесла хрипло.

За её спиной удовлетворённо крякнул Свами Риши. Дарья поняла, что попала в точку, и, хоть и не большая, но толика уверенности вернулась к ней. Вернулось и внимание Константина, она почувствовала это по волне тепла, которое пришло с той стороны стола, за которой он сидел.

Константин действительно потерял интерес к девушке, как только увидел, какое впечатление на неё произвёл. Господи, сколько уже влюблённых дурочек он встретил на своём пути! Сколько не объясняй, что единственная суженая ещё не скоро появится в его жизни, они всё равно находили его, лезли в его жизнь, готовы были хоть собачкой, хоть кошечкой взобраться к нему на колени. Не мало таких было и из тех, кто пришёл на кастинг Школы экстрасенсов. Это раздражало. И раздражало вдвойне, поскольку забавляло конкурента.

Девушка явно шла к Свами Риши, и Костя заинтересовался ею, только когда она вытащила билет №7. После мужчины, обвешанного побрякушками, с волчьей шкурой на плечах (Константин не любил тех, кто из инструментов-помощников делает посмешище), выполнившего задание, но отказавшегося учиться, пространство искривилось и застыло. Подряд несколько человек вытаскивали либо билет №15, который был у колдуна, либо билет №2. И никто не справлялся с заданиями. Билеты перемешивали и наставники, и участники, то бишь «живые» билеты, и съёмочная группа. Но наваждение продолжалось: №15, №2, №15, №15, №2... Пока не появилась Дарья Гончарова. Раздосадованный, что она не сводит глаз со Свами Риши, Костя обратился к ней с вопросом и тут же пожалел об этом. И она туда же! Готова хоть сейчас броситься в его объятия, забив на учёбу! Да и есть ли

у неё дар? Случайности тоже бывают в нашей жизни!

Когда же девушка чётко почувствовала за ширмой зеркала, свидетеля страшной расправы над шестью людьми, Константин сменил гнев на милость, и вот эту тёплую волну Дарья и поймала. Это тоже придало ей силы.

Она остановилась напротив ширмы, за которой явно ощущался предмет, и большой предмет, связанный с Анатолием, её «живым» седьмым билетом. Связь виделась как дорожка, уходящая из-под его ног за плотную ткань ниши. Дарья взяла мужчину за руку и подвела к ширме. Но говорить не спешила. Потому что её тянуло, как магнитом, к другой нише. Предмет там спрятанный, не имел никакого отношения к Анатолию, а каким-то образом был связан... с ней. И она решила, прежде чем отвечать на экзаменационный билет, разобраться с этим.

Какое же было огорчение у наблюдающих по монитору людей, играющих роли «живых» билетов, когда Даша отпустила руку Анатолия, и от правильной ширмы отошла к другой! Как они расстроились! У некоторых даже слёзы на глазах выступили! Но тут же высохли, когда Дарья заговорила:

– Здесь чувствую что-то такое прямоугольное... Как ящик, что ли... Во рту металлический вкус... И удар! Но смерти нет. Человек выжил... Что-то похожее было со мной... Как удар током...

Всё было правильно! Люди завопили от радости. Николай, переживший удар током высокого напряжения из-за

неисправного сварочного аппарата, находившегося сейчас за ширмой, был среди них. Его историю они выслушали уже не один раз, поскольку именно его билет был под №2. Если бы не звукопоглощающая изоляция, от этого радостного крика попадали бы все ширмы. Дарья его не слышала, но почувствовала. Невольно вздрогнула и посмотрела в ту сторону, где сидели «живые» билеты.

– Дарья, у Вас осталось две минуты, – напомнил Сергей.

Даша опять взяла Анатолия за руку и подошла к его ширме. Закрыла глаза и через несколько секунд начала говорить:

– Дорога... Темно... Неожиданно кто-то большой навстречу... Никакой боли... Потом сразу яркий свет... Странно... Вроде и машина, и не машина... Как что-то живое... А! Поняла! Такой был старый автомобиль. «Волга», кажется. У неё ещё на капоте фигурка оленя была. Вот с ней было столкновение, поэтому и кажется живой!

Тут уж людей никто не смог удержать. Они высыпали из своей комнаты радостной гурьбой и окружили Дарью. Еле их успокоили. От их вопросов и просьб о встрече, чтобы поговорить наедине, Дашу спасло вмешательство Сергея. Ведь съёмки надо было продолжать! Ещё не все претенденты прошли экзамен. Сергей понял, что Даша вот-вот потеряет сознание, осторожно приобнял её за плечи и так и держал, пока Анатолий записывал на камеру свою историю. О том, как ночью на трассе под колёса его машины неожиданно кинулся огромный лось. Настоящий, живой. Разбил лобовое стек-

ло и погнул крышу автомобиля своими мощными копытами. Десять сантиметров в сторону – и Анатолий сейчас не стоял бы тут, а уже давно покоился на кладбище. Боли он действительно в момент аварии не почувствовал, как будто ластиком стёрлись часы между происшествием и его возвращением к жизни на больничной койке, где он проснулся от яркого света, бьющего в глаза...

– Она – моя! – жёстко сказал Свами Риши, обводя жирным кружком фамилию Дарьи в списке претендентов на учёбу в Школе экстрасенсов.

Константин это прекрасно понимал, да и какая учёба может быть в его группе у влюблённой девушки, но из чувства противоречия ответил:

– Это мы ещё посмотрим!

¹ – в переводе с древнеперсидского – «победительница»

² – это всё, имеющее отношение к божественному, религиозному, небесному, потустороннему,

иррациональному, мистическому, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений.

³ – уникальный телевизионный проект, в котором люди, обладающие необычными способностями, развивают их под руководством опытных наставников. Скорее, не «Школа», а «Курсы повышения квалификации»

⁴ – почётный титул мастеров йоги, переводится, как –

«владеющий собой»

⁵ – в переводе с хинди – «мудрец»

⁶ – в переводе – «борющаяся за славу»

⁷ – в переводе – «царица»

⁸ – в переводе – «волевая защита, шлем»

2

День распределения в группы к наставникам оказался не менее нервотрёпным, чем экзамен. Они, двенадцать счастливиц, выстроились в полукруг перед столом наставников. Девушек всех трясло, как в лихорадке. Юноши выглядели более спокойными. Кроме Виктора, который переживал, кажется, больше всех. Хорошо, что его вызвали первым.

Когда он вышел в центр, то прямо сказал, что ему терять нечего, и что пришёл он только к Свами Риши. И, если Учитель примет его извинения за предательство в прошлом, то он будет готов на любые испытания.

– У нас с тобой, однозначно, какая-то кармическая завязка, – грустно ответил наставник, – с этим надо разобраться. И я готов испить эту чашу до дна. Иди ко мне!

Виктор оказался не сыном Учителя, но что-то связывало этих двоих, что-то в прошлом. Уже позже, когда они будут все вместе жить в общежитии, Даша выяснит, что Витя учился у Свами Риши четыре года назад, а потом сильно подвёл

своего наставника. Ему понадобилось больше трёх лет, чтобы решиться снова показаться Учителю на глаза.

Следующей из оставшихся одиннадцати вызвали Регину.

– Зачем ты здесь? – спросил её Константин.

– Я хочу обуздать ту силу, которая сидит во мне. Я хочу, чтобы меня научили управлять теми негативными эмоциями, которые мешают мне нормально общаться с людьми.

– Я знаю, как тебе помочь, – твёрдо ответил Константин, – Иди ко мне!

Костя, действительно, знал, о чём говорил. Когда-то давно, почти десять лет назад, (тогда он ещё не знал о своём даре) он всплеском своей отрицательной энергетики, агрессией, гневом, оттолкнул от себя любимую девушку, с которой рассчитывал быть вместе до конца своих дней. С тех пор он потратил много сил, чтобы обуздать своих внутренних демонов, подчинить своему разуму, научился переплавлять неуправляемую стихию во благо...

Даша была поражена. Она остро почувствовала одиночество этой красивой ведьмочки. И ей стало стыдно за те выводы, которые она сделала в отношении Регины на экзамене. Высокомерие и кривые ухмылки ведьмочки теперь виделись просто защитной реакцией.

Третьим в центр круга был вызван Владимир, тот дядечка, который стал первым претендентом, сдавшим экзамен на «отлично». К себе в команду его позвал Свами Риши.

Дашу вызвали четвёртой и она разволновалась. Получа-

лось, что её к себе на обучение хочет взять Константин, а она к этому была совершенно не готова. Целую неделю Дарья потратила на создание защиты от него, на то, чтобы любовь к нему не мешала ей учиться у Свами Риши. И, кажется, нашла простое и эффективное решение. Но всё это зря?!? Если она окажется в его группе, никакие силы в мире ей не помогут!

Но слово опять взял Свами Риши, и Даша выдохнула с облегчением.

– Ты – мой человек вне обсуждения! Иди ко мне!

Дашу отпустило напряжение. Теперь она могла наблюдать за церемонией со стороны. О! Здесь для неё было много открытий. Во-первых, её порадовало, что все те, кого она отметила на экзамене, вошли в двенадцать лучших. Во-вторых, её очень удивило, что мальчик с шахматами – Дима, сдал экзамен, понравившись людям, а не наставникам. А ещё одна участница – Наталья, как выразился Сергей, «наревела» своё попадание в Школу. Константин, в команду которого она попала, попытался её защитить, но осадок остался. Причём, Даша ощущала этот осадок, как кислый вкус лимона во рту.

Двух ребят – Алексея и Андрея, попавших в команду к Константину, и девушку Катю, оказавшуюся в команде Учителя, Даша совершенно не заметила на экзамене. Это её огорчило. Да, учиться ей ещё и учиться!

Поразила Борислава. Когда её вызвали в центр круга, и

спросили: к какому наставнику она хочет в команду, она ответила буквально следующее:

– Я – собака одного хозяина!

– И кто Ваш хозяин? – спросил ведущий.

– Свами Риши!

– Иди ко мне! – отозвался довольный Учитель, а Константин добавил:

– Желаю Вам из преданной собаки стать свободной волчицей!

– Так и будет! – отреагировал Свами Риши.

Даша в этой ситуации была полностью солидарна с позицией Константина, а не с тем, как позиционировала себя Борислава. Даша ещё бы её поняла, если бы её собачья преданность происходила из любви к Риши, как мужчины, но такой любовью здесь и не пахло. А вот то, что Даша правильно увидела сущность Бориславы, как собаки, она поставила себе в зачёт.

Но самой поразительной оказалась ситуация с девушкой-магнитом. Её звали Ситара. Ей дали возможность самой выбрать себе наставника, так как оба хотели её к себе и не смогли договориться между собой. Девушка растерялась:

– Я сама должна выбрать? – потерянно переспросила она ведущего, – Очень сложный выбор... Меня разрывает...

– Смотри на меня, – первым отреагировал Свами Риши, – твой выбор должен быть безоговорочным!

– Я очень люблю Есенина, – казалось бы, не к месту об-

ратился к девушке Константин, – всплыла в голове одна его строчка: «Любить лишь можно только раз...» Душа выбирает точно также, только один раз!

Даше это не понравилось. Не то чтобы её резануло ревностью. Просто в данном случае сюда пришли люди не за любовью, а для обучения. И включать своё мужское обаяние было как-то не честно.

Хорошо ещё, что никто из учеников не знал, как у Ситары проходил экзамен. Оба наставника не только почувствовали огромный потенциал её способностей, скрытый пока даже от неё самой, но и поддались её женскому обаянию, которое она тоже, кстати, не замечала. Константин закружил над ней орлом в небе, а Свами Риши начал волком нарезать круги по земле. Сергей с удивлением наблюдал за наставниками, так остро отреагировавшими на ничем не примечательную девушку. Ну, да, миловидная, но, ведь, не более того! Пришлось ему применить власть ведущего, взяв Ситару под свою опеку, а наставников вернуть за стол. И только тогда экзамен начался...

– Прими правильное решение! – попытался вернуть внимание Ситары Свами Риши.

– Константин! – после секундного колебания ожидаемо выбрала Ситара.

– Вы расстроились? – обратился к Свами Риши ведущий, отреагировавший на то, с каким огорчением наставник воспринял выбор ученицы.

– Мне очень, очень жаль! – ответил Свами Риши.

Но сильнее всех на весь этот балаган отреагировала Регина. Сгусток её отрицательной энергии, направленный против Ситары, почувствовала не только сама девушка, которая побледнела и закашлялась, но и все остальные. Повеяло каким-то могильным холодом. Ведьмочка прекрасно осознавала силу своего воздействия и, не скрывая кривой ухмылки, проворчала: «Одевайтесь теплее...»

Даша подумала о том, какую тяжёлую ношу взял на себя Константин. Много сил ему придётся потратить на строптивую ведьмочку, но, в тоже время, восхитилась мощью её дара. Холод Дарья почувствовала, но не так сильно, как остальные – её защита «в домике» сработала.

Тип защиты Даша нашла на... детской площадке. Дети играли в догонялки, периодически поднимали ручки вверх, изображая треугольник крыши над головой, и кричали: «Я в домике». Мол, меня нельзя трогать! Как ни смешно и не серьёзно это выглядело, но работало же! Для большей уверенности в защите от чувств к Константину (Даша запретила себе звать его Костей даже в мыслях), она «посадила» его в телевизор. Ведь когда он был по ту сторону экрана, она его ещё не любила...

Тяжелейшая задача обуздания огромной тёмной силы Регины Константина не страшила, он с азартом принял вызов судьбы. В целом, он был доволен своей командой. Сильней-

ший участник этого сезона Школы экстрасенсов – Регина у него в команде. Её светлое альтер-эго – Ситаря тоже выбрала его (именно его, а не его команду. Здесь он чётко осознавал, какими рычагами воспользовался, чтобы она сделала такой выбор. Но его соперничество со Свами Риши – это война. А на войне все средства хороши). С огромным, нераскрытым до конца, потенциалом была и Вилма. Трое остальных участников были слабее, но кто знает, что в них откроется во время обучения?

Дарья со своей любовью, похоже, тоже не будет ему мешать. Девушка вела себя адекватно, видимо, поняла всю бесперспективность «поедания» его глазами. Был только один момент, когда она раскрылась – в ситуации с Ситарей. Ревность – слишком сильное чувство, с которым и опытный мастер не всегда может быстро справиться. Ну, ничего, Дарья – талантливая девушка, а Свами Риши – опытный учитель, он ей поможет. Жалко только, что так сложился расклад. Если бы не её так не к месту вспыхнувшая любовь к нему, он бы забрал Дарью к себе, и тогда в его команде было бы четыре сильных ученика против двух у Свами Риши. Не так, как сейчас: трое на трое.

Доволен был своей командой и Свами Риши. Трое однозначно сильных учеников: Витюша (оболтус, правда, без внутреннего стержня, так что придётся с ним повозиться, но тут уже появились некоторые мысли, как это сделать), Бори-

слава (её сверхпреданность можно использовать, но в целом, он был согласен с Гецаевым – надо переплавить девушку из собаки в волчицу) и Дарья (суперталантлива, но не уверена в себе, да ещё угораздило в соперника влюбиться). Конечно, с ними не обойдётся без проблем, но и у Гецаева их достаточно, одна Регина чего стоит. С ней, кстати, ещё можно проблем подкинуть. Надо же ему отомстить на то, что увёл из-под носа Ситару! На войне, как на войне – все средства хороши!

Двое из оставшихся трёх – Дима с шахматами и Катя были откровенно слабыми, но и из них можно что-то слепить. Было бы на это время. Отличник Владимир вызывал в душе Риши смешанные чувства. Как ему удалось сдать экзамен, Учитель не понимал, особого дара в нём не чувствовал. Тем интереснее будет с ним работать. Кто знает, какие горизонты могут открыться в мужчине? И тогда сегодняшний расклад трое на трое может вполне перерасти в четверо на троих!

3

Месяц занятий с наставником стал для Даши одним сплошным праздником. Состояние, в которое вводил Учитель, можно было описать только бессвязными словами с восклицательными знаками: Вау! Ужас! Восторг! Круто! Свами Риши делился с учениками теми медитативными практиками, которые усиливали их дар, учили черпать си-

ду из космоса, позволяли видеть не глазами, а внутренним зрением, осязать не руками, а чувствами, делать правильные выводы не логикой, а ощущениями.

Занятия Учитель проводил групповые и только перед зачётами, которые проходили раз в неделю, давал наставления каждому ученику индивидуально. И первым делом посадил их всех на диету и обязал ежедневно выполнять комплекс физических упражнений. «Тело должно стать прозрачным, чтобы проводить энергию», – утверждал Учитель. И сам являлся неопровержимым доказательством истинности своего утверждения. Он, шестидесятилетний мужчина, сверкал голым, жилистым торсом двадцатилетнего спортсмена, когда занимался с ними на улице чакровым бегом. На улице, в переменчивую весеннюю погоду. И ещё успевал, не сбивая дыхание, командовать ими: «Двойной выдох! Двойной вдох! Снизу до макушки вдыхаем! Выдыхаем до живота! Двойной вдох! Двойной выдох!» А они, двадцатилетние, в одежде, едва успевали за ним, задыхались и волочили ноги, как шестидесятилетние старички.

Но зато потом, когда ловили волну, какая же это была радость почувствовать в себе силу, огромную, безграничную! Какое же было опьянение восторгом! Дарье, вдруг, захотелось оказаться на берегу моря. Она была уверена на все 100%, что, если, уж, не «по морю яко по суху», то «по колению в воде», она его точно перейдёт.

А суфийское кружение?! Даша не представляла себе, как

можно крутиться в одну сторону даже пять минут, чтобы не потерять равновесие. Оказалось – можно! И пять минут, и полчаса, и даже больше! «Правая рука вверх. Оборот через пятку опорной ноги, вторая закручивает внутрь. И – пошла!» Надо только зацепиться за поток силы, который льётся на тебя из космоса. Выстроить своим телом перпендикуляр, уходящий в небо. И тогда голос Учителя, призывающий тебя остановиться, воспринимается, как досадная помеха, потому что тебе хочется кружиться ещё, и ещё, и ещё. И не ради кружения как такового, а ради запасов энергии, которые закладываются, как кирпичики, в тебя, в твоё тело.

Труднее всего Даше далась дзен-ходьба. «Опустить энергию из головы в тело. Минимум в сердце, максимум в живот. Оставаться пустым, без мыслей. Идти медленно туда, куда ведут ноги. Быть осознанно внутри себя...» Не думать не получалось. В итоге задание Даша провалила. Здесь лучшим оказался Витюша (все, кроме Бориславы, стали его так звать вслед за наставником). Он вообще по ходу был прирождённым поисковиком. Это показали и следующие испытания, и экзамены. Ни одного подобного не провалил. С таким блеском и кажущейся простотой проходил, так эмоционально радовался своему успеху, что у наблюдателей невольно закрадывалось подозрение в мошенничестве. Однажды его даже заставили проходить испытание дважды. Но он с блеском справился и во второй раз!

Борислава была лучшей там, где могла призвать для полу-

чения правильных ответов души умерших. Был у них в группе такой зачёт, когда ученики по одному общались с группой незнакомых людей, якобы находящихся в автобусе. В принципе, Дарья тоже справилась с заданием. Свами Риши был ею доволен. А вот она собой – нет.

Даша абсолютно правильно описала характер молодого человека, но прекрасно осознавала, что пошла по пути наименьшего сопротивления, ухватившись за того, кто ей напомнил её одноклассника – нарцисса, хвастуна, хитреца, обманщика и труса, боящегося брать на себя в жизни хоть какую-нибудь ответственность. Молодой человек так был ошарашен правильностью её характеристики, что даже нисколько не обиделся на начинающего экстрасенса.

Зато, на зачёте по позам Дарье не было равных. Она единственная из всех шестерых правильно повторила за Учителем все позы, стоя к нему спиной: Сила (квадрат из указательного и большого пальцев обеих рук), Восхищение (лицо и руки подняты вверх – треугольник основанием вверх), Любовь (сложенные вместе ладони на уровне сердца, как при молитве), Гнев (обе руки вниз – треугольник основанием вниз, оскал и рычание зверя), Покой (усесться на пол на коленях, руки параллельными прямыми, ладони вверх). Борислава смогла угадать только две: Восхищение и Гнев. Витюша только одну – Любовь, что вообще можно было расценить, как случайность.

Остальные не угадали ничего, да и на других зачётах по-

казывали слабые результаты. Володя старательно копировал всё, что демонстрировал наставник, пытаясь через форму дотянуться до содержания. Самый бесперспективный путь, который ни грамма не прибавил ему умений.

Дима наоборот, закрылся и категорически ничего не желал впитывать из того, чем делился с ними Учитель. На зачётах всё также шуршал пакетом и тряс своим шахматным ожерельем без особых успехов. Свами Риши однажды даже сорвался и накричал на него: «Ты же *ко мне* пришёл учиться?! Так тогда почему ты *меня* не слушаешь?! Почему *тебя нет* с нами?! Я не понимаю!»

Катя была больше озабочена изменениями своего тела, чем учёбой, как будто пришла в группу похудения, а не начинающих экстрасенсов. То глупо хихикала (это из неё вылезали её потаённые страхи), то плакала, когда на занятиях обнажались её застарелые обиды – на мать, на бывшего мужа, который бросил её беременной, на собственное тело, расплзающееся вширь, на каких бы диетах она не сидела (как объяснил Свами Риши, тело расширяется в поисках любви – чем тебя больше, тем быстрее тебя заметят) Ей, в первую очередь, необходима была помощь, чтобы разобраться с самой собой, а потом уже можно было думать об учёбе. Но в рамках проекта Школы экстрасенсов это было невозможно – не было на это ни времени, ни сил. Да и задачи такой не стояло.

Свами Риши потерял интерес к трём бесперспективным

на данный момент ученикам и сосредоточил свои силы на оставшихся троих. Дарья это чётко ощущала и совершенно не осуждала Учителя. Всё-таки, они находились на телевизионном шоу, в условиях конкуренции с группой другого наставника, и это диктовало свои правила поведения.

А вот что для неё было удивительно, так это то, что Учитель не вмешивался в конфликт Бориславы и Витюши. Вернее, конфликтовала одна Борислава, Витюша только пассивно оборонялся. Чего ему только не говорила девушка: и что она готова его рвать на мелкие клочки, и метать в него камни, и даже договорилась до того, что поставит свечи в церкви за его упокой. Верная «собака одного хозяина» явно пыталась отвоевать себе единоличную любовь Учителя, который откровенно выделял Витюшу из всех учеников, называл «особенным», считал единственным, с кем он связан кармически. Как же так? Выделяет, но не заступается? Ведь нападки Бориславы явно отнимали у Витюши силы, потому он и результаты показывал не стабильные: то блестяще проходил испытания, то с треском проваливался. А ведь впереди их ждал первый настоящий экзамен, после которого будут первые отчисления из Школы...

Дарья в какой-то момент чуть не бросилась на защиту Витюши, но вовремя остановилась, почувствовав в конфликте третью сторону. А когда пригляделась – ахнула! Это же Учитель! Стоит и наблюдает со стороны. И даже, кажется, подстёгивает Бориславу. И тут Дарья поняла, что не всё так про-

сто. И отступила.

Перед экзаменом они, наконец, увидели своих соперников из группы Константина Исаева. Перед тем, что творилось в этой группе, конфликт Бориславы с Витюшей показался Дарье цветочками. Все, кроме Регины, тряслись от страха, но не перед экзаменом, а перед... Региной. Они сидели фигурально застёгнутыми на все пуговицы, а молодая ведьмочка, казалось, была готова взорваться. Она с плотоядной радостью включилась в словесную перепалку Бориславы и Витюши, и Дарья воочию увидела, с какой жадностью она глотает их отрицательную энергетику. Как изголодавшийся вампир пьёт горячую кровь жертв...

Слава богу, на экзамен первым вызвали Витюшу, и страшная трапеза прекратилась. Как он его сдаст после такой экзекуции?

Наставники наблюдали за сдачей экзаменов своих учеников и учеников конкурента по монитору. Для Константина никаких неожиданностей ни в своей группе, ни в группе Свами Риши не было. Ни один из них не смог дать полную картину по Мистеру Икс⁵. Каждый из учеников цеплялся за что-то близкое ему из личности незнакомца, и оттуда уже тянул ниточку своих рассуждений. Тот, кто сумел отключить логику, оказывался ближе всего к истине. Кто не смог устоять перед умозаключениями, быстро начинал нести чепуху. К по-

следним относились и два его ученика: Алексей и Андрей. Оба хорошо начали, но потом включили мозги, и уплыли в неправильном направлении.

Наталья и Ситара, к огромному сожалению Константина, вообще не сказали ничего. Ну, ладно, Наталья! Тут действительно, отчасти Сергей был прав, он её просто пожалел, взяв к себе в группу. Но он же честно с ней занимался, и зачатки способностей у девушки есть, но... Слишком не развитые, по крайней мере, для этой программы. И ещё плюс мешает сверхэмоциональность. А эмоции – это колоссальная потеря энергии, которой и так не много! Если её сегодня отчислят, будет не обидно. Но вот Ситара... Феноменальные способности и такое чудовищное неверие в себя, в свои силы! Постоянный страх, не понятно откуда взявшееся стеснение, зажатость. Но он обязан быть честным, да и деваться некуда: сегодня надо будет подставить под удар отчисления четверых и надеяться, что наблюдатели, которые могут спасти одного из них, будут благосклонны именно к Ситаре. Все шансы у неё для этого есть. Её ангельская внешность. Её работа на занятиях с ним и во время зачётов, показанная в эфире. Да и от него, его заключительного слова перед голосованием, многое зависит.

Кто безоговорочно порадовал Константина, так это Вилма! Она стала абсолютным лидером на этом экзамене. Её точные слова о муже героини поразили Мистера Икс (вернее сказать – Миссис Икс) и её окружение в самое сердце. «Сво-

бодный, как ветер», «его жизнь с Вашим приходом практически не изменилась», «длинные руки, за которые Вы его полюбили», «страстный, но холодный одновременно, не умеет выражать свои эмоции», «Вам всегда его не хватает» – было видно, что Мистер Икс готова была подписаться под каждым этим выражением. Да, собственно, она так и сказала, когда Вилма ушла с площадки. И пусть Вилма рассматривала пока мужчину через женщину, для неё это был огромный прогресс, поскольку раньше мужчины воспринимались ею исключительно как пустые мыльные пузыри. Именно с этой проблемой она и пришла к нему, Константину, в группу. А, значит, все их совместные усилия не пропали даром, не ушли в песок, дали ростки...

Что невозможно сказать в случае с Региной. Она до сих пор не приняла взгляд Константина на чёрную магию, которой занималась, и в которой считала себя асом. Она продолжала питаться негативными эмоциями, разрушала всё вокруг, даже осознавая, что ранит при этом и себя. Она упорствовала в своём праве наводить порчу, без тени сомнения надевая на себя корону абсолютной справедливости, карающей справедливости. Да, она взяла на вооружение некоторые приёмы, которым обучил её наставник, это сделало её сильнее, но не разбавило зло, которым она себя окружила, ни на йоту. Единственное, что она искренне воплотила в жизнь, это барьер защиты людей *от себя*. Люди, хотя бы, перестали от неё шарахаться и убегать. Но долго за таким барьером

быть не могла. Ей самой становилось тогда плохо. Вот и на сегодняшнем экзамене – ей пришлось его прервать.

Итак, что мы имеем в итоге? Вилма – пятёрка, Регина – четыре, Андрей и Алексей – по тройке, Ситара – двойка, Наталья – кол. А что там у нашего конкурента? О-о-о! А здесь-то всё намного хуже! Три кола – Дмитрий, Екатерина и Владимир. Вообще ничего не промямлили. Борислава говорила ярко и уверенно, но ушла в неприятную для Мистера Икс тему про бывшего мужа, увлеклась, насочиняла лишнего, что вряд ли ей сыграет в плюс, если Свами Риши решит выставить её на отчисление. Но твёрдую троечку заработала. Виктор (какого лешего наставник так по-дурацки зовёт его Витюша?) работал хорошо, но говорил как-то не уверенно, не ярко, на пятёрку не дотянул, выше четвёрки не поставишь. А вот Дарья молодец! Работала чётко. Заикнулась было о бывшем муже, но тут же уловила недовольство Мистера Икс, и переключилась на день сегодняшний. Умилила всех рассказом о детях героини и ушла с испытания под аплодисменты. Несомненная пятёрка. Так что счёт 18 : 15 в пользу Константина Исаева. Не понятно только одно: чем так доволен Свами Риши?

А Свами Риши был доволен тем, что первый раунд их конкуренции с Константином Гецаевым прошёл чётко по тому плану, который он задумал. Его не расстроили провалы Димы, Кати и Владимира, он их уже списал со счетов.

Дарья – умница! Шагает вперёд семимильными шагами. Смогла отодвинуть подальше сердечные раны и сосредоточилась только на учёбе. А уж защиту себе выстроила – шик, блеск, красота! Тут он ей немного подсобил, усилил, но идея то её – изящная и до смешного простая! Есть небольшая проблемка, но они с ней вместе быстро справятся. У финальной тройки учёба будет проходить в индивидуальном порядке, так что всё пойдёт ещё интенсивнее.

Витюша тоже молодец! Пора переводить парня в Викторы. Такое давление выдержал – ежедневный «лай» Бориславы, а перед экзаменом – ещё и укусы Регины. Но ведь собрался, сумел сконцентрироваться и выдал результат! Давай-давай, Витюша, формируй стальной стержень, хватит уже быть размазнёй! Пора становиться мужиком! Если выдержишь сегодня ещё одно испытание – честь тебе и хвала! Станешь Виктором. Со всеми вытекающими из значения этого имени последствиями⁶.

Борислава... Вот тут есть косяк. Затянул с переводом в волчицы. Воспользовался «собакой» для перевоспитания любимца. Ну, ничего, у нас будет время наверстать упущенное! Не трусь, не собираюсь я тебя подставлять под отчисление. Сегодня, уж, точно!

А что там у нашего конкурента? Трое однозначно списанных со счетов: Андрей, Алексей и Наталья. Под удар придётся подставлять и Ситару. Способная девушка, её, конечно, оставят, с её-то обаянием! Но Константин, с его интел-

лигентским подходом вселенского терпения, уже не успеет вытащить её возможности на поверхность. Здесь либо нужно время, которого нет, либо жёсткий удар, на который он не способен. Он есть у меня, но ты перетянул Ситару к себе, так получи по заслугам!

Вот из-за кого действительно можно склонить голову перед Гецаевым в знак уважения, так это Вилма. Чётко человек Константина! Пока Свами Риши нейтрализовывал Регину, считая её самой опасной конкуренткой своим ученикам, Гецаев открыл Вилму. Её уже не подкормишь негативными эмоциями, сбивая с курса, выстроенного наставником, как Регину. «Ну, ничего! У Гецаева одна Вилма, а у меня двое не менее сильных – Виктор и Дарья, может, и третью – Бориславу, подтянуть успею», – сделал оптимистичный вывод Свами Риши.

⁵ – экстрасенсы работают с плотно завязанными глазами, опираясь только на свои экстрасенсорные способности, со звёздным гостем, имя которого не знают ни ведущий, ни члены съёмочной группы.

⁶ – Виктор означает в переводе – «победа»

4

– Вот и настал волнительный день первого отчисления из нашей Школы. Позади месяц учёбы у наставников и первый

экзамен. Наставники сейчас отберут по четыре человека из своей команды, которые менее успешно с их точки зрения прошли все испытания. Наблюдатели, которые видели, как вы проходили экзамен, спасут по одному человеку из каждой команды. И, таким образом, в четвертьфинале, выражаясь спортивным языком, окажется ровно половина из вас. И начнём мы с команды Свами Риши, – начал судьбоносный день отчисления из Школы экстрасенсов ведущий.

– Прежде, чем я выберу претендентов на выбывание, я хочу сказать кое-что каждому из вас. Екатерина! Катя! Тебе обязательно надо разобраться сначала в себе. Убрать из души *обиды*, переплавить их в свою силу. И тогда у тебя всё получится! Володя, ты, к моему сожалению, так и не пошёл дальше изучения *формы*. Когда ты за формой увидишь содержание, ты удивишься сам себе! Дмитрий! Ты остановился. Не продвинулся ни на шаг. Ничего не захотел взять у меня. Ну, посмотри! Вот же я – открыт! Черпай мою энергию, пей мою кровь! Но ты закрылся и ничего не хочешь. Таков твой выбор. Что ж, я вынужден его уважать. Дарья! Красава! Ну, ты сама знаешь, как далеко мы с тобой продвинулись. Но есть одно «но»! Не думай, что я не заметил, как ты боишься общаться с людьми. Так было и на вступительном экзамене, когда ты быстренько слиняла из студии. Так было и на зачёте в автобусе. И после экзамена не захотела общаться с людьми тет-а-тет. «Если это возможно, я бы этого не хотела». Ну что это такое? Мне это было неприятно. Откройся

людям и дальше всё произойдёт само собой!

– Я не..., – начала говорить Даша, но наставник её перебил:

– Молчи! Сейчас я говорю! Не надо мне возражать! – вспылал Свами Риши.

Даша и не собиралась возражать. Она просто хотела объяснить Учителю, что *не людей* она боится, а боится нанести им *вред*. Нет у неё стопроцентной уверенности в своих ощущениях. Вдруг её видения заведут не туда? Сделают человеку, обратившемуся к ней за помощью, только хуже. И даже если научиться считывать информацию с самого человека, где гарантия, что ты прочтёшь не *его* видение ситуации, а объективную информацию о том, что произошло на самом деле? Конечно, зря она рванулась объясняться при всех, но наставник не дал ей время даже извиниться за это, переключив своё внимание на последнего ученика своей группы:

– Витю-ю-юша! – произнёс Свами Риши, иронично растягивая имя ученика, – А ты сам-то знаешь, за чем ты пришёл?

– К Вам пришёл! – с отчаянием ответил ученик, уже чувствуя предстоящую головомойку.

– Не-е-е! Не ко мне! Ещё раз спрашиваю: за *чем* ты пришёл? Глубже копай себя, глубже!

– За любовью пришёл!

– Во-о-от! Это уже ближе к истине! И одной моей любви тебе мало! Ты хочешь, чтобы тебя любили миллионы! Чтобы тебя узнавали на улице! Поклонялись тебе! Вот за чем ты

пришёл! Пришёл не ко мне, а в телевизор!

– Нет! – попытался возразить ученик.

– Молчать! – уже кричал наставник. – Ты представить себе не можешь, что это такое, когда ты спокойно не можешь показаться на улице! Провести время с семьёй! Когда человек встаёт перед тобой на колени, просит о помощи, а ты понимаешь, что не можешь ему помочь! Ты не можешь помочь всем!

Свами Риши вскочил из-за стола и за одно мгновение оказался лицом к лицу с учеником, и дальше выплёвывал свои слова, удерживая его взгляд своими глазами, полными сдерживаемой ярости:

– Ты у меня будешь зарабатывать любовь по колено в говне, ясно тебе? Если, конечно, не вылетишь сегодня. Потому что третьего шанса быть со мной у тебя не будет!

После вспышки гнева наставник отошёл к Бориславе. Крепко взял девушку за плечи и прислонился своим лбом к её лбу, закрыв глаза. Постоял так несколько мгновений, пока не выровнял дыхание, а потом отстранился и тихо сказал:

– Тебе я ничего говорить не буду. Ты и сама всё понимаешь.

У Бориславы по лицу катились слёзы. А Свами Риши вернулся за стол и жёстко произнёс:

– Екатерина! Дмитрий! Владимир! Красков! – впервые называя любимца по фамилии, а не по имени.

Ученики выстроились перед Учителем, и он, глядя только

на последнего, сказал:

– Это для тебя испытание! Пройдёшь с честью, станешь *Виктором*. Разницу между Витюшей и Виктором чувствуешь? Вылетишь, из «Витюши» будешь выкарабкиваться сам... Если захочешь.

– Наставник сделал свой выбор, – подал, наконец, голос ведущий, – Теперь очередь Константина Исаева.

Константин молчал. Он выключил слух во время циркового представления, которое устроил для своего ученика Свами Риши. Но вот его слова перед этим, сказанные Дмитрию, Константина зацепили. А как далеко ушли его ученики от того дня, когда он впервые собрал их вместе и единственный раз провёл групповое занятие?

Задание, с его точки зрения было очень простое. Надо было почувствовать его кровь, ещё тёплую кровь, находящуюся в пробирке и скрытую от глаз учеников в небольшом сундучке. Каждый из них пытался своим методом решить задачу. Каждый из них что-то сказал. Кто-то упомянул про стекло. Кто-то про что-то живое. Кто-то про близкое сердцу. Кто-то про кожу и боль. Кто-то, кажется, Вилма увидела женщину, стоящую рядом. Но никто не почувствовал именно кровь – самый мощный афродизиак. Стеклом можно было засчитать пробирку. «Живое» – что может быть живее крови? «Близкое сердцу» – куда уж ближе? Взятие крови – это однозначно кожа и боль. Даже видение Вилмой женщины рядом объяснялось медсестрой, которая эту кровь брала. Все их отве-

ты были рядом. Но не точно в цель. И никто, ни один не догадался использовать *его*. Ведь понимали, должны были понять, что он знает, что там находится, что через него можно всё увидеть. Он им даже намекал на это в процессе занятия. На подсказку в сто девяносто сантиметров роста, почти девяносто килограммов веса и тридцати трёх лет от роду.

Безусловно, с того времени все они сделали хоть несколько шагов от себя самих. Кто-то больше, кто-то меньше. И почти все вперёд. Дальше всех ушла Вилма. Всего на один шаг продвинулась Наталья. И только Регина ушла в сторону...

Из задумчивости Константина вывел голос Сергея:

– Константин, мы все ждём Вашего решения.

Наставник встал из-за стола, обошёл свой стул и опёрся на его спинку руками.

– Друзья мои, я очень горжусь своей командой! Мы с вами проделали огромный путь. И он был плодотворным. Экзамен это ясно продемонстрировал. Прежде, чем я назову имена тех, кого я буду вынужден отправить в номинацию на выбывание, я хочу сказать вам, что независимо от результатов сегодняшнего дня, я всегда готов встретиться с вами, помочь, подсказать. Помните об этом. Итак, первой я прошу выйти Наталью... Наташ, я думаю, что ты сама понимаешь, что тебе мешает успешно работать. Эмоции, эмоции и ещё раз эмоции!

– Эмоции – это моя суть, – грустно ответила ученица.

– Вы не считаете выбор наставника справедливым? – влез

ведущий.

– Ни в коем случае! – возразила Наталья, – Константин прав.

– Андрей, присоединяйся к Наталье. Андрей, ты не умеешь концентрироваться. Именно поэтому выпадаешь из потока и вынужден обращаться к логике, отсюда и провал в конце при отличном начале. Ты сам для себя должен решить, что для тебя важнее – эзотерика или то, что тебя постоянно отвлекает? Если решишь, что эзотерика, то тогда с тобой будет очень интересно поработать.

– Алексей, выходи! Лёша, не было ни одного человека в группе, кто бы задавал мне больше вопросов, чем ты. Мне даже кажется, что ты их превзошёл всех вместе взятых. Но теория, так и останется теорией, если ты не научишься доверять своему сердцу, и во время работы не начнёшь прислушиваться к нему, а не вспоминать на какой странице учебника ты читал о подобной ситуации. Надеюсь, что ты меня услышал.

– Я Вас услышал, Константин! – твёрдо ответил ученик.

– Ситара! Четвёртой мне придётся выставить тебя. Ты – уникальный человек, с феноменальными способностями. На наших индивидуальных занятиях ты блестяще справлялась с заданиями. Один раз, два раза, пять, десять! И при этом постоянно утверждала, что это случайность. Да пойми ты, не может быть случайным результат десять раз подряд! Ты абсолютно не веришь в себя, но я верю в тебя! И очень наде-

юсь, что у нас с тобой ещё будет время поработать и в рамках этого проекта.

Намёк был более чем понятен, и Костя рассчитывал, что люди, наблюдающие сейчас за происходящим по монитору и обладающие правом спасти одного из номинантов на выбывание, услышат его.

– Я не могу не сказать об оставшихся двух моих ученицах. Вилма! Ты как никто радуешь меня своими успехами. Ты смогла преодолеть, перебороть свои страхи, свои комплексы. И результат получился блестящим! Думаю, для тебя не секрет, и с этим согласится даже мой уважаемый оппонент, наставник конкурирующей команды, что ты – безоговорочный победитель на сегодняшнем экзамене!

Уже в начале своей речи, обращённой к своей любимице Ситаре, Константин увидел негативную реакцию Регины, а когда начал хвалить Вилму, почувствовал энергию осуждения справа, со стороны команды Свами Риши. Но это не был его конкурент. Чёткая волна осуждения накатывала на него от Дарьи, хотя смотрела та на Регину. И смотрела с ужасом.

Дарья, действительно, не могла оторвать глаз от ведьмочки. Хвалебные речи наставника в отношении *не* её, вызывали в Регине насмешку. Она и не пыталась спрятать презрительную ухмылку. А Дарья ужаснулась той возросший за месяц силе, которой напитал ведьмочку Константин. Неужели он сам не понимает, какую чёрную силу взрастил, ни на градус не развернув к свету?

Осуждение Дарьи, по сути ещё сопливой девчонки, возмутило Константина, но поведение Регины вывело из себя, взбесило. Только он сам, Константин, знал, скольких усилий ему стоило справляться со своим темпераментом, с вулканическими страстями, которые полыхали в его душе. И он обратился к ученице резче, чем собирался это делать:

– Скажи мне, Регина, ты правда считаешь, что выше на голову *всех*, кто здесь стоит? – спросил, едва сдерживаясь, наставник, имея в виду под «всеми» не только учеников, но и себя, и Свами Риши.

– Да, – прошелестел Свами Риши, предугадывая ответ.

– Да! – высокомерно ответила ведьмочка.

– А зачем ты тогда пришла сюда, *ко мне*? Шла бы сразу на Битву экстрасенсов. Сражалась с равными с тобой, как *ты* считаешь, по силе.

– Ты прекрасно знаешь, Костя, что я пришла научиться управлять своим даром, чтобы он не управлял мной! – продолжала дерзить Регина.

– Как ты смеешь!.. – возмутился её обращением к наставнику на «ты», как будто была ему ровней, Алексей.

– Заткнись! Тебя никто не спрашивает! – не дала ему закончить фразу Регина, а Константин предостерегающе поднял руку, призывая ученика не вмешиваться.

– Невозможно обуздать свой дар, если ты не сможешь обуздать свой характер, не научишься управлять гневом. Ты вся окутана злом. Оно переполняет тебя, выплёскивается на-

ружу.

О! Как эти слова не понравились ведьмочке! Она полыхнула такой злобой, что если бы Константин не ожидал этого и не был готов, пробило бы даже его. А так он отбил ступок отрицательной энергии, как чемпион мира по большому теннису отбивает мячик, и послал его высоко в небо. Уж там найдутся силы, способные нейтрализовать любое количество зла. И при этом даже успел заметить силу, кинувшуюся на его защиту. Дарья. Вышла из-под своего щита и открыто делится с ним своей тёплой положительной энергией. Что это? Глупость неопытного экстрасенса? Или... Или любовь?

Константин находился под покровительством аланских провидцев, для родителей уже давно сам был защитой больше, чем они для него. Большинство окружающих его людей сами искали у него защиту, покровительство или помощь. А женский пол – ещё и плюс финансовое обеспечение, статусность, секс. Наивная попытка Дарьи помочь ему, тронула Константина до глубины души. Хорошо хоть Регина не обратила на неё внимания. И спасибо Свами Риши, который заметил свою открывшуюся ученицу, и вовремя залатал брешь в её защите. Константину, в его положении, приходилось экономить свои силы.

А вот за то, что параллельно Риши ещё и у Регины силу покусывал, благодарить Константин не собирался. Ведьмочка хоть и подуспокоилась после выплеска энергии, но вряд

ли конкурент помогал ему бескорыстно. Скорее всего, больше думал о своих учениках, которым предстояло сражаться с Региной в финале.

Последнее слово всё равно осталось за наставником:

– У нас с тобой ничего не получится, если... – тут Константин выдержал внушительную паузу, – если ты не при-
мешь мои условия, о которых мы поговорим на следующей неделе. Доверься мне. Я тебе не враг, но могу им стать, если захочу. А пока ты остаёшься в моей команде.

Почувствовав, что громы и молнии перестали метаться по съёмочному павильону, вперёд вышел ведущий, благоразумно отсиживавшийся в сторонке, пока эти, блин, маги выясняли между собой отношения:

– Наставники сделали свой выбор, и теперь я отправляюсь к нашим наблюдателям, чтобы узнать какой выбор сделали они.

Как и рассчитывал Свами Риши, в его команду вернулся Виктор. А вот ожидания Константина не оправдались – наблюдатели отправили Ситару домой, оставив в Школе экстрасенсов Алексея.

5

Даша так устала, так устала, что даже выражение «выжатая, как лимон» не отражало степень её усталости. Скорее, она ощущала себя как пересушенная корочка сухофрукта.

Она поняла, что доехать до заветного местечка в Коломенском, где она обычно восстанавливалась после особо трудных дней, (а таких было немало во время учёбы в Школе экстрасенсов) не сможет физически. И решила посидеть в укромном уголке дальнего конца съёмочного павильона, который уже давно заметила, но в который пока не заглядывала. Оттуда пахло силой, и Даша надеялась ею подпитаться.

Экзамен за выход в полуфинал дался Дарье, ох, как нелегко. Скольким бы практикам, как абстрагироваться от ситуации, которую рассматриваешь, Учитель не обучал, ну, не получалось у неё не пропускать всё это через своё сердце. Особенно, когда дело касалось смерти ребёнка, как в этот раз. Конечно, она понимала, что и в дальнейшем, если она сделает экстрасенсорику своей профессией, ей не избежать подобных испытаний. Мало того, такого будет абсолютное большинство. Есть, конечно, небольшой процент людей, которые бегают по экстрасенсам по любому ничтожному поводу, но большинство обращаются уже, когда край, и больше идти некуда. А что может быть самое страшное, самое горькое, самое безысходное, чем смерть любимого человека? И только его бессмертная душа может рассказать, как он умер. И наладить контакт с ней не может никто, кроме экстрасенса.

А ей сегодня, к тому же, пришлось ещё и с людьми общаться индивидуально. Львиную долю уроков Свами Риши посвятил именно этому: искоренению её боязни общения с людьми (она-то считала, что этой «болезни» у неё не бы-

ло, а, оказалось, ещё как была!) и воспитанию уверенности в собственном даре, благодаря чему сомнения в правильности приходящих образов и ощущений должны были исчезнуть. Дарья сегодня после экзамена поговорила с каждым, кто к ней обращался с такой просьбой. А обратились все, кто был на съёмочной площадке. И каждому она уделила время и свои силы. У каждого просила прощение, если что не так сказала. Так что у Дарьи сегодня получился двойной экзамен: перед экзаменационной комиссией в виде наблюдателей, которые должны были решить, кто точнее справился с заданием и достоин продолжить борьбу в полуфинале. И перед Учителем – как она усвоила те знания, которыми он делился с ней по её индивидуальной проблеме.

Так всё накрутилось, навалилось в последние дни. И то, что дни на проекте были последние – всего две недели до финала, с одной стороны радовало, хотелось побыстрее закончить Школу, как бегуну на длинную дистанцию, увидевшему вдалеке заветную финишную ленточку, не терпелось до неё добежать. А с другой стороны... С другой стороны, сердце щемило, что скоро всё закончится и тогда исчезнет возможность видеть Костю. Он окончательно превратится для неё в человека из телевизора и интернета. Зато и не придётся больше тратить силы на выстраивание и подпитку барьера от него, от чувств к нему, на внешнюю видимость нейтрального к нему отношения...

Проект оказался для Константина гораздо более сложным испытанием, чем виделось ему вначале. Одна только Регина чего стоила! Ещё на вступительном экзамене ведьмочка без стеснения призналась, что занимается порчей. Причём, снимает гораздо реже, чем наводит. Константину многое тогда не понравилось – и в её работе, и в её эмоциях. Единственное, за что он зацепился, что подвигло его взять её в свою команду, чтобы помочь, – это её святая вера, что она плохое делает только тем людям, кто это заслуживает. И при этом себя она не жалеет, разрушает собственным даром, растрчивает, убивает, практически, собственными руками. Сколько тяжёлых бесед они провели! Бесед, больше похожих на споры, поскольку Регина была единственной ученицей Константина, которая не испытывала пиетет перед наставником, как остальные его ученики.

– Регина, ты уверена, что все те люди, на которых ты наслала порчу, сделали что-то плохое? – пытался посеять семена сомнения в своей ученице Константин.

– Уверена! – упрямылась ученица.

– А кто дал тебе право решать – виновен или не виновен?

– Я насылала порчу только в очевидных случаях.

– Ты понимаешь, что порча равносильна убийству?

– Да! – даже с каким-то вызовом отвечала Регина, – Я считаю, что справедливость должна быть и на этом свете! Око за око! Зуб за зуб!

– Если какая-то мразь убивает, а ты убиваешь в ответ, то

чем ты отличаешься, извини, от мрази? Ты действуешь, как киллер.

У Регины аж губы затряслись от обиды, а прекрасные глаза наполнились слезами:

– Знаешь, скольким людям я помогла?!

– А скольким навредила? Даже одно плохое дело не стоит десяти хороших, пойми! Дарить надо свет, добро. Нести любовь! В тебе же есть любовь...

И подобных разговоров было множество. Константину даже пришлось пойти на шантаж – поставить перед Региной выбор: либо она меняется и тогда остаётся в Школе, либо уходит. И на сегодняшнем экзамене она впервые не отступила от линии, которую вычертил для неё наставник, и смогла успешно справиться с заданием, не призывая в помощники тёмные силы...

Вилма работала блестяще, а Алексей ожидаемо провалился. Объективности ради, надо сказать, что даже если бы на его месте осталась Ситара, она бы всё равно не потянула встать рядом с Региной и Вилмой. Да и со всей командой Свами Риши тоже. То, что сегодня ушла Борислава, никоим образом не говорило о её слабости. Просто, чисто внешне, её работа выглядела не так эффектно, как работа Виктора и Дарьи.

Интересная выстроилась интрига перед отбором в финал, когда останется по одному ученику от каждой команды! Да их уже и учениками не назовёшь, так все они выросли за

время обучения. Даже раздолбая Виктора уже не тянет звать «Витю-ю-юша!». И если в начале проекта Константин был уверен в победе Регины, то на данный момент не мог предположить даже кто будет сражаться в финале от своей команды: Регина или Вилма? А уж про команду соперника и говорить нечего. Перед Свами Риши остаётся только снять шляпу за то, что из шалопая всего за два месяца вырастил мужчину и абсолютно точно работающего экстрасенса. А Дарья...

Дарья вообще не поддавалась анализу. После той тёплой волны, которую Костя поймал, когда сражался с Региной, он поневоле начал следить за её работой и, почему-то, радовался её успехам, как будто она была его ученицей, а не конкурента. А она... Она сосредоточено работала и не обращала на него никакого внимания. Казалось бы – и радуйся! Сам же не хотел, чтобы она вешалась ему на шею. Так она и не вешается. Только возникает, вдруг, в мыслях в самый неподходящий момент. Или неожиданно мелькает в толпе...

Когда Константин увидел Дарью в дальнем уголке съёмочного павильона, он не сразу поверил, что это не очередное его видение, а настоящая, живая девушка. Сидит тихонько, закрыв глаза и подняв голову вверх, как будто греется на солнышке на берегу моря, а не находится в пыльном, затемнённом закутке. Как его принесли сюда ноги, Костя не заметил, занятый мыслями о шоу. Только удивился, что стоило ему подумать о Даше, как она оказалась тут, как тут, собствен-

ной персоной.

Дарья почувствовала чьё-то присутствие, нарушившее её уединение. Повернула голову, открыла глаза и ойкнула, увидев того, о ком только что думала. Она с такой силой и поспешностью опустила стену защиты, что сгустки силы ударились о неожиданно возникшую преграду и, отрикошетив, ударили по ней же. Даша вскрикнула и скорчилась от жгучей боли. Боль полыхнула ярким светом и... пустота. Даша потеряла сознание.

Для Константина время удивительным образом замедлилось. Он успел заметить недоумённый взгляд Дашиных глаз, который мягко стукнул в закрытую дверь его сердца. Потом в её глазах полыхнула зелёным всполохом любовь, острой стрелой попала ему прямо в сердце, преодолев дверь через узенькое отверстие замочной скважины. От этого укола по всему телу разлилось тепло. Любовь в глазах Даши сменилась испугом. Ярко вспыхнула единственная тусклая лампочка, освещавшая этот уголок, и взорвалась с громким хлопком. Закуток погрузился в темноту. А у Константина удивительным образом высветилось в душе знание: вот она, его единственная, его суженая. И как он её сразу не узнал?

Костя нёс безжизненное тело Даши на руках, а навстречу им уже бежали люди. Слава богу, что бригада врачей, всегда

дежурившая на съёмках, ещё не уехала. Дашу положили на носилки и загрузили в машину. Константин пытался поехать с ней, но его остановил Свами Риши.

Свами Риши был уверен, что Виктор и Дарья, успешно сдавшие экзамен и прошедшие в полуфинал, уже давно находятся по дороге домой, а потому все свои силы направил на безутешную Бориславу. Хоть он и сказал им в напутственном слове, что, как бы ни сложился экзамен, это не приговор их способностям и не конец их связи с ним, с их учителем, всё равно девушка болезненно восприняла отчисление из Школы. Плюс ревность по отношению к ставшему ближе к наставнику Виктору. Пусть они весь этот месяц и посвятили воспитанию из неё свободной волчицы, остатки щенячьей преданности всё равно до конца не выветрились.

Константин вызверился, когда между ним и Дашей встал Свами Риши, и уже готов был применить физическую силу. Почти двухметровому гиганту это не стоило бы большого труда против ниже на целую голову соперника. Но Свами Риши взял верный тон, и Константин смог справиться с демонами в своей душе:

– Тебе нельзя *сейчас* с ней. Поверь мне, так будет лучше для неё.

И Костя отступил. Отошёл в сторону, сложил руки на груди и невидящим взглядом провожал машину, которая уво-

зила от него в неизвестность его суженую. Неужели он *опять* её потерял, едва найдя?

Свами Риши огорчённо вздохнул: мало того, что его соперник выбил из соревнования его сильнейшую ученицу (как бы Риши ни любил Виктора, он трезво оценивал уровень силы своих учеников, тот, что был у них на данный момент), так ещё, похоже, и его самого надо утешать. Константин сейчас не способен объективно оценить ситуацию, думает о самом худшем – о смерти любимой, чего нет и в помине. Самое страшное, что грозит Дарье – это потеря дара, и то Риши чувствовал, что такой исход маловероятен. Медленно и не скоро дар к Даше вернётся. Если, конечно, она сама этого захочет.

И Свами Риши обречённо подошёл подбодрить Костю-человека, но не Константина-конкурента. Ведь, как ни крути, жизненный опыт, мудрость, приходящая только с годами, всегда будет на его стороне, как бы они не были равны в остальном – когда Константин ещё только родился, тридцатилетний молодой мужчина из далёкой Чукотки с простым именем Пётр Волков уже заработал почётный титул «Свами» и с трепетом и благодарностью принял из рук индийских йогов новое имя Риши.

Дарья выбыла из Школы экстрасенсов, а её место в полуфинале заняла Борислава.

Вообще-то, Константин надеялся, что Даша позвонит сама. Повод для этого был – его ученица, Вилма, стала победительницей Школы экстрасенсов. Съёмки давно закончились, и в эфире программа уже прошла полностью, так что Даша не может об этом не знать. Могла бы и позвонить с поздравлениями.

Но вместо Даши позвонила Ситара. Константин искренне рад был её слышать. Они сердечно обнялись при встрече, как благодарная ученица и сделавший для неё максимум учитель. Так воспринимал их встречу Константин, но, как оказалось, не Ситара.

– Как же я рада тебя видеть! – первой начала девушка, – Еле дождалась, когда Школа закончится!

Константина не задело то, что Ситара обратилась к нему на «ты». В конце концов, не так, уж, намного он и старше, да и отношения ученица-учитель уже давно закончились. Больше его насторожил её блестящий взгляд, но по инерции он заговорил о шоу, начал расспрашивать о её успехах в экстрасенсорике. О чём Ситара никак не предполагала разговаривать на своём первом свидании. А именно так она воспринимала их встречу. И её радостное настроение, с которым она на него прибежала, начало таять с каждым словом, произнесённым Константином.

– Костя! – перебила она мужчину и с лаской во взгляде и

тоне добавила, – Давай лучше поговорим о нас. Ты позвал меня за собой, и я пришла!

Константин понял, что ситуация с Ситарой скатилась до банальной, в которой он уже был не один раз. И надо срочно обрубить концы. Он посерьёзней, отпустил руки девушки и жёстко сказал:

– Ситара! Ты – красивая, умная, талантливая девушка, но не та, что суждена мне судьбой.

– Но ведь ты первый заговорил со мной о любви! – с отчаянием произнесла Ситара.

– Ты не правильно меня поняла, – возразил Константин.

– Ты обманул меня! Обманул! – уже не сдерживаясь, вскрикнула Ситара, мгновенно превращаясь из влюблённой девушки в маленького хищника, вставшего в агрессивную позу. Но не выдержала эту роль, разрыдалась и убежала.

Константин не чувствовал себя виноватым. Ну, в чём он её обманул? Он что, воспользовался её доверием? Он ей что-то обещал и не выполнил? Он честно выполнял работу наставника, она это поймёт со временем и успокоится. А когда узнает, что он нашёл свою суженую, вынуждена будет смириться. Но суженая не торопилась, телефон молчал, и Костя отправился к Даше домой сам. Он точно знал, что она уже вернулась из поездки, в которую отправилась сразу после выхода из больницы...

В больнице Даша пробыла не долго. Врачи не знали, как

подступиться к больной, поскольку все анализы говорили, что пациентка абсолютно здорова, а она не могла пальцем пошевелить. Сил не было. Так и не поставив диагноз, через 5 дней Дашу перевели из реанимации в обычную палату, где её уже смогли навещать родные и знакомые.

Первым после родителей пришёл Свами Риши. После его ухода Даша смогла встать и даже доползти до туалета самостоятельно. И дело быстро пошло на поправку. Ни в какую экстрасенсорику врачи, естественно, не верили, да их никто и не собирался переубеждать. Так что чудесное выздоровление почти безнадежной больной списали на неиссякаемые и неизвестные внутренние силы молодого организма.

Учитель же и посоветовал Даше уехать куда-нибудь дней на десять – к морю, в горы, на дачу, на крайний случай. Даша схватила первую попавшуюся путёвку, подходящую по цене, и, таким образом, оказалась в Тунисе. Провалилась на пляже неделю. Отдохнула, загорела, отъелась, накупалась и... заскучала. Море было, как море, не то, что в Египте, где от красот коралловых рифов и рыбок можно сойти с ума. Однообразная и безвкусная, какая-то пластиковая еда уже не лезла в горло. Загар Даше, конечно, шёл, но ещё немного, и из приятного сливочно-шоколадного цвета грозил превратиться в угольно-чёрный. И Даша решила отправиться на экскурсию.

Все однодневные экскурсии, так или иначе, были связаны с шопингом, который Дашу совершенно не интересовал. А вот двухдневной экскурсией по Сахаре она соблазнилась. И

ничутьки об этом не пожалела, хотя у неё и были сомнения – стоит ли подвергать ослабленный организм такому напрягу.

Из экскурсии Даша вернулась такой воодушевлённой, что ей даже показалось, что ещё чуть-чуть, и она станет такой же, как была. Дарьей с даром. Если перечислить всё, что они увидели за два дня, получался рассказ о двухнедельном путешествии.

Сначала они покружили по Суссу⁷, слушая низкий голос их гида Ахмета, бойко говорившего на русском языке с приятным акцентом. Заехали на развалины Римского коллизея (где их только не было, этих римлян! Вот, уж, была Империя, так империя! От Скандинавии на севере до Африки на юге, от Европы на западе до Индии на востоке).

Потом отправились в гости к берберам – коренной народности Туниса, упёрто сопротивляющимся благам современной цивилизации. Уж государство им и бесплатно дома построило, и грамоте, и профессии обучило, а им это ничего не нужно. Как жили они в пустыне в огромных вырытых в песке ямах, так и продолжают жить. И государство смирилось. Построило дороги от поселения к поселению, провело электричество и даже интернет. И теперь возит в поселения берберов туристов. Нет, ну интересно же видеть быт людей, застывший с доисторических времён, перемешанный с днём сегодняшним?! Простые циновки в норе в качестве спальни, спутниковая тарелка для телевизора с плоским экра-

ном, кострище для приготовления пищи, мобильные телефоны, извлекаемые из-под нагромождения нескольких слоёв хламиды, изображающей одежду. Кстати, кускус⁸, которым берберы кормили туристов во время обеда, был на порядок вкуснее, чем в отеле.

После обеда часть пути они проделали на верблюдах. То ещё удовольствие! Начиная с того, что это ужасно жарко после автобуса с кондиционером. Пахнет, сами понимаете как. Высоко и страшно, особенно, когда верблюд встаёт и садится. Да ещё и больно натирается внутренняя часть ног, что понимаешь уже после того, как с него слезешь. Хорошо, что Даше этих «удовольствий» почти не досталось. Её закинули на верблюда только чтобы сфотографировать. А весь путь их каравана она проделала на дельтаплане с моторчиком, плюнув на кусающуюся цену полёта. (Гулять, так гулять! Один раз живём!) И вот это уже было удовольствием без кавычек – белоснежный песок простирался без края во все стороны, куда хватало взгляда, так что казалось, что вся наша планета Земля состоит из одной пустыни. Только один маленький островок зелени виднелся вдалеке. Именно к нему направлялся караван верблюдов с туристами на спине, который казался Даше с высоты её полёта штрихпунктирной изогнутой линией с вкраплением красных точек (их всех одели в белые просторные накидки, а на голове накрутили тюрбаны из красной ткани).

Дальше, слава богу, они ехали на автобусе (как шофёр

ориентируется в пустыне осталось для Даши загадкой, не иначе как обладает каким-то своим особым шофёрским даром). Изредка проезжали мимо оазисов, благоухающих на фоне песка зеленью с яркими пятнами зреющих лимонов, апельсинов, мандаринов, мушмулы, изогнутыми стволами оливковых деревьев, стройными рядами финиковых пальм.

В этот же день Даша, как и весь автобус, впервые в жизни увидела мираж, попыталась взобраться на настоящую дюну (фиг у неё получилось!), накопила на память настоящей морской соли (Ахмет показал место, где раньше было море), погладила пустынную лисицу фенек – наиочаровательнейшее маленькое пушистое животное с огромными ушами.

День клонился к закату, и Ахмет начал их знакомить с планами на завтра. Выезд предстоял ранний, надо было встать в 4 утра, чтобы на джипах проделать часть пути ралли Париж-Дакар и встретить восход солнца в деревушке, которую выстроили специально для бессмертной саги «Звёздные войны» и оставили после съёмок для туристов не тронутой.

Но оказалась, что программа и сегодняшнего дня ещё не выполнена полностью! Ахмет предложил встретить закат в бассейне на крыше отеля, попрыгать через костёр, покурить кальян и продегустировать местный финиковый ликёр. Даша решила, что для неё это уже будет перебором, тем более что гид извиняющимся тоном предупредил туристов, чтобы они не рассчитывали на комфорт в отеле, расположенном в центре пустыни. Электричество там, конечно, есть, но

вот кондиционеров нет, так что придётся распахнуть окно и оставить на ночь приоткрытой дверь, чтобы появился хоть какой-нибудь сквознячок, иначе из-за духоты не уснёшь. С душем тоже напряжёнка. Да и какой там душ! Так, ведёрко, подвешенное под потолок, куда медленно набирается вода, и которое надо обрушить на себя, потянув за верёвочку.

Люди за длинный день экскурсии так устали, что никому в голову не пришла очевидная нелепость описания четырёхзвёздочного отеля. Зато, какой хохот потом стоял на их этаже, когда зайдя в свои номера, они увидели широкие кровати с белоснежным бельём, огромную плазму телевизора на полстены, вполне себе работающий кондиционер и ванную комнату со всеми удобствами. Даже если кто и собирался завалиться сразу спать, чтобы хоть чуть-чуть выспаться перед насыщенным завтрашним днём, всё равно все высыпали в фойе, чтобы пожать руку гида, который развёл их, как последних лохов.

А там уже были приготовлены кальяны, на низеньких столиках пирамидкой выстроились стопочки с финиковым ликёром, а в центре дымился чугунок, призванный изображать костёр. Ну, как тут уйдёшь? И Даша осталась, как и все остальные тоже, даже дети, загнать которых в номер у родителей уже не было сил. Хмурые, уставшие иностранные туристы с недоумением и завистью наблюдали за бесшабашным весельем чокнутых русских.

А Ахмет признался, что обожает русских туристов за их доброжелательность и чувство юмора. И никогда не позволяет себе так шутить с иностранцами, ведь от них можно запросто получить официальную жалобу и огрести нагоняй от начальства.

...Разошлись около полуночи, встретив закат солнца на крыше отеля (даже нашлись смельчаки, которые сделали это сидя в бассейне. Даша не решилась).

Распределение по джипам в четыре утра прошло вяленько. Тьма стояла кромешная, дети не желали просыпаться, хмурые мужчины несли их на руках, их жёны, затащившие семью на экскурсию, предпочитали помалкивать, чтобы не услышать от своей сильной, но очень раздражённой половинки, всё, что он думает о таком отдыхе и где он видал такие развлечения.

Даша была одна, а потому ей досталось место на переднем сидении. Повезло. И с шофёром повезло – его высокую статную фигуру она заметила издалека. Аж сердце ёкнуло, так

он напомнил Константина. А когда подошла ближе, увидела, что он, действительно, самый молодой и красивый из всех водителей. Обречённо подумала, что вряд ли она со своим везением попадёт к нему в машину. Но рядом с ней за руль сел именно он. И гонка началась.

Вот где было море адреналина! Их тунисский Костя (так Даша про себя называла шофера), увидев, что пассажирам нравится скорость, так вдавил педаль газа, что они первыми помчались по маршруту. Джип споро взлетал на дюны, его капот задирался в небо, а потом ухал вниз. У Даши подпрыгивали и зависали в невесомости внутренности, как на огромных качелях, когда амплитуда уже превышает 180 градусов. А когда Даша смотрела на спидометр, то не верила своим глазам – всего-то 50 км в час, а кажется, что все 200! Словом, через полчаса гонки все вывалились из джипов вполне себе проснувшимися и в прекрасном настроении.

Восход солнца в пустыне был похож на закат, только наоборот. Там было светло-светло-светло, а потом – бац! И свет выключился. А здесь было темно-темно-темно и, вдруг – бац! И уже день. А в двух шагах за спиной, оказывается, родная деревня планеты Татуин главного героя «Звёздных войн» Люка Скайуокера.

Обед у туристов был в заброшенном городе. Представьте – глубокое ущелье, на дне которого течёт из ниоткуда узенькая речка. По её берегам буйная зелень – пальмы, кусты, сплошь усыпанные яркими, крупными цветами. Речка

переходит в водопад, не больше двух метров высотой. Водопад образует почти идеальный круг озера с ярко-синей водой. На этом заканчивается речка, зелень и оазис. На ровном плато одной стороны ущелья, на самом солнцепёке – брошенный людьми город. Улицы, дома, стены и даже какое-то культовое сооружение, похожее на церковь. И пяточок жизни, созданный специально для туристов – стоянка автобусов, ресторан, туалет. Несколько лавочек с немудрёными сувенирами. И ведь ничего не надо, а всё равно купишь! Просто в знак уважения к суровым условиям их жизни и работы.

На обратном пути несколько раз останавливались среди фруктовых деревьев. Сил гулять уже не было, и люди просто ложились в тени деревьев на мягкую травку или прямо на песок, где как получалось.

На въезде в Сусс заехали на фабрику ковров. Их восточная пестрота радовала глаза, а шелковистая мягкость так и подталкивала руку открыть кошелёк и что-нибудь купить. Останавливала только их стоимость. Так что покупки ограничились ковриками для мышек и магнитиками на холодильник.

Даше, да, наверное, как и всем туристам, никогда не нравилось, когда в конце экскурсий гиды начинали вымогать из них мелочь для шофёра и себе на чай. В конце концов, они уже оплатили их работу, купив весьма недешевый тур, но здесь был как раз тот случай, когда никаких денег было не жалко. Ахмету даже не пришлось намекать – нашёлся у них в

автобусе инициативный человек, который организовал сбор мелочи. И все без сожаления в этом поучаствовали.

⁷ – курортный город Туниса на берегу Средиземного моря

⁸ – [пшеничная крупа](#), внешне напоминающая круглый рис (диаметр крупинок 1-2мм), которая служит основой для одноимённого блюда [магрибского](#) или [берберского](#) происхождения. Блюдо традиционно готовится на пару, крупа приправляется куркумой и подаётся вместе с [тушёным](#) мясом и тушёными овощами. Сладкий кускус с виноградом, сухофруктами и орехами называется [масфуф](#) (*из Википедии*)

8

– Костя... Ой, извините, Константин! – растерялась Даша, увидев почти полностью закрывающую дверной проём фигуру неожиданного гостя.

Сказала и застыла, не понимая, что говорить и делать дальше.

– Может, всё-таки, в дом пригласишь? – усмехнулся Константин.

– Ой, извините! Проходите!

– Чай поставишь? Я тут пирожные принёс.

«Как больную пришёл навестить, – подумала Даша, – только опоздал. Я уже выздоровела». В больнице Константин её не навещал. Приходил Учитель и ребята, даже те, кто

вылетел на первом этапе. Не то чтобы Даша его ждала, а так, надеялась, чуть-чуть. А вдруг? Но «вдруг» не случилось.

Пока Даша хозяйничала на кухне, Константин по-хозяйски расположился за столом и начал рассказывать о финале Школы экстрасенсов. Старался посвятить её в те подробности закулисной кухни съёмки, которые в эфир не попали. Даша слушала его в пол-уха. Ей это было не интересно и даже больно слышать. Как рассказ о той счастливой жизни, которая у неё могла бы быть, но не случилась. И уже не случится никогда, ведь она потеряла свой дар. Спалила собственными неумелыми руками. Но она не перебивала Константина, просто слушала его низкий голос, пытаясь запомнить каждую его интонацию, чтобы как скупой рыцарь отложить в сундук воспоминаний драгоценную монетку. А когда он иссяк, сказала:

– Константин, если Вы пришли, чтобы предложить мне стать Вашей ученицей, то я Вам сразу могу сказать, что я этого не хочу.

(Даше уже по этому поводу звонил Свами Риши, и она ему отказала)

– Это почему же? Я ничуть не слабее Свами Риши.

– Вы меня не так поняли, извините, – заторопилась Даша, – я не имела в виду, что кто-то из вас слабее или сильнее... У меня нет больше дара... И учиться мне больше нечему...

– Ты говоришь ерунду! Есть у тебя дар, я же вижу.

– Правда? – со смесью сомнения и надежды робко переспросила Даша.

– Абсолютно! Какой мне смысл тебя обманывать? Так что – пойдёшь ко мне в ученицы?

– Не-е-ет... – покачала головой Даша, опуская голову, чтобы спрятаться от гипнотизирующего взгляда чёрных глаз Константина.

– Так, возвращаемся к тому, с чего начали: почему?

– Потому что... Потому что... – не могла завершить фразу Даша, потому что отговорка никак не придумывалась, а из сердца рвались слова о любви. Любви, которая ему была не нужна.

– Очень информативно! – опять усмехнулся Константин и положил свою большую ладонь на миниатюрную Дашину ручку.

Даша попыталась руку вырвать, потому что вернуть себе спокойствие, когда он так близко, и так было не просто, а при непосредственном контакте и вовсе невозможно. Но Константин руку не отпустил.

– Не хочу... – прошелестела Даша, уже чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– А вот я хочу! Хочу быть твоим учителем! Хочу быть твоим другом! Хочу быть твоим мужем! Хочу быть твоим любовником! Хочу быть отцом твоих... наших детей! Хочу быть с тобой рядом до конца наших земных дней! Хочу быть с тобой вместе в любом из наших воплощений! Что ты отве-

тишь на эти мои предложения?

По мере того, как Костя сыпал на неё, как из рога изобилия, бесценные дары, у Даши сама собой поднималась голова и расширялись от удивления глаза. Она слышала, но не верила. Она искала в его серьёзных глазах подвох, но не находила. Так долго сдерживаемая любовь пыталась вырваться из Даши рыданиями, но она зажала рот свободной рукой. Тогда любовь стала выливаться слезами из глаз. Даша вырвала руку из ладоней Кости и убежала в ванную.

Кто их поймёт, этих женщин? Даже экстрасенсу это не под силу! Их не любят – они рыдают. Их любят – они опять рыдают!

Даша вернулась такой серьёзной и сосредоточенной, что Константин всерьёз засомневался, получит ли он на свои предложения согласие. Даша села за стол. Взяла руки Кости в свои, и, мужественно глядя ему в глаза, сказала:

– Я пока не уверена, что хочу быть твоей ученицей. Я хочу надеяться, что мы станем добрыми друзьями. Я буду счастлива стать твоей женой. Я не знаю, какая из меня выйдет любовница, но обещаю, что мамой нашим детям буду хорошей. Я надеюсь, что конец наших земных дней наступит ещё очень-очень не скоро. А что касается наших последующих воплощений, тут я полностью полагаюсь на тебя. Ты примешь меня, если я не соглашусь с одним из твоих предложений?

– Уж, как-нибудь переживу! – засмеялся облегчённо Кон-

стантин, подняв Дашу из-за стола и прижимая к себе, – Учеников у меня и без тебя хватает, а суженая – ты одна!

– А, знаешь, тебе очень идёт улыбка. Ты становишься похожим на человека. Улыбайся почаще.

– Вот так-так! А без улыбки я на кого похож?

– На орла! – не задумываясь, выпалила Даша.

– А что? – задумался на мгновение Константин, – Мне нравится! Из его цепких когтей тебе не вырваться!

– А я и не собираюсь...

Конец Дашиной фразы утонул в поцелуе. И на этом урок зоологии был окончен.

май 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Карие глаза встречаются примерно у 50% населения Земли.

Люди с карими глазами, отличаются импульсивностью, безудержной страстью, повышенной активностью. Они – лидеры. Они не терпят поражений и случаев, когда кто-то с ними не согласен: их мнение – единственно правильное, и никак иначе. Сексуальность, чувственность, обаяние – отличные дополнения к их личностным качествам.

Такие люди обладают природной красотой, отличаются умом, неутомимостью. Они не злопамятны, быстро проща-

ют и забывают мелкие обиды. Карие глаза могут означать и некоторую ветреность: такие люди легко влюбляются, но столь же легко могут забыть объект своей любви.

Кареглазые леди необыкновенно быстро сходятся с людьми. Они общительны, не закомплексованы, уверены в себе «на тысячу процентов». Самооценка у них, в большинстве случаев, завышенная. Они этого, как правило, не замечают.

Кареглазые женщины равнодушны к золоту, богатству, деньгам. Они хитры, умны, изворотливы, находчивы.

От грёз любви не отличим

Сочинение на тему «Как я провел лето»

Ради счастья, ради нашего, если мы хотим его...

Ох, и странные, эти русские! *(продолжение рассказа «Кошка, которая гуляла сама по себе» из сборника «Зеленые глаза»)*

И этим всё сказано

Сразу и навсегда!

Мой ангел смотрит на меня...

Уйти по-английски

От сердца к сердцу мост

Пришвартоваться в тихой гавани

Благодаря и вопреки

Перевоз Дуня держала...

От ненависти до любви и обратно

Свадебный хоровод Созвездий

Одним росчерком пера

Что обещает её лицо или Женя, Женечка и Катюша

Это он – мой Мужчина!

От грёз любви не отличим...

Планета Земля, конец XXIII века.

Человечество было вынуждено преодолеть расовые и религиозные противоречия перед угрозой вымирания: ресурсы Земли не успевают пополняться естественным путём, озонный слой настолько тонок, что человеку, чтобы выжить, пришлось спуститься под землю. Единственным выходом из создавшегося положения оказалось освоение новых планет вне Солнечной системы, пригодных для жизни. Уже открыто и освоено несколько планет. Но задача их поиска по-прежнему актуальна.

1

Когда Алекс отправлялся на встречу со своим новым экипажем, его одолевало множество эмоций. В первую очередь – нетерпение: хотелось быстрее отправиться на выручку младшему брату, Сержу. Беспокорство за него по накалу страстей, пожалуй, было равно нетерпению. Сосредоточенность: мозг уже начал обработку информации, полученной в Цен-

тре управления полётами (сокращенно ЦУП), о двух неудавшихся экспедициях к планете под №7 созвездия Южная корона. Раздражение: экипаж набирал не он сам, как командир корабля, а бионик ЦУПа под ником «Муза» (по проявившемуся первым дару, одному из которых она обладала) из добровольцев, отважившихся на третью, последнюю попытку полёта к коварной планете. Раздражение, кстати, усилилось после знакомства с экипажем: во-первых, из семи его членов, включая его самого, двое были женщинами. Не то чтобы Алекс был таким уж женоненавистником, но женскому полу не доверял (были на то его личные причины), и в экспедиции всегда подбирал себе исключительно мужской персонал с профессиональным уровнем экстра-класса. Постепенно сложилась сплочённая команда, каждому из членов которой он доверял как себе. Они все вместе подали прошение на зачисление их в добровольцы, но никто из них, кроме самого Алекса, в экипаж не попал.

А были там: Георг (штурман) и Элен (спасатель) Битовы – бывшие супруги, ненавидящие друг друга смертным боем. Института брака, как такового, уже не существовало, люди свободно образовывали не только пары, но и любые другие численные образования. И также свободно расставались. Но попадались, конечно, и индивидуумы, которые образовывали пару на всю жизнь (иногда не с первой попытки). Их даже в шутку иногда называли "униками" – по аналогии с биониками, эмпатами и так далее, настолько это было необычное и

редкое явление. С учётом средней продолжительности жизни 150 лет с точки зрения большинства остальных это было подвигом. Видимо, Георг и Элен и были теми самыми «униками» в периоде расставания, а это, так же, как и в XX веке, было очень тяжело и больно обеим сторонам.

Жан (инженер-электронщик) – поэт по совместительству. И если в профессионализме экс-супругам Алекс доверять мог, только никогда бы по доброй воле их вместе в полёт не взял – оба отличались бурным темпераментом (так что весёленькая предстояла Алексу поездочка), то поэта он никак не мог воспринимать серьёзно, хотя репутация у Жана была не плохая.

Братья-близнецы Ник и Фил Коэны (спасатели) – безбашенные, веселые, отважные, лихие и ещё много эпитетов можно было бы им подобрать в том же духе, только была одна закавыка: они абсолютно не понимали, что такое дисциплина. Все их эскапады были на грани жизни и смерти, и все продиктованы только их собственными мыслями, а не приказами командира. Правда, в итоге, все безумства сходили им с рук, поскольку результаты их работы были стопроцентно положительными... пока.

И последним, седьмым членом экипажа была та самая «Муза», врач-псионик Кэт. Вот она, кстати, раздражала Алекса больше всех остальных: во-первых, тем, что собрала такую пёструю команду, во-вторых, своей бесполезностью. Её специализацией, судя по нику «Муза», являлось усиле-

ние мыслительных и творческих процессов, чувств, эмоций и так далее. Алекса вполне устраивало, как работала его голова, никакие музы для этого ему не требовались. А вот что будет с ненавистью друг к другу экс-супругов, поэтическим даром инженера-электронщика и авантюризмом близнецов – страшно было подумать. И вообще, для спасательной операции всегда больше подходили сильные мужские руки. Он с лёту мог назвать несколько врачей-спасателей мужчин, но ему в экипаж навязали женщину-врача.

Всю информацию о своём новом экипаже Алекс получил от Владимира Кравица, возглавляющего комиссию ЦУПа по проблемам планеты №7 созвездия Южной короны. Алекс уже не в первый раз пересекался по работе с этим легендарным человеком – в своё время феноменально удачливым спасателем, уже разменявшим четырнадцатый десяток, что являлось абсолютным рекордом для людей, избравших профессию спасателя. Именно его судьба вдохновила Алекса, а вслед за ним и Сержа, стать спасателем. И потому он не смог отказать Владимиру в его просьбе взять на борт в качестве врача ещё одну женщину, а по сути, девчонку – Кэт. Кравиц охарактеризовал Кэт, как самого сильного на данный момент, не смотря на юный возраст, врача-псионика и неординарно мыслящего бионика. Ведь именно она увидела в Алексе командира, способного провести удачно операцию по спасению «уснувших» на планете №7. Глубокое уважение к Кравицу и уникальная возможность узнать о принципе от-

бора членов экипажа биоником (эта информация всегда была тайной за семью печатями для командиров добровольческих спасательных экспедиций) подвигла Алекса согласиться. Но ещё больше в этом своём решении его укрепил разговор по видеосвязи с Юргеном – руководителем Совета ЦУПа, оказавшемся по совместительству приёмным отцом Кэт. Юрген никогда не вызывал симпатию у Алекса, и этот разговор, какой-то липкий, витиеватый, где о Кэт говорилось вроде бы хорошо, но в тоже время советовалось на грани угрозы лучше не брать её в полёт, ещё больше способствовал антипатии и желанию поступить наоборот, что Алекс в итоге и сделал.

Хотя обычный человек никогда бы не догадался, глядя на спокойное, уверенное лицо Алекса, какую бурю эмоций испытывает этот человек, да и он сам не раскладывал своё настроение на составляющие, но для Кэт он был, как раскрытая книга. Эмоции таких ярких чистых цветов она не встречала, пожалуй, ни у кого. Они бились о хрустальные стенки его самообладания, отскакивая искромётными всполохами. Об уровне развития третьей специализации Кэт – эмпат, не знал никто, даже её приёмный отец. И хорошо, что не знали: кому же было бы приятно знать, что ты весь как на ладони со своими тайными помыслами и желаниями, пусть и не оформленными в слова, а выраженными только цветами? Кэт не сразу поняла, что означает её новый дар, и приняла

и смирилась с ним тоже не сразу. И ещё не известно, кому было тяжелее: ей, когда все нюансы чувств её приёмного отца, друзей и просто знакомых стали легко читаемы, или им, если бы они знали о её новой способности. А ещё спасибо providению, что она не поделилась открытием в себе этого дара с Юргеном. Её остановили грязные оттенки фиолетового и болотного, тщательно скрываемые за пеленой серых стен его облика. Конечно, как и любой бионик, она знала о значениях основных цветов¹, но не сразу разобралась в нюансах оттенков, поскольку приходилось осваивать новый дар самостоятельно, методом проб и ошибок. И только когда в ней проснулся четвертый дар – сновидца, обучение пошло быстрее...

Итак, Алекс обвёл свою разношёрстную команду взглядом, вздохнул и начал:

– Вы все, конечно, знаете, что на планету номер семь созвездия Южная корона возлагались большие надежды на очередное переселение. И первые сообщения исследовательской экспедиции Бухольц были очень обнадеживающие.

Фотографии, которые сделал первый робот-исследователь с расстояния пяти километров от поверхности планеты, зафиксировали наличие жизни в виде растений и птиц.

Фотографии второго были даже более впечатляющи, так как он сделал снимки с высоты пятидесяти метров, но не

смог опуститься на планету. Кроме того, второй перестал выполнять команды, поступавшие с корабля, и облетел планету по странной траектории, повторяющий рельеф местности.

Все следующие попытки приблизиться автоматам к поверхности планеты заканчивались одинаковым барражированием не ниже пятидесяти метров.

Тем не менее, командир экспедиции принял решение отправить двух исследователей в спускаемой капсуле на планету, и поначалу это решение показалось верным, поскольку

капсула беспрепятственно преодолела пятидесятиметровый рубеж и успешно опустилась на поверхность планеты в живописном районе, где по меркам Земли царило лето.

Первые экспресс-пробы воздуха, земли и радиации показали полную идентичность Земным параметрам с поправкой на совершенную экологическую чистоту, о которой современным землянам приходится только мечтать. С разрешения командира исследователи сняли гермошлемы и дальнейшие работы по сбору материалов производили без них.

С интервалом в пятнадцать минут на планету была отправлена ещё одна капсула с двумя членами экипажа в не менее красивый соседний район, весь покрытый чистейшим белым снегом. И это было тем более удивительно, что горы района, в которых работала первая пара астронавтов-исследователей, были одинаковой с ними высоты, но радовали глаз не белым снегом, а множеством цветов пород, из которых состояли.

Через час связь с первыми исследователями была потеряна, и, хотя их тепловизоры по-прежнему мигали на экране живыми точками, на запросы с корабля они не отвечали.

Ритм мигания постепенно снизился, как будто люди погрузились в сон.

Командир корабля приказал второй паре астронавтов срочно одеть гермошлемы и возвращаться на корабль.

В этот момент к кораблю пристыковалась первая капсула, и астронавты, остававшиеся на борту корабля, обрадовались,

решив, что их товарищам удалось успешно покинуть планету, а мигание их тепловизоров всего лишь техническая неисправность. Но каково же было их удивление, когда в капсуле никого не оказалось... И все опять приникли к экрану, где две мигающие точки приближались к первой паре исследователей...

Параллельно рассказу Алекса за его спиной сменяли друг друга живописные кадры, сделанные роботами-исследователями. Даже Кэт, уже видевшая их, не могла оторвать от них взгляда, что уж говорить об остальных астронавтах, смотревших затаив дыхание. Виды планеты №7 так напоминали Землю в период её расцвета в XX веке, знакомые им только по старым цифровым фотографиям, что сердце кололо мыслью: вот что мы потеряли, загадили, жадно израсходовали...

Даже времена года соответствовали земным: весна, лето, осень, зима. Это стало видно уже в ЦУПе, когда все фото сложили в голографический 3D макет планеты.

Только, если на Земле когда-то смена сезонов происходила постепенно во всех её регионах, то на планете №7 у каждого времени года был свой чёткий участок, как будто какой-то внешний разум прочертил на теле планеты две пересекающиеся под 90 градусов окружности. Удивительно было и то, что в любом конце участка держалась одна и та же тем-

температура воздуха: лету соответствовала $+ 25^{\circ}$, весне и осени $+ 16^{\circ}$, зиме $- 7^{\circ}$. И температура менялась не плавно, а скачкообразно, как если бы человек переходил из одной комнаты в другую, в каждой из которых были воспроизведены соответствующие времена года...

...Вдруг точки на экране разделились: одна осталась на месте с постепенно замедляющимся ритмом, а вторая исчезла совсем.

Через минуту к кораблю пристыковалась вторая капсула, в которой находился астронавт-исследователь Десола², один и без сознания. Когда он пришёл в себя, выяснилось, что каким образом он вернулся в капсулу и в бессознательном состоянии управлял ею, он совершенно не понимает, поскольку отключился мгновенно, когда до капсулы оставалось ещё не менее пятидесяти метров.

Теперь на экране мигали в ритме сна уже три точки...

Улететь, не попытавшись спасти своих товарищей, астронавты не могли, и к планете №7 полетела третья капсула. Соблюдая все меры предосторожности, одетые в защитные одежды, предназначенные для работы на самых агрессивных космических объектах, не пригодных для жизни человека, люди высадились на планету, казавшуюся поначалу та-

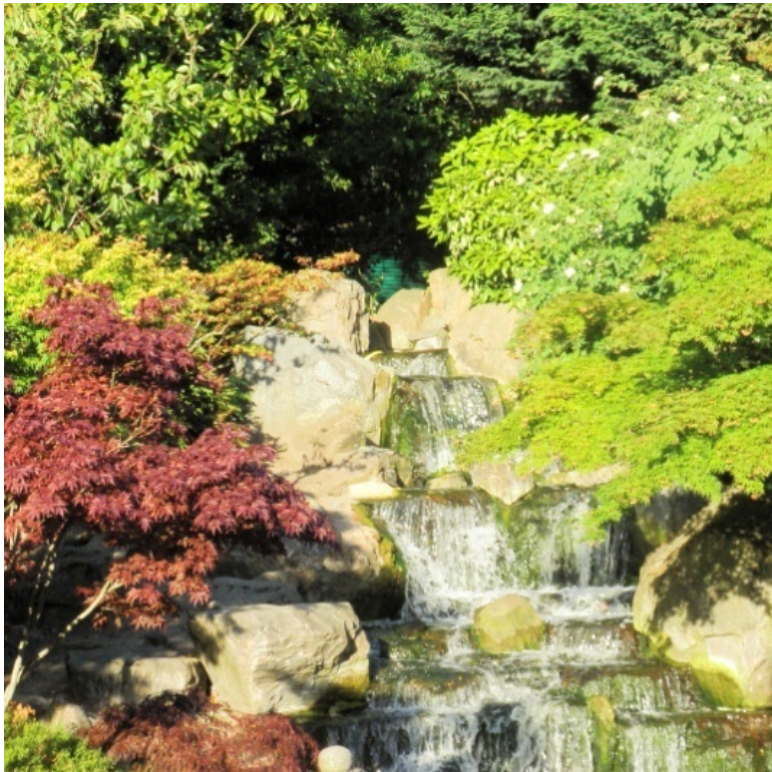
кой дружелюбной, почти родной, вблизи астронавтов первой капсулы. Их товарищи действительно спали и даже как будто улыбались во сне. По крайней мере, вид имели блаженный и удовлетворённый. Их погрузили в капсулу и перелетели к третьему заснувшему.

Когда казалось, что вот-вот операция по спасению закончится благополучно, связь с астронавтами прервалась на полуслове, на экране замигали уже пять точек в режиме сна, а через пару минут третья капсула вернулась на корабль пустой.

ЦУП категорически потребовал свернуть все работы и оставшимся двум членам экспедиции: Бухольц и Десола в срочном порядке возвращаться на Землю.

Одновременно в ЦУПе была создана комиссия, которая тщательно изучала материалы, переданные роботами-исследователями, и пробы земли, воздуха, воды и снега,

которые успели собрать люди. Данные об участниках экспедиции прогонялись в центральном компьютере во всех возможных режимах – пытались найти логику в возвращении Десола по отношению к пятёрке заснувших. Но единственные рекомендации, который выдал компьютер, это уложиться со спасательной операцией в срок менее 1 часа, так

как записи свидетельствовали о том, что между высадкой на поверхность планеты и погружением в сон или потерей сознания (как в случае с Десола) проходило времени примерно час, и обойтись без посадки, постаравшись удержаться в пятидесяти метрах от поверхности планеты.

Последняя рекомендация сильно усложняла выполнение спасательной миссии, так как транспортировка пятерки людей даже в случае посадки, и то заняла бы не менее получаса, а с поднятием на высоту гораздо больше времени. Но спасение поручили самой отчаянной и фартовой команде спасателей под командованием Реклеснеса³. В неё входили опытные сотрудники, все со знаком «удача» в карме. Поэтому не только они, но и родные пятерки пленников планеты №7, безоговорочно верили в положительный исход операции.

От родственников вообще-то поступила странная информация, что по ночам им снятся цветные сны с чудесными

пейзажами с участием их «заснувших» родных. Компьютер выдал заключение о телепатической связи между родственниками, это внушило определённую надежду, что пленники планеты всё-таки живы. Но чем это может помочь спасателям – было не ясно...

Примерно через месяц такие же красочные сны начали

сниться и Алексу. Он знал, что Серж вместе со своей командой отправляется к планете №7, но это была их работа. Чем же ещё заниматься спасателю, как не спасением, если уж таково твоё предназначение? И оно у них с братом было одинаковое, так уж

получилось. Сам Алекс в это время был в противоположном от Южной короны направлении, эвакуируя горняков после техногенной катастрофы с астероида, грозившего вот-вот взорваться. Подробностей об исследовательской экспедиции на планету №7 не знал. И только когда получил информацию о судьбе Сержа и, вернувшись на Землю, ознакомился с теми материалами, к которым допускали родственников «заснувших», он связал свои яркие сны с ним.

Но всего этого он не рассказывал, конечно, своему новому экипажу, а продолжил излагать только сухие факты, которые, возможно, помогут им в дальнейшем.

... Не смотря на то, что спасатели действовали со всей осторожностью и пытались выполнять все инструкции Земли, их миссия закончилась провалом. Первым провалом в послужном списке команды спасателей Реклеснеса.

Прежде всего, автоматические спасательные капсулы так и не смогли проникнуть через пятидесятиметровую грань,

хотя никаких особенностей на этой высоте обнаружено не было. Возможно, земляне столкнулись с каким-нибудь новым видом притяжения или излучения, которые оказались не видимыми для земных приборов. И пришлось им всё-таки стыковаться с планетой.

Десола был в первой четвёрке спасателей. Он добровольно отправился в спасательную экспедицию, хотя и не состоял в команде Реклеснеса. Не смотря на то, что спасатели действовали слаженно, уложившись в 53 минуты, ситуация повторилась: кратковременная потеря сознания – и четверо спасателей, в том числе и Десола, оказываются на корабле, а на экране продолжают мигать 5 точек тепловизоров.

Воодушевлённые тем, что все спасатели вернулись на корабль, вторая четвёрка, возглавляемая Сержем, поменяла тактику: они пробыли на поверхности планеты не более 20 минут, поместив в спасательную капсулу только двоих

«уснувших», но... вскоре к пятёрке «заснувших» исследователей присоединились ещё два спасателя: Серж и Клео. Стало очевидно, что «засыпание» никак не связано со временем, а вот с чем – это пока осталось не ясным.

Спасательную экспедицию отозвали и теперь, как вы сами понимаете, наша добровольческая команда – это последний

шанс спасти людей. Если у нас с вами ничего не получится – планету законсервируют до момента, пока полностью не разберутся в её аномалиях, но вот будут ли ещё живы пленники планеты к этому времени? У кого есть какие-нибудь соображения или вопросы?

Вверх сразу же взметнулась рука Элен:

– Скажите, а пытались найти нечто общее в группе «заснувших» и отличающее их от тех, кто благополучно вернулся на корабль?

– Да, комиссия работала над этим. Данные прогонялись через компьютер по самым разным критериям, но какого-то стопроцентно общего параметра не выявила.

– С этими данными можно ознакомиться?

– Конечно.

– Ну, действительно, что нам выводы комиссии, мы и сами с усами, – раздался ехидный голос Георга.

(«Началось, – подумал Алекс, – ещё не вылетели, а они уже начали собачиться. Интересно, это всё, как обычно, или уже влияние «Музы»?) (Женщины сидели рядом)

Но Элен и бровью не повела на ехидство бывшего мужа и невозмутимо продолжила:

– Ещё есть предложение: попробовать спустить в автоматической спасательной капсуле какое-нибудь животное – возможно, тогда планета даст преодолеть пятидесяти метровый барьер?

Прежде чем ответить, что идея интересная и её надо обдумать, Алекс успел взглядом остановить Георга, уже набравшего воздуха для очередной колкости в адрес бывшей жены, а сам подумал, что такое влияние «Музы» он вполне может приветствовать, если, конечно, Элен выдавала идеи за идеями под её влиянием.

– Ещё вопросы будут?

И тут голос подал Жан:

– *Блаженный сон в долине рая*

От грёз любви не отличим,

Из поцелуя вырастая

Разит и женицин, и мужчин.

Эй, я, что тут, один вижу поцелуй? – сказал он в обра-

зовавшейся недоумённой тишине, указывая на последний слайд, зависший на экране за спиной Алекса.

Шесть пар глаз уставились на слайд, а потом близнецы захихикали и смачно чмокнули друг друга, повторив «позу» горы на изображении.

На этом первый сбор новой команды Алекса закончился.

¹ – согласно теории восприятия цвета психотерапевта М.Люшера, создавшего в XX веке универсальный психологический тест, основные цвета соответствуют следующим эмоциональным состояниям:

Красный – цвет бунтарства, пролитой крови в борьбе, эпатанности, отторжения всего традиционного. Также символизирует возбуждение, энергетизм, страсть.

Синий – цвет надежды, состояния удовольствия, комфорта и независимости.

Зеленый – цвет природы, позитива, стремления к обновлению.

Желтый – цвет оптимизма, символизирует расслабление и освобождение от проблем, давления или ограничивающих, сковывающих обстоятельств.

Фиолетовый – цвет, символизирующий тревогу и неудовлетворенность.

Коричневый – цвет спокойствия и умиротворения.

Серый – цвет нейтральный, символизирующий отсут-

ствие активности, желание найти защиту

Черный – цвет кризисного состояния, ощущения ненужности и депрессии.

² – в переводе – «запустение, опустошение, разорение, отчаяние, одиночество»

³ – в переводе – «бесшабашный»

2

И началась двухнедельная подготовка к полёту.

Элен и Кэт вместе разбирали отчёт по поиску взаимосвязей внутри групп и существенной разницы между группами «заснувших» и вернувшихся. Комиссия, действительно, прогнала через компьютер множество параметров: возраст, вероисповедание, образование, семейное положение, черты характера, прошлые заболевания или ранения, группа крови и много чего ещё, но какой-то логики, почему одни заснули, а другие вернулись, так и не обнаружила. Но Кэт чувствовала, что они на правильном пути. Как всегда, когда она блуждала в тумане, и вдруг ощущала покалывание на кончиках пальцев рук – это означало, что туда и надо идти. За время подготовки к последней спасательной экспедиции из добровольцев это происходило уже трижды: впервые, когда среди добровольцев оказался опытный спасатель, командир корабля, брат которого оказался в ловушке планеты №7 и

упомянул о красочных снах, которые начали сниться ему с месяц назад, то есть примерно с того времени, как в число «заснувших» его брат и попал. Второй раз, когда Элен спросила о различиях групп. И третий раз, как ни странно, когда Жан прочёл свой поэтический экспромт. Три раза – это уже много, значит, разгадка уже близка. Но пока связать всё во-едино не получалось. Ну, ничего, сейчас Кэт общалась только с Элен, а во время полёта создастся общее поле, где она сможет нащупать того, кто способен прорвать туман. Но в первую очередь необходимо наладить контакт с Алексом. Он единственный из членов их экипажа знал об истинной природе Кэт и наглухо закрылся от неё. Кроме того, был не доволен составом экипажа, в чём тоже винил её.

Комиссия поддержала предложение Элен поместить в автоматическую капсулу живое существо. Если идея работает, и планета даст возможность пристыковаться автомату к своей поверхности, то спасателям-добровольцам не придётся на неё выходить, а, значит, риск новых «заснувших» будет сведён к минимуму. Оставались, конечно, вопросы: а проснуться ли они, находясь уже в корабле?, каково будет их состояние? Но сначала надо будет выполнить первый этап. В автомат решили посадить обезьяну, как самое приближенное к человеку по виду животное. И Алекс занимался подбором «восьмого члена» своего экипажа.

Георг высчитывал дату и точное время старта с Земли,

маршрут к созвездию Южная корона, время бодрствования и анабиоза⁴ экипажа и так далее. От опытности и умений штурмана зависело не только, насколько быстро они долетят до планеты №7, но и в каком состоянии будут спасатели на момент, когда начнётся спасательная операция. У каждого человека был свой комфортный промежуток времени бодрствования и максимально возможный период анабиоза. В спасатели попадали только те, кому хватало четырех часов для восстановления после многомесячной отключки. Ведь только в эти сутки корабль может развивать максимальную скорость без отрицательного воздействия на человека. Ну, а о значении времени для спасения даже и говорить не приходится. В их же пёстрой компании программе полёта придётся ориентироваться на какие-то усреднённые показатели. Главное, чтобы последний этап полёта был максимально комфортным для спасателей и командира корабля, а вот во всех остальных промежутках придётся больше ориентироваться на штурмана, Георга. Как бы тщательно ни была продумана и составлена программа, всё равно ему придётся её корректировать на каждом этапе.

Жан зарылся в записях о показаниях приборов обеих экспедиций: и исследовательской, и спасательной во время их пребывания на орбите планеты №7. А ещё принимал участие в реконструкции спасательной капсулы-автомата под присутствие в ней «восьмого члена» экипажа.

Ник, Фил и Элен внимательно слушали и записывали для

Кэт подробные рассказы тех, кто участвовал в обеих экспедициях, особенно тех, кто высаживался на планету. Возможно, чей-то чужой опыт спасёт кому-нибудь из них жизнь.

Сама Кэт подробно расспрашивала родственников «заснувших» об их снах, чтобы потом, во время экспедиции, проанализировать всю полученную информацию. Последним предстоял разговор с Алексом, ведь ему тоже снились сны. Но разговор предстоял нелегкий, она понимала, что вначале ей придётся объяснять командиру корабля принцип набора экипажа... А принципа никакого и не было: из всех добровольцев по её ощущениям для спасательной операции подходил только сам Алекс, но не лететь же ему одному?! Остальных выбирала по цветам их ауры, наиболее соответствующих его цветам, без учета раздражения. Но рассказы про это кому бы то ни было не хотелось. И она оттягивала встречу с командиром корабля до последнего.

Алекс, как командир корабля, пытался быть везде одновременно, всё проконтролировать лично, и, заодно, приглядывался к своему новому экипажу. В принципе, всё получалось не так плохо, как казалось ему в начале. Жан, оказалось, испытывал страсть не только к поэзии, но и к своей работе. Видя с каким уважением относятся к нему инженеры, занимающиеся конструированием капсулы, Алекс и сам поверил в его профессионализм. Как бы несерьёзно ни вели себя в обычной жизни близнецы, подготовкой к спасательной операции они занимались со всей ответственностью и

собранностью. Георг составил очень удачный маршрут полёта: критичных выходов из анабиозов у каждого из участников их экспедиции ожидалось не больше двух, но зато к моменту достижения планеты №7 весь экипаж подойдет в отличной форме, а, значит, можно будет сразу приступить к делу. Оставалось надеяться, что не подведёт и врач-псионик, ведь именно от её умения зависит безболезненный выход из анабиоза членов экипажа и здоровье спасённых «заснувших». Алекс и ждал разговора с Кэт, и, в тоже время, оттягивал его до последнего. Но всё когда-нибудь кончается. День и время старта были уже рассчитаны, и Алекс с Кэт встретились накануне вылета.

Кэт обрадовалась, когда увидела, что градус оранжевого цвета раздражения у командира корабля значительно снизился, и решила начать их беседу со стандартных вопросов о снах, но Алекс резко остановил её и вернулся к вопросу о наборе экипажа. И пришлось Кэт излагать ему свою осторожную версию:

– Как Вы знаете, сначала выбирался командир экспедиции. Из добровольцев-командиров было шесть человек. После комиссии ЦУПа, оценивающей уровень профессионализма, осталось четверо. При почти равных профессиональных качествах, ими двигали разные побудительные причины: у кого-то преобладало любопытство, у кого-то тщеславие, и только у Вас, благодаря личному мотиву, была решительность и уверенность в благополучном исходе.

– Откуда такая осведомленность в мотивах? Мы что все проходили какой-то тайный тест, когда отвечали на вопросы комиссии?

– Нет, я в работе комиссии не участвовала.

– А-а, понял, Вы наблюдали за нами в комнате ожидания...

– Да...

– И этого затянувшегося ожидания хватило, чтобы составить идеальный экипаж? Каковы же были критерии?

– Я не могу Вам объяснить всего...

– Секретный эксперимент?

– Нет, просто никто до сих пор не может с уверенностью сказать, что разобрался в механизме работы бионика, и я в том числе...

– Хорошо, допустим, что в выборе именно меня в качестве командира экспедиции разобрался бы даже обычный психолог из позапрошлого века: дополнительная личная мотивация и всё такое... А остальные? Какого чёрта Вы включили в экипаж бывших супругов в периоде развода? Вы же к тому же и «муза», насколько я знаю. Вы что не понимаете, что их неприятие друг друга перерастёт с Вашей помощью в ненависть и может помешать работе экспедиции?

– На каждую специальность в экспедиции группы собирались отдельно, для чистоты эксперимента я ничего не знала о претендентах...

– Допустим. И мы опять возвращаемся к вопросу о прин-

ципе подбора: я Вас внимательно слушаю. Только не надо юлить и отговариваться незнанием механизма. Или Вы просто ткнули пальцем в кого попало?

– Послушайте, в конце концов, не важно, кто бы стал членом этой экспедиции, главное, что там будете Вы...

– Значит, я мог бы лететь и со своим проверенным экипажем?

– Да, от этого результат не изменился бы, но я ещё раз Вам повторяю, что я ничего не знала ни об одном добровольце, поэтому руководствовалась только своими ощущениями...

Алекс постарался взять себя в руки:

– Какой-то у нас с Вами бессмысленный разговор получается. И пусть я не бионик, но я прекрасно понимаю, что Вы чего-то не договариваете, а это не способствует доверию, а без него ничего не получится. И это, кстати, кардинально отличает пусть и такой же профессиональный, но не знакомый со мной экипаж от людей, которые летают со мной много лет. Итак, у Вас последняя попытка объяснить мне всё досконально и по порядку или я лучше задержу старт, но вышвырну Вас из списка экипажа. Вы будете говорить откровенно?

И Кэт смирилась – будь, что будет. Почему-то ей стало жизненно важно, чтобы этот человек доверял ей, и ещё – ей физически было больно смотреть на бурлящий багровый цвет ярости, которым полыхала его аура. Поэтому она отвела глаза и согласно кивнула.

– Первая спасательная экспедиция подбиралась тоже Вами?

– Нет, её осуществлял другой бионик. Кто – я не знаю. Сначала я провела стандартную в таких случаях процедуру определения опасности планеты для жизни человека. Так же, как и у предыдущего бионика, получалось, что опасности нет...

– Ну, да, «опасности нет», а никого не спасли и списки «заснувших» пополнили. Чего тогда стоят ваши процедуры?

– Здесь очень важно правильно сформулировать запрос, поэтому я решила изменить процедуру, – терпеливо продолжила Кэт, – и задалась вопросом: кто способен «разбудить» «заснувших»? Из всех отобранных ЦУПом добровольцев только при анализе Вас появились ощущения положительного ответа.

– Что значит «ощущения»?

– У разных биоников это выглядит по-разному, у меня – покалывание в кончиках пальцев.

– Вы знали, что среди «заснувших» мой брат?

– Нет.

– Допустим. Продолжайте.

– Дальше я наблюдала за группой спасателей. От всех ощущения были одинаковые: опасности – нет, способности «разбудить» – нет. Тогда я задействовала эмпатию, а я вижу не только стандартные цвета ауры, но и множество оттенков, и обратила внимание на тот же тон красного с переходом в

коричневый на границе цвета, что и у Вас, в ауре двух из пятнадцати спасателей.

– И что означает красный с переходом в коричневое?

– Любовь с примесью боли, страха.

– Понятно. Продолжайте.

– Кроме того, меня поразило, что их красный цвет складывался в фигуру «сердце» с пульсацией коричневого по середине.

– Никогда не слышал, чтобы отдельные цвета ауры принимали какие-то формы...

– У меня это тоже произошло впервые. Это были братья-близнецы Ник и Фил. Третья заинтересовавшая меня аура принадлежала Элен. Здесь красный цвет был стянут жгутом светло-серого цвета. А потом похожую картину я увидела у одного из претендентов на место штурмана, им оказался Георг, и инженера – Жан.

– И что же означали эти картины?

– Необходимость куда-нибудь сбежать. И я подумала, что раз для успеха экспедиции важны только Вы, то я, выбрав их, по крайней мере, осуществлю их насущное желание.

– То есть все, кто был красным или просто хотели куда-нибудь сбежать и попали в *последнюю* экспедицию, от которой зависит жизнь семерых людей, в том числе и моего брата???

Что за чушь Вы несёте?

И они возмущённо уставились друг на друга. Алекс сложил руки на груди и смотрел в темно-карие глаза Кэт, возму-

щённый несерьёзным, как ему казалось, подходом к последней экспедиции, от которой зависели жизни людей. А Кэт – в голубые глаза Алекса, возмущённая недоверием к её эмпатическим способностям. Первой отвела глаза Кэт, а Алекс продолжил свой допрос с пристрастием:

– Это всё, что Вы можете мне сказать?

– Когда экипаж собрался вместе, я увидела, что ауры Элен и Георга тоже составляют единое сердце. И, кстати, Вы можете не беспокоиться: они любят друг друга, а не ненавидят, и я не могу разжечь то, чего нет. Дар «музы» только помогает человеку решить какую-то задачу, усиливает восприятие мира тех, кто наделен каким-нибудь талантом, но не может глупого сделать умным, а бесталанного – гением. Кроме того, я умею его контролировать...

– Это обнадёживает. Мне Ваш дар точно не нужен, предпочитаю обходиться собственными мозгами, прошу это запомнить.

– Значит, у Вас больше нет ко мне вопросов?

– Ничего подобного. Остался ещё один член экипажа, о котором Вы не рассказали – Вы...

– Мне надо улететь подальше от Земли по личным причинам...

– Ну, и? Я Вас по-прежнему внимательно слушаю.

– Я... я не хочу стать очередным подопытным кроликом, как моя мама... Вы же знаете, эмпаты не живут больше пятидесяти лет, а мне уже тридцать. Как только в ЦУПе узнают о

появлении у меня больше двух необычных способностей – я больше не выйду дальше лаборатории, а я хочу просто жить, видеть новые миры, помогать людям по мере возможности... Пожалуйста, я Вас очень прошу: разрешите мне участвовать в Вашей экспедиции. Я могу контролировать «музу», а ещё я очень сильный врач-псионик...

Кэт смотрела таким умоляющим взглядом на Алекса, что у него дрогнуло сердце от жалости к ней. Он, конечно, знал, что эмпаты рано уходят из жизни, кончая её, как правило, в секретных лабораториях ЦУПа, в народе называвшимися «сумасшедшими домами», но это было так, абстрактное знание, никогда за свои 60 лет он с ними близко не общался. А теперь перед ним стоит девушка-эмпат, которой хочется испытать радости и тяготы жизни обычного человека XXIII века, и смотрит на него такими большими карими глазами, в которых плещется боль...

– Ладно, давайте теперь перейдём к моим снам...

И Кэт поняла, что её полёт к планете №7 состоится (как здорово, что она отложила разговор с командиром корабля на последний день!). А Алекс подумал: как бы он поступил, если бы этот разговор был не в последний день перед стартом?

⁴ – состояние живого организма, при котором жизненные процессы настолько замедлены, что отсутствуют все видимые признаки проявления жизни. При наступлении благо-

приятных условий жизни происходит восстановление нормального уровня жизненных процессов.

3

Первые несколько скачков с анабиозом экипажа и их совместным бодрствованием прошли в принципе вполне мирно. Помощь врача-псионика Алексу пока была не нужна, а с остальными членами команды она, видимо, справилась, поскольку никто не жаловался на самочувствие, все выглядели бодрыми и здоровыми. Близнецы и Жан заигрывали с женской частью экипажа, Георг делал вид, что погружён в расчёты маршрута. Периодически Элен и Георг соревновались в ехидстве между собой, но Кэт заметила, что инициатором их пикировок всегда был Жан. Ей очень не хотелось, чтобы командир потом обвинял в этом её дар музыки и она решила поговорить с инженером-поэтом по душам.

– А чего они дурью маются? – ответил Жан.

– Ты тоже видишь, что они любят друг друга? – удивилась Кэт.

– Да это же видно невооружённым взглядом, – пожал плечами поэт.

– Как видно? – заинтересовалась Кэт (может в Жане тоже есть скрытые возможности эмпата?!)

– Да это просто так говорится, я это просто чувствую, всё же я какой-никакой, а поэт, – ответил Жан, но всё-таки внял

просьбе Кэт не заводить больше бывших супругов.

Алексу после дежурной связи с Землёй делать было нечего и будь его воля, он бы значительно увеличил время анабиоза, а время промежуточного бодрствования свёл бы на «нет». Но ЦУП считал, что для комфортного психологического состояния астронавтов необходимо придерживаться обычных человеческих ритмов, и строго следил за соблюдением этого правила, особенно в командах спасателей, которые так и рвались сократить время полёта к минимуму.

Кэт старалась держаться подальше от Алекса: из экипажа он её уже, конечно, не выкинет, как грозился, но раздражение по отношению к ней из его ауры не исчезло. Да и анализ снов родственников «заснувших» требовал уединения и сосредоточенности. Что-то в них было, но что?

... мы с мужем в очень красивом разноцветном осеннем лесу...

... мы с братом катаемся на горных лыжах...

... как будто сын ещё маленький и мы на берегу моря. Вода – синяя-синяя, а песок странный – чёрный, и скалы рядом странные – белые, вертикальными столбами, как трубы у органа...

Стоп! Очень знакомая картина, Кэт явно недавно где-то видела такую фотографию. А не было ли такого фото среди видов планеты №7? И Кэт с блеском в глазах побежала к командиру корабля просить разрешения на внеочередную связь с Землей.

Алекс знал, что его следующее пробуждение от анабиоза будет болезненным и был готов к боли, разламывающей голову пополам и скучивающей жгутом тело. Но ожидаемого не случилось. Чьи-то горячие ладони поддерживали его голову снизу и словно вытягивали из неё тупую ноющую боль. Тело было вялым и тяжёлым, как и всегда при неурочном пробуждении, но это доставляло скорее неудобство, чем боль. Алекс непроизвольно застонал, и тут же над ним раздался встревоженный голос Кэт:

– Где-то больно?

– Как ни странно – нет.

– Это отлично. Ещё полчаса полудрёмы и Вы будете прекрасно себя чувствовать.

А я пока расскажу Вам о нашем прорыве. Когда я анализировала сны, мне показалась знакомым место, которое описывала мать одного из «заснувших»: синее море, черный песок и белые органичные трубы скал. Такая необычная картинка. Помните, я запрашивала связь с Землёй? Я попросила ЦУП найти мне подобное фото с планеты №7. И они нашли! А по-

том показали его этой женщине. И она сказала, что это именно то место, которое ей снилось! Дальше мы забили в компьютер ЦУПа характерные особенности местности из снов родственников «заснувших» и он отобрал похожие. И, представляете, все родные узнали местность из снов! Почти сто процентов!

– Почему «почти»?

– До абсолюта не хватает информации от Вас... Нет-нет, лежите, не вскакивайте, пятнадцать минут ничего не изменят. И я Вам ещё не всё рассказала. Элен, умничка, заметила, что все «заснувшие» спят в зоне лета, а родственники видят во сне и осень, и зиму, и весну. Причём, видят не абстрактные природные пейзажи или картинки из прошлой жизни, а именно конкретные виды планеты номер семь. Так что Вам надо вспомнить что-то примечательное из снов о горных лыжах. Какой-то необычный пейзаж. Может, Вы что-то похожее видели на фотографиях с планеты?

– Фото я подробно не рассматривал, их же там тысячи. А во сне был один такой, он мне ярко запомнился: как будто мы спускаемся по кольцевой трассе на лыжах, а внизу в центре долины прямо на снегу нарисован какой-то узор, знаете, как иней на стекле. Такое описание пойдёт?

– Здорово! Сейчас с Вами закончим и пойдём забивать в компьютер. И ещё вопрос: какое у Вас с братом любимое время года?

– Даже не знаю, – задумался Алекс.

– Ну, вот если бы у Вас с ним была возможность выбрать, где вместе отдохнуть или просто встретиться, что бы Вы выбрали?

– Тут и выбирать нечего: конечно, горные лыжи. У нас дни рождения рядом в феврале, и чем бы мы ни занимались, всегда стараемся отметить их вместе в горах.

– Вот и ещё одно совпадение! Представляете, всем снилось то время года, которое они любят больше всего...

А через час Алекс любовался фотографией планеты №7 с пейзажем из своего сна...

Пока было не ясно, чем может помочь полученная информация, но экипаж охватила эйфория радостного предвкушения успеха спасательной операции, и теперь всё свободное время они рассматривали красочные фотографии планеты №7.

5

Следующее пробуждение Алекса после анабиоза было безболезненным, но опять первым человеком, которого он увидел, была Кэт, которая просто светилась от радости. А

когда поняла, что Алекс проснулся, заулыбалась так солнечно, что он поневоле расцвёл в ответ.

– Кажется, мы разгадали загадку нашей планеты...

От неожиданности Алекс вскочил с лежака и тут же рухнул обратно из-за сильного головокружения. Кэт испуганно ойкнула и торопливо подложила свои горячие ладони под его голову. Приятное тепло разлилось по телу Алекса и сосредоточилось где-то внизу живота, сердце как будто пропустило несколько ударов, а потом громко зачастило, словно навёрстывая упущенное. Захотелось взять руки Кэт в свои и расцеловать ладошки, глубоко вдыхая тонкий аромат её тела. Но Алекс взял себя в руки и нарочито сухим деловым тоном сказал:

– Рассказывайте по порядку.

– Вы знаете, что по графику, все спасатели и Вы были в длительном анабиозе, поэтому бодрствовали только я, Георг и Жан. Георг опять перепроверял данные о нашем маршруте, а Жан вместе со мной рассматривал фотографии планеты. А потом он сказал фразу, от которой у меня опять появилось покалывание на кончиках пальцев, что жизнь человека бессмысленна без любви, сколько бы он не пытался заменить её работой, друзьями, увлечениями...

... Жан застыл над одной из фотографий, и Кэт потрянуло от боли, которой полыхнула его аура.

Она заглянула ему через плечо и увидела довольно забавную фотографию то ли какой-то лужи, то ли озерца, похожего на яичницу. У Жана затряслись руки, он поднял глаза, полные слёз, а потом медленно положил фотографию на стол, встал и ушёл, засунув руки в карманы брюк. Кэт не

могла оставить его одного в таком состоянии и, поколебавшись, всё-таки пошла за ним. Он как будто ждал её появления. Стоило Кэт зайти в его каюту, как он начал рассказывать о своей любимой девушке, Мэри. О том, как им было весело вдвоём, просто так, без причины... О том, как у него рекой лились стихи, когда она была рядом с ним...

О том, как они мечтали о ребёнке с такими же пронзительно синими глазами, как у неё, и задорной улыбкой, как у него... О том, как она ничего не умела делать по дому, но его это совершенно не раздражало... О том, как трогательно она выглядела в решимости научиться готовить и огорчалась, что освоила только «завтрак холостяка» – яичницу... Мэри погибла полгода назад, и он никак не может смириться с её потерей... И стихов больше не пишет...

Но всего этого Кэт не рассказала Алексу, посчитав, что не имеет права делиться с ним личным, сокровенным другого человека, а продолжила только касающееся предстоящей спасательной операции:

... – И я вспомнила, что у меня также кололо пальцы, когда Жан прочитал свой экспромт, помните, на нашем первом собрании? «Блаженный сон в долине рая от грёз любви не отличим...» Единственное слово, которое фигурировало в обоих случаях – это «любовь».

– Любовь? Причём тут любовь? – нетерпеливо перебил

Алекс.

– Подождите, не торопитесь, сейчас объясню. Мы с Элен всё проверили: у всех, кто «заснул» на планете номер семь есть кто-то его любящий: мать, сын, жена, брат, как в Вашем случае, и так далее. У тех, кто благополучно вернулся – нет.

– Такого просто не может быть! Пусть спасатели – это чаще всего одинокие волки, но и у них, наверняка есть родители, какие-то подруги в конце концов...

– Да, конечно, мы всех тщательно проверили по одному: у кого-то есть родители, но они практически не общаются друг с другом. Вы же прекрасно знаете, что крепкие семьи в наше время – это редкое явление. У кого-то есть подруги, но в большинстве рассказов о них говорилось как об «очередных» подругах и все, как один, признали, что к их отношениям нельзя применить слово «любовь». У кого-то есть братья и сёстры, но никто не смог назвать даже их точное число, где они находятся в данный момент, и только некоторые знали примерно, чем они занимаются.

Алекс задумался, что-то рациональное было в рассуждениях Кэт. Семьи, в понимании человека прошлого, чтобы жить вместе, вместе растить детей, вместе стариться, действительно, были редкостью. Нестойкие союзы зачастую оканчивались рождением ребёнка, но его воспитанием, как правило, занимались спецучреждения. Это даже поощрялось, поскольку позволяло раньше определить наклонности человека. Материнский инстинкт у многих женщин отсут-

ствовал, не говоря уже об отцовских чувствах у мужчин. Да и откуда, скажите на милость, может возникнуть связь между матерью и ребёнком, если большинство женщин предпочитает период беременности проводить в барокамере, где не надо мучиться 9 месяцев токсикозом, а сами роды проходят безболезненно вакуумным методом? (Это было единственным достижением медицины XXIII века, поскольку ни сократить беременность до меньшего срока, ни справиться с токсикозом, учёные так и не смогли – природа оказалась сильнее человека). А уж знакомить между собой родных по отцу или матери детей никому вообще в голову не приходило. Что уж далеко ходить: он и сам знал только о двух своих сёстрах и одном брате. И то, что они с Сержем встретились – было счастливой случайностью, а то, как искренне привязались друг другу – так и вообще просто чудом. Испытывать муки любви было модным среди творческих личностей, но любить одного или одну – фи, это же неминуемо приведёт к творческому истощению...

– Хорошо, допустим, Вы правы, и тот параметр, который отличает «заснувших» от вернувшихся, это, действительно, любовь. Но как это знание поможет нам спасти людей?

– Я думаю, что мы сможем, вернее, Вы сможете «разбудить» только своего брата. Именно поэтому только на Вас у меня была реакция.

– А чтобы разбудить остальных, придётся тащить сюда их родственников?

– Да, тех, кому снились сны о планете.

– Вы считаете, что сны тут имеют какое-то значение?

– Мне кажется, что сны снились только тем, кто испытывает эту самую любовь, причем, взаимно.

– И проверить мы это сможем только на мне с братом... Станет ли это убедительным аргументом для дорогостоящего и небезопасного перелёта родственников? Насколько я знаю, среди них немного тех, кто часто совершал межгалактические полёты.

– Но у нас ещё есть Фил и Ник, Георг и Элен. Я уверена, что не просто так их ауры сложились в фигуру «сердце».

– Ну и отлично! Значит, у нас есть возможность составить разные варианты попарного выхода на поверхность планеты номер семь и проверить Вашу теорию.

– Георг и Элен... Что будет с ними?

– А что такое? Георг, как штурман, выходить на планету не будет. А Элен – спасатель, это её работа.

– Вряд ли им понравится разбираться со своими чувствами на глазах у всех...

– Они вызвались добровольцами в эту экспедицию и не подали рапорт об отводе своей кандидатуры, когда увидели друг друга в экипаже. Остальное меня не волнует.

Суровое окончание разговора с командиром расстроило Кэт. Ей казалось, что вся та доброжелательность, которая присутствовала последнее время в их отношениях, вдруг испарилась. Она вообще не могла понять, как он к ней отно-

сится: его аура сияла в её глазах только чистыми без нюансов цветами, символизирующими сплошь положительные качества. Она даже испугалась, что дар эмпатии покинул её, но ведь у всех других членов их команды, кроме Алекса, она же видела оттенки?! А у него – нет. Вот сейчас, например, последнюю фразу он явно произнёс с раздражением, а никакого всполоха грязного оранжевого цвета в его ауре не появилось...

6

– Значит, план операции у нас такой, – подытожил Алекс после того, как на собрании экипажа Кэт изложила свою «теорию любви», – сначала, всё-таки, пытаемся опустить на планету автоматическую спасательную капсулу с Доди (так звали «восьмого члена экипажа» – симпатичную шимпанзе). Если доставка «заснувших» на корабль произойдёт успешно, то с ними будет работать Кэт. Если – нет, то первая пара: я и Ник. По теории Кэт, Серж должен «проснуться», и мы с ним благополучно вернёмся на корабль. Ник должен заснуть и тогда выдвигается вторая пара спасателей: Фил и Элен. Они втроём должны также вернуться на корабль. Дальше будем действовать по обстоятельствам. Вопросы?

– А можно будет прогуляться по планете остальным? – поинтересовался Жан, – Хочется самому взглянуть на эту красоту.

– Всем, кроме Георга. Он штурман – на нём мы экспериментировать не можем. Тебе, Элен и Кэт, судя по всему, «заснуть» не грозит. В любом случае, у всех есть ещё несколько часов до погружения в последний этап анабиоза, в которые я предлагаю вам подумать, повспоминать – нет ли у кого-нибудь любимого и любящего человека, о котором я не знаю, чтобы не пополнить ряды «заснувших».

На этом собрание закончилось и все разошлись по своим каютам. Грёзы Кэт о том, чтобы её, как Спящую красавицу из сказки, разбудил Алекс, прервал осторожный стук в дверь. На пороге смущённо мялась Элен:

– Мы можем поговорить? Только ты должна дать мне слово, что потом никому ничего не скажешь...

– Конечно, заходи.

– Скажи, а если кто-то любит, но безответно, то он заснёт или нет?

– Я думаю, что нет. Но, если ты говоришь о себе, то ты – обязательно заснёшь.

– Почему?

– Да потому что вы с Георгом любите друг друга, только «дурью маетесь», как сказал один наш с тобой общий знакомый поэт. (Кэт пришлось сослаться на Жана, чтобы не раскрывать перед Элен свой дар эмпата).

И воодушевлённая Элен побежала к себе готовиться к анабиозу. А в дверь каюты Кэт через полчаса опять раздался стук. Она была уверена, что за порогом стоит Георг, но к её

радостному удивлению там стоял Алекс:

– Ну что, кто из супругов прибежал: Элен или Георг?

– Я обещала никому ничего не говорить.

– Тогда ставлю на Элен.

– Откуда такая уверенность?

– Если бы никто не приходил – Вы бы так и сказали, а, поскольку ко мне приходил Георг, значит, к Вам – Элен.

– Мы с Вами прямо как семейные психологи.

– Да уж, такого полёта у меня ещё не было. Знаете, меня ведь дедушка воспитывал, так у него была любимая телевизионная программа «Тайны. Интриги. Расследования». В точку про наш экипаж.

– А я не слышала о такой программе.

– Неудивительно. Это из XX века. Дед её в записи пересматривал.

– Вы жили с дедушкой? Я почему-то была уверена, что Вы воспитанник спецшколы.

– До двенадцати лет и был им. А потом меня нашёл дед. Сначала просто приходил, мы с ним гуляли, разговаривали, потом вместе провели одни каникулы, другие. Так постепенно я и переселился к нему, а в школу ходил только на занятия.

– А Сержа тоже дедушка нашёл?

– Нет. Сержа нашёл уже я сам, после смерти деда. Он мне не раз предлагал поискать вместе моих родителей, братьев и сестёр, но я не соглашался. Родители, если бы хотели, сами

могли меня найти, дед ведь нашёл? А с братьями или сёстрами не хотел делиться любовью деда. После его ухода такая тоска налетела, хотя я к тому времени уже сороковник разменял, занимался любимой работой, где меня ценили... А когда начал поиски родных – тоска отпустила.

– Всех нашли? И родителей?

– Всех, не всех – не знаю. Родителей нашёл, старших брата и сестру по матери и младшую сестру по отцу, но ни в ком родственную душу, как с дедом, не почувствовал. А потом случайно встретил Сержа. И больше никого искать не стал. Теперь пусть кто захочет сам нас ищет. Так мы с Сержем решили... Ты уверена, что у нас всё получится? – не заметно перейдя на «ты» закончил Алекс.

В сердце Кэт как будто тонкая горячая иголка вонзилась от затаённого страха в слова Алекса. Она порывисто вскочила и обняла этого сильного, но, оказалось, такого ранимого, и такого уже родного ей мужчину. И он не отстранился. Только на долю секунды замер, а потом осторожно тоже её обнял.

– Ты сможешь мне выйти из последнего анабиоза?

– Конечно! – горячо отозвалась Кэт.

– Вот и славно! Пошёл готовиться к отключке, – уже весело сказал Алекс. Поцеловал Кэт в голову, отстранился и пошёл к двери. На пороге обернулся, как будто хотел добавить что-то ещё, но ничего не сказал.

«Чтобы ни случилось дальше – никто у меня не отнимет

этих счастливых мгновений», – подумала Кэт. И, наконец, чётко осознала, что любит Алекса. Потому и ауру его считать больше не может, замечая в нём только хорошее. «Любовь глаза застит» – говорили в старину...

Алекс же давно понял, что любит Кэт. Хотя и печальный, но любовный опыт у него имелся. И не только тоска по деду, но и разбитое сердце, погнало его по Вселенной искать родственников. Чувства к Кэт росли постепенно: вместе с тревогой за неё в словах Кравица, с желанием защитить в разговорах с Юргеном, при взгляде в её сияющие карие с зелеными искорками глаза, когда она делилась с ним очередным продвижением к разгадке планеты №7, даже когда близнецы заигрывали с нею, и она заразительно смеялась, а ему под кожу заползала холодная змея ревности, вместе с теплом её ладоней, умиряющих боль от неурочного выхода из анабиоза и, наконец, благодаря, будь они не ладны, эротическим снам с её участием. Алекс просыпался с бешено колотящимся сердцем, весь в поту и уже сам не мог разобраться, что ему больше хочется: чтобы эта экспедиция, наконец, закончилась или чтобы не заканчивалась никогда?

После выхода из последнего перед стыковкой с планетой №7 анабиоза весь экипаж постепенно собрался у главного монитора и молча смотрел на увеличивающуюся с приближением корабля планету.

Георг с Алексом специально так рассчитали маршрут, чтобы рассмотреть издали как выглядят все четыре её об-

ласти. На мониторе казалось, что корабль стоит на месте, а планета медленно поворачивается разными боками к людям, увеличиваясь в размерах, как будто приглашает их полюбоваться собой.

Это было, действительно, завораживающее зрелище: вот пролетели над участком осени, издалека похожим на картины

импрессионистов, с буйством красок растений и деревьев, где даже горы были не однотонными, а все в разноцветных полосах красного, жёлтого, зелёного, синего, коричневого...

А реки? Вы когда-нибудь видели реки фиолетовых или красных оттенков?

Осень резко контрастировала с зоной зимы, где, казалось, царил вечный белый покой, лишь слегка разбавленный зелеными вкраплениями лесов и ярко-синими горными озерами,

покрытыми прозрачным льдом. Ещё мгновение, и корабль пересёк чёткую границу между зимой и весной.

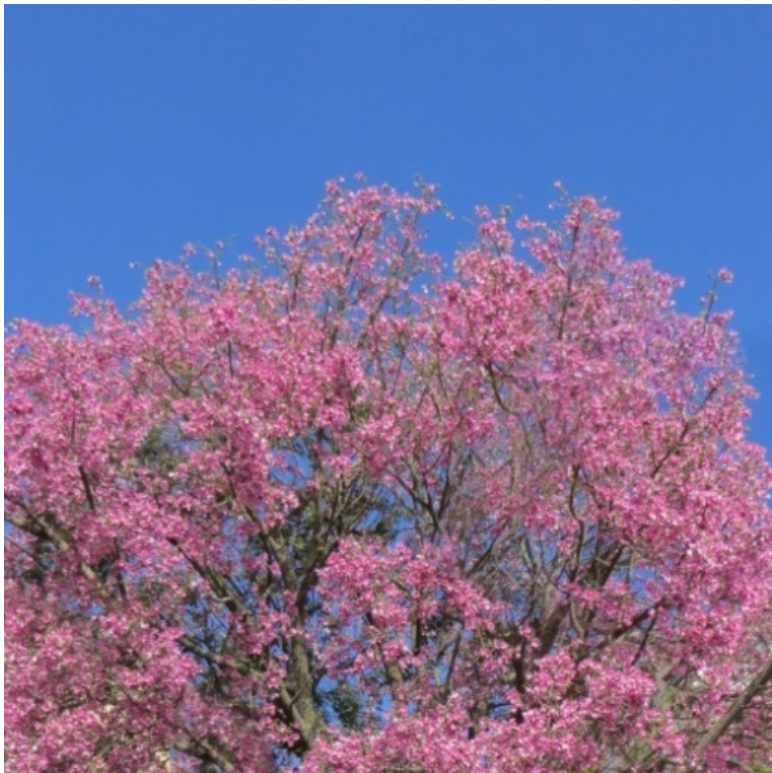
Здесь преобладал нежный зеленый цвет полей и лугов с молодой травой, который периодически сменялся более насыщенным зеленым цветом лесов, прорезанных извилистыми светло-голубыми ниточками рек. Отдельными пятна-

ми от чисто-белого до насыщенно-розового со всеми промежуточными оттенками выглядели участки цветущих деревьев и кустарников. Высоких гор, как в зоне зимы и осени не было. Леса лишь немного поднимались на холмы, а потом опять тянулись плоскими долинами.

Затем рельеф местности резко изменился – это перед кораблем стала разворачиваться картина лета: темно-зеленые предгорья и черные горы, белые скалы по берегам синих морей. Яркие разноцветные пятна каких-то цветов... Над летом корабль завис, выровняв свою скорость со скоростью и направлением вращения планеты.

Астронавты с тревогой вглядывались в экран, на котором постепенно увеличивалось изображение мерцающих точек серых астронавтов, погружённых в сон.

И тут неожиданно раздался голос Жана. В нём были и горечь, и удивление, и надежда:

*Как сердце, скованное льдом,
Лежит Зима в долине рая,
Укрывшись искристым ковром,
Холодным жемчугом сверкая.*

*Но нитка синих вешних рек,
Прорвёт холодное безмолвье,
Придёт Весны короткий век,
Протянет руки к изголовью*

*И отогреется душа,
И сердце радостно забьётся.
Наступит Лето неспеша,
Любимая мне улыбнётся.*

*Пока мы вместе – не страшит
Нас Осени в права вступленье.
Природа круг свой завершит –
Но не любовь и вдохновенье!*

Алекс молча положил руку на плечо поэта и увёл его готовить к спуску на поверхность планеты автоматическую спасательную капсулу с Доди на борту. Кэт была уверена, что ничего из этой затеи не получится, но надо было проверить все имеющиеся варианты, прежде чем рисковать жизнью спасателей.

8

На следующий день к спуску уже готовились Алекс и Ник. Как Кэт и предполагала, автоматическая спасательная капсула ниже 50-ти метров к поверхности планеты опуститься не смогла. Алекс был сосредоточен и заметно нервничал, его

ужасно раздражало несерьёзное поведение близнецов, которые по-мальчишески толкались и подкалывали друг друга, словом, веселились. Но за всей этой бравадой Кэт ясно видела ту же сосредоточенность и напряжённость, которая присутствовала и в ауре командира. Подойти к Алексу и подбодрить Кэт не решилась. Его как будто уже и не было на корабле. Вся его душа была устремлена туда – к планете №7, где «спал» его младший брат.

Георг умело удерживал корабль над «спящими» астронавтами, но опуститься ниже, чтобы увеличение позволяло видеть людей, а не их мигающие сигналы, было невозможно.

– Мы с Ником всегда выходили на задание вместе, – произнёс в напряженной тишине Фил.

В это время на экране замигали 9 точек, и зазвучал искажённый техникой голос командира:

– Видим группу «заснувших»... Подходим к группе... Внешние данные в норме... Серж (заминка) открыл глаза!.. Встаёт... Сигнализирует о нормальном самочувствии... Провожаем Сержа в барокамеру капсулы... (через 10 минут) ...Будем эвакуировать ещё трёх «заснувших»... Идентификацией займёмся на борту... Пока всё идёт по...

На этом связь прервалась. А потом повторилась картина предыдущих спасательных операций: мигание семи точек тепловизоров, возвращение капсулы с Алексом и... Сержем внутри в бессознательном состоянии. Ник пополнил ряды «заснувших».

Кэт настояла на полном осмотре Алекса, хотя он и гнал её к Сержу. Тому предстоял как минимум недельный карантин в изоляторе и подробный мониторинг состояния здоровья, который можно только выполнить в условиях корабля.

А Алекс занялся подготовкой следующей пары: Филя и Элен. На коротком совещании было решено больше не пытаться эвакуировать «заснувших». Фил предлагал пойти ещё дальше: он был уверен, что Ник проснётся, и они попытаются провести на планете максимальное количество времени. С сомнением, но Алекс согласился с этим предложением, строго предупредив о соблюдении техники безопасности. Фил как-то неопределённо хмыкнул на эти слова и командир понял, что близнецы что-то задумали, но других вариантов выхода пар не было. Пока Серж не пройдёт карантин, и пройдёт успешно, они с Алексом выйти на планету №7 не смогут. Об Элен на совещании не говорили. Если бы на нём присутствовала Кэт, она бы разглядела яркий разноцветный коктейль её чувств: нетерпение, радость, отчаяние, воодушевление, страх, ожидание и любовь, любовь, любовь... Георг не принимал участие в совещании, но весь обратился в слух, а зубы стиснул так, что челюсти заболели.

9

Проснувшись на следующий день, Кэт первым делом побежала к изолятору и с облегчением увидела заразительно

улыбающегося Сержа, который делал зарядку, больше похожую на русский танец вприсядку. Он тоже заметил девушку, и они одновременно рассмеялись. Вообще, пациент радовал и озадачивал своего врача одновременно: радовал тем, что все жизненные показатели были в абсолютной норме, судя по тем анализам, результаты которых были уже готовы. Никаких вредных веществ ни на его коже, ни одежде не было. Он не фонил никаким, по крайней мере, известным землянам, излучением. Кэт была уверена, что и более глубокие анализы никаких аномалий не выявят. Озадачена же она была следующим: почти полуторамесячный сон Сержа, очень похожий на анабиоз (ни один землянин в условиях корабля столь длительный анабиоз не смог бы выдержать), проходил без питания и отправления естественных надобностей человека, чем и отличался от него кардинальным образом. Но при этом Серж чувствовал себя прекрасно. И проснулся сам, без боли, как только рядом с ним оказался любящий его старший брат. Свежий и отдохнувший.

Обычный регламент обследования пришлось прервать, едва он начался, поскольку Кэт срочно вызвали в центральную рубку. Что же там случилось? – забеспокоилась она. С тех пор, как в ней проснулся дар сновидца, она получала предупреждение во сне даже о неприятностях, не говоря уже об опасностях. Может она забыла прошлой ночью раскинуть сеть на весь экипаж? Да нет, она точно помнила, что сделала это, и, особенно, концентрировалась на уходящих на задание

и «заснувшим» Нике.

Когда Кэт вбежала в рубку, она увидела взбешённого Алекса, побелевшего Георга и беспечно улыбающегося Жана, забившегося на всякий случай в дальний угол дивана. Он ещё и подмигнул Кэт, незаметно кивнув головой на штурмана. Как оказалось, произошло следующее: Фил, благополучно «проснувшийся» Ник и Элен продолжили движение по планете, не пытаясь помочь остальным «спящим», что и было оговорено в плане сегодняшней операции. Примерно через час Элен упала, свалившись в «сон». Этого в плане не было, но такая возможность всё-таки витала в воздухе. А вот дальше всё покатилося совсем не по плану. Георг запаниковал и потребовал, чтобы его срочно снарядили на планету. Никакие аргументы на него не действовали. В результате Георг заявил, что если его не пустят к Элен, он категорически отказывается рассчитывать обратный маршрут. Пока командир со штурманом выясняли отношения, Ник и Фил удалились от Элен и сняли с себя не только гермошлемы, но и защитные скафандры, о чём весело сообщили по связи, прервав, таким образом, скандал на полуслове. Понимая, что никакие грозные приказы близнецами выполнены не будут, Алекс послал вызов Кэт. Может быть, она сможет, хоть и на расстоянии, проконтролировать их состояние?

Кэт усилила контур бионика и задавалась самыми разными вопросами, которые только могла придумать сама, но ничего угрожающего в положении близнецов на планете не по-

чувствовала. Да и у этих паршивцев, судя по их веселым голосам, преувеличенно восторженно описывающим окружающие красоты, всё было нормально.

– Ну, а теперь можно вернуться к моему выходу на планету? – прозвучал непреклонный голос Георга.

Алекс развернулся к штурману, упрямо сложившему руки на груди, и уже было собрался ответить очередной грубостью, но, то ли воздействие на него Кэт, то ли просто её присутствие, остановили его. «А я ведь также вёл себя, если бы подобное случилось с Кэт, – подумал он, – И никто и ничто меня бы не остановило...»

– По регламенту нельзя выходить по одному, – более спокойным тоном сказал Алекс.

– Я готов присоединиться, – тут же отозвался Жан.

– Кто бы сомневался, – уже смирившись с ситуацией, отозвался Алекс и добавил, – Кэт, сможешь им одеться? А я попробую призвать к совести этих охламонов...

А примерно через час в рубке опять прозвучал веселый голос кого-то из близнецов:

– Да снимите вы эти шлемы и поцелуйтесь, наконец!

– Элен проснулась..., – пряча улыбку, произнесла Кэт.

– Не спасательная операция, а мыльная опера какая-то! – пробурчал Алекс.

Но в тоне его голоса было больше облегчения, чем недовольства.

Комиссия ЦУПа одобрила идею доставки родственников «заснувших» на планету, и экипажу Алекса осталось только ждать их прибытие. Ник и Фил беззастенчиво пользовались вынужденным отпуском и фактически превратили одну из спасательных капсул в свой личный транспорт для посещения разных зон планеты. Хорошо хоть исправно фотографировали, собирали образцы растений и брали пробы грунта и воды. Жан не делал даже этого. Он весь погрузился в творчество, стихи писал на любом клочке бумаги, а на планету высаживался для вдохновения. Помолодевшие от счастья Георг и Элен бурно проводили второй медовый месяц. А, поскольку Георг помогал штурманам экспедиций по доставке родственников выстраивать оптимальные маршруты к планете №7, то и Элен торчала рядом с ним на корабле. Впрочем, супругов это не огорчало. Программы местных маршрутов по планете, исправно составляемые для капсул близнецов и поэта, им ещё пригодятся. Пока экспедиции будут на пути к Южной короне, они наверстают упущенное. Кэт делила своё время между обследованием Сержа и, по просьбе Алекса, помощью Георгу в качестве «музы».

Алекс в последнее время как-то отдалился, отгородился от Кэт. Она это не только чувствовала, как любая влюблённая женщина, но и видела своими эмпатическим зрением. А

вот боль, которую приносило отчуждение Алекса, чисто физически расположилась в сердце и животе и сильно жгла и сжимала внутренности.

Алекса не только жгла боль, но и душила ревность – ревность к собственному брату. С его точки зрения Серж с Кэт сильно сблизились в последнее время. Когда бы он не заглядывал в изолятор к Сержу, он всегда заставлял их о чём-то болтающими или над чем-то смеющимися. И ни разу они не пригласили его присоединиться к их маленькой компании, а наоборот, смущённо замолкали и тут же переходили на разговор о здоровье Сержа или планете. Выяснить отношения с собственным братом Алекс не собирался.

А потому, когда Кэт, напросившаяся на выход на планету № 7 вместе с Жаном, заснула там через час, Алекс поспешил в изолятор к Сержу. Серж с жадным интересом рассматривал виртуальные фотографии планеты, которыми его регулярно снабжали близнецы. Проспав на ней почти два месяца, он ведь так ничего и не видел. Кэт обещала скоро снять карантин, и он мечтал всё увидеть собственными глазами в компании старшего брата. И тут в изолятор ворвался Алекс:

– Вставай, срочно собирайся на выход.

– Карантин, наконец, закончился? – с радостным нетерпением вскочил Серж с дивана.

– Считай, что закончился. Кэт заснула на планете. Тебе надо её разбудить.

– Сам буди! – разочарованно буркнул Серж и плюхнулся

обратно на диван.

– Ты что, меня не понял? *Кэт* заснула, – грозно навис над диваном Алекс.

– Всё я прекрасно понял. Не сверкай глазами – дырку в диване прожжёшь! Влюбил в себя девчонку – сам теперь иди и спасай.

– Но как же? – растерялся Алекс, не в силах поверить собственному счастью.

– Ей богу, любовь делает глупее даже самых умных из человеческих экземпляров! Иди уже. Мало того, что я почти мозоль натёр на языке, рассказывая ей о тебе в мельчайших подробностях, так теперь и тебе должен одно и то же по сто раз повторять...

Алекс порывисто обнял Сержа и побежал переодеваться.

Кэт очень хотелось побывать на планете. Но также как в своё время Элен, очень боялась этого выхода. И, наконец, решилась. Пан или пропал, как говорили в старину. Жан обещал показать Кэт очень красивое место, где в предгорьях цвели ярко-малиновым цветом то ли высокие цветы, то ли низкие кустарники, причём, их форма была почти правильным шаром, и образовывали они плавные изогнутые линии, параллельные друг другу, которые упирались в отвесные скалы. Сами скалы принимали самые разные формы, так что,

казалось, какой-то гигантский скульптор поработал над ними. А за скалами плескалось ласковое море.

Жан еле утащил Кэт из малиновой долины, пообещав не менее интересные места. И действительно, Кэт как будто попала на выставку скульптур, и они с Жаном ещё полчаса развлекались, придумывая названия к этим причудливым ком-

позициям. За этим занятием, незаметно для себя, Кэт и заснула. Так что до моря они так и не дошли.

Жан заботливо оттащил Кэт в тенёчек и остался ждать прихода Алекса. В том, что придёт именно командир, поэт ничуть не сомневался. Горе с этими влюблёнными! Сомневаются всё время в чём-то, тратят драгоценное время,

которое могли бы провести вместе...

– Ну, я пошёл, тут третий – лишний,

Вам есть о чём поговорить.

Ведь дал наказ нам сам Всевышний

Мужчине женщину любить! – сказал Жан приблизившемуся командиру (последнее время

поэт даже на обыденные темы откликался почти всё время стихами) и удалился, насвистывая какой-то залихватский мотивчик, ничуть не смутившись кулаку, которым погрозил ему Алекс.

А потом Алексу стало не до Жана – на него открыто смотрела с любовью в прекрасных карих глазах проснувшаяся Кэт.

11

Уже не один раз, проснувшись, Алекс заставлял Кэт стоящей около иллюминатора. Он понимал, что её что-то беспокоит, но терпеливо ждал, когда она созреет поделиться с

ним, потому что очень боялся разрушить то ощущение бесконечного счастья, в котором они с Кэт купались последние недели после её пробуждения на планете №7. Как парадоксально бы это не звучало, но бесконечное счастье казалось очень хрупким.

Их миссия на планете подходила к концу. Теория Кэт сработала полностью. Все «уснувшие» проснулись, дождавшись своих любящих родных. Первая партия спасённых с прилетевшим экипажем уже отправилась на Землю. С ними из экипажа Алекса улетели близнецы и Жан. Их звали новые миры. На орбите планеты остался корабль с теми, кто не сильно торопился возвращаться под видом ожидания наиболее удачного времени старта. Алекс подозревал, что парочку точек Георг уже пропустил, но ему впервые в жизни очень нравилось такое размеренное существование с прогулками по живописной планете и нежными ночами вдвоем.

Идиллию только парочку раз нарушал Юрген, который уже в открытую требовал скорейшего возвращения Кэт на Землю, но Алекс успел выработать в разговорах с ним вежливый, но холодный тон с обтекаемыми ответами не совсем на его вопросы. А потом вообще отправил его за ответами к Кравицу, как к своему начальству в этой экспедиции, (конечно, по предварительной договорённости).

...Кэт подсела к Алексу на кровать, полуобняв прилегла к нему на грудь, и сказала:

– Алекс, а давай я здесь останусь?

Алекс совершенно не ожидал такого поворота, поэтому произвольно сделал попытку подняться.

– Подожди, – мягко остановила его Кэт, – я засну, а ты будешь ко мне прилетать, когда сможешь. Какая разница где и как я буду тебя ждать?

– Ты не хочешь возвращаться на Землю?

– Я не хочу там быть без тебя.

– Почему? Тебе там что-то угрожает?

По тому, как Кэт вздрогнула и замешкалась с ответом, Алекс понял, что попал в точку.

– Не только это...

– Кэт, малыш, ты же мне доверяешь?

– Конечно доверяю. Не в этом дело... Это очень опасно для тебя...

– Ты мне всё расскажи, а там посмотрим.

И Кэт, сдавшись, рассказала о себе, своей семье и Юргене.

Себя она отчетливо помнила только с 7 лет, когда в спецучреждении, в котором она росла с 5 лет, появился статный высокий старик и, внимательно заглянув ей в глаза, сказал, что её мама, к сожалению, умерла и теперь он будет её приёмным отцом. Своего родного отца Кэт совсем не помнила, а о маме остались какие-то отрывочные воспоминания, в основном приходящие во сне. Самый яркий последний сон приходил совсем недавно. Кэт его не запомнила, но проснулась вся в слезах, с тяжёлым чувством потери и как-то сра-

зу поняла, что маму она больше не увидит, хотя в школе ей обещали, что мама вот-вот выздоровеет и заберёт её домой. Кэт убежала в дальний угол сада и проплакала там весь день, а вечером её нашла старшая воспитанница и утащила к директору. Тот взглянул ей в лицо и сказал загадочную фразу: «Карие глаза⁵. Что ж, этого следовало ожидать». Позже, уже у себя в комнате, Кэт поймала своё отражение в зеркале и не сразу поняла, что же изменилось в её облике – вроде это была она и не совсем она. А потом увидела, что её зеленые глаза поменяли цвет на темно-карие... Через несколько дней в школе появился Юрген и представился врачом, который лечил её мать, но, к сожалению, все его «усилия не увенчались успехом».

С переездом в дом Юргена для Кэт, собственно говоря, почти ничего не изменилось. Друзей в школе у неё не было, она всегда держалась особняком. Только комната для сна изменилась, да Юрген периодически задавал ей разные вопросы. Став взрослее, Кэт поняла, что он прощупывал появление у неё необычных способностей. На покалывание пальцев она не сразу обратила внимание, а потом нечаянно проявилась «муза».

Кэт исполнилось 10 лет и у неё, наконец-то, появился друг, что было удивительно для таких, как она. Дни рождения у Кэт и Стивена совпадали. Дома этот праздник никогда не отмечался – может, приёмный отец и не знал, когда родилась Кэт? И девочка уговорила Юргена отпустить её на

праздник в семью Стивена. Юрген согласился, решив прийти за Кэт, чтобы посмотреть с кем она общается. Необычные способности должны были вот-вот проявиться, это подсказывал весь его опыт, и, возможно, друг явится их катализатором.

Интуиция не подвела Юргена. Когда тот уводил Кэт, Стивен с важным видом взрослого десятилетнего мальчика поблагодарил Юргена за то, что он отпустил Кэт на праздник и сказал, что в её присутствии он всегда играет на синтезаторе особенно вдохновенно. Дар «музы» хоть и был редким среди уникамов, но уже встречался в практике Юргена, и потому он знал, как его проявить и развить.

Так закончилось детство Кэт. Юрген перевёл её в спецшколу при своей лаборатории, и теперь она была под неусыпным его вниманием. К 15-ти годам Юрген обнаружил своими приборами её дар псионика. Да и трудно было бы не заметить колебания температуры под ладонями Кэт от +5 до +42 градусов. Не смотря на то, что она быстро научилась управлять температурой, дар врача-псионика был одним из самых трудоёмких даров, поскольку требовал к способностям добавлять огромный объём знаний. И Юрген отправил Кэт на учёбу в медицинский университет. Нельзя было сказать, что Юрген плохо обращался с девушкой, но он был одержим своими исследованиями необычных способностей и нещадно отсекал всё лишнее, что, по его мнению, мешало ей развиваться в нужном направлении. В университете Кэт оказалась

намного младше своих сокурсников, а ей же хотелось общения с ровесниками, каких-то развлечений, путешествий, новых впечатлений. Она жадно вглядывалась в окружающую действительность и та ответила ей красочными картинками. В Кэт проснулся дар эмпата.

Ей хватило ума не рассказывать об этом Юргену, чтобы не провоцировать его новые исследования. Кэт казалось, что будь его воля, он был готов выходить за ней повсюду, держа за провода приборов, как на поводке собачку. Кроме того, ей неприятны были цвета его ауры каких-то грязных оттенков, поэтому она старалась разобраться со своим новым даром самостоятельно.

Учёба в медицинском университете открыла Кэт глаза на ещё один её дар – бионика. Она, наконец, поняла, что означает покалывание на кончиках пальцев. А ещё этот дар принёс ей хотя бы глоток свободы и общение не только с сокурсниками и Юргеном. Бионики обучались на курсах при ЦУ-Пе – так Кэт познакомилась с Владимиром Кравицем. Он не сразу узнал, что Кэт является дочерью его лучшего друга – Энтони Далтона, погибшего более 20 лет назад. Кэт тоже об этом не догадывалась, хотя Кравиц сразу ей понравился своими чистыми цветами ауры.

Примерно в это же время к ней во сне пришли родители. Маму она узнала сразу, хотя и видела только малышкой. О том, что красивый улыбчивый мужчина рядом с ней – отец, догадалась. И началось счастье во сне. Мама помогла разо-

браться в оттенках цветов эмпатии – это был последний дар, который пришёл к ней на Земле. А в другом мире, где они с папой воссоединились, у неё нет никакого дара, кроме любви к отцу. Все свои дары она передала Кэт вместе с изменением цвета глаз с зеленых на карие когда уходила, поэтому способности бионика и музы проявились так рано, когда та ещё не была готова.

Не сразу, но вопросы о Юргене возникли в их разговорах. Здесь мнения родителей разошлись. Отец обвинял Юргена и в своей гибели и в смерти мамы. Мама свои последние 2 года жизни на Земле помнила плохо. Были чёткими только ощущения любви и тоски по мужу и дочери и желание сбежать из того места, в котором находилась. Но, при этом, воспоминаний о боли или ненависти к кому-либо не было.

Однажды мелькнуло в их разговорах и имя Кравица. Отец был рад узнать, что его наставник и друг жив, и посоветовал Кэт смело обращаться к нему за помощью, если понадобится. Она так и сделала. Ни родителям, ни, тем более, Кравицу, она не сказала, что грязно-болотный цвет вожеления в ауре Юргена по отношению к ней усиливается, что очень её пугает. Она направила всю свою энергию на развитие способностей бионика и врача-псионика, чтобы быть как можно полезнее для ЦУПа. А когда Кравиц возглавил комиссию по планете N7, а Юрген, так удачно совпало, находился в дальней командировке, Кэт попросила его направить её в состав экспедиции. Кравиц сделал не только это, но и доверил Кэт

набрать экипаж.

– Вот и вся история, – завершила Кэт свой рассказ.

– Ты так боишься Юргена, что поэтому не хочешь возвращаться на Землю? Но что он может сделать, когда мы будем вместе?

– Сделал же он так, что папа погиб и мама стала перед ним беззащитна? Я не хочу, чтобы ты стал уязвим из-за меня. Поверь, самое лучшее решение – это мне остаться здесь. Я проверяла.

– Давай не будем торопиться. До вылета ещё два дня. У меня есть время подумать.

– Только дай мне слово, что я проверю твоё решение, и мы поступим так, как мне подскажет дар бионика.

– Конечно, малыш, иметь под боком такой дар и не пользоваться им?!

⁵ – в условиях жизни под землей с заменой естественного солнечного света на искусственное освещение подавляющее число людей имело серые глаза с зелеными или голубыми крапинками. Люди с карими глазами рождались чрезвычайно редко и обладали набором необычных возможностей, почему их и называли уникамами.

12

Алекс для начала решил пообщаться с Владимиром Кравицем. После обычного ежедневного доклада он спросил:

– Мне необходимо задать Вам несколько вопросов, связанных с Кэт.

– Ты меня спрашивать будешь как командир корабля или как?

– Или как.

– Значит это, всё-таки, ты...

– Что значит «всё-таки ты»?

– На планету выходили? – как будто не слыша Алекса, продолжил Кравиц.

– Кэт выходила.

– Значит, ты будил.

– Вы на мой вопрос не ответили.

– Я больше рассчитывал, что рядом с ней будет инженер или штурман.

– Почему?

– Не такая опасная профессия, как спасатель.

– Вы тоже спасатель, однако, до сих пор живы.

– Не обо мне речь. Ладно, давай задавай свои вопросы.

– Кэт уверена, что в гибели её отца и смерти матери виноват Юрген.

– Что касается матери Кэт – Юлии, я не в курсе. После женитьбы мы с Энтони редко общались, но я попробую что-то разузнать. Вам ещё два дня осталось до старта?

Алекс кивнул, и Владимир продолжил:

– Когда погиб Энтони, я вошёл в комиссию по расследованию гибели его экспедиции. Да, Юрген был председателем

комиссии, которая отвечала за набор его добровольческого экипажа. Да, он мог повлиять на его состав.

– Подождите, а разве не бионики окончательно утверждают состав добровольческих экипажей? – перебил Владимира Алекс.

Кравиц рассмеялся:

– Неужели ты думаешь, что в вашу экспедицию случайно попали все мужчины, не обременённые семьёй? Только с Гергом вышла осечка.

– Так Вы так специально для Кэт сделали?

– Я просто повысил процент необходимых с моей точки зрения людей. И заметь, всё это не в ущерб качеству. Ты ведь остался в итоге доволен экипажем? Сначала, как я знаю, ворчал. Я уверен, что также поступил и Юрген, отобрав из добровольцев Энтони. Но в добровольцы тот пошёл сам? Сам. О степени риска знал? Знал. Мог отказаться, тем более с учётом жены и ребёнка, но почему-то не сделал этого. Первые три года после женитьбы он отказывался от многих предложений. Я знаю, потому что сам ему предлагал. Но он сослался на семью. Хотя мне кажется, что ещё и не хотел быть на вторых ролях рядом со мной. А уже через год сам напросился в добровольцы. То ли взыграли амбиции, а они у него были, уж поверь мне. То ли что-то произошло за этот год. Кроме того, погиб не он один, а все двенадцать человек его экипажа. Каким бы неприятным, мягко говоря, не был характер Юргена, как бы он не был фанатически заиклен на сво-

их исследованиях, я никогда не поверю, что чтобы получить мать Кэт к себе в лабораторию, он угробил столько людей.

– Но какие-то разговоры о неестественных смертях в результате его исследований давно уже ходят.

– Да, это так, – поморщился Кравиц, – периодически даже создаются комиссии, проверяющие его работу, но ничего криминального никогда не выявлялось. Ты же понимаешь, что чем секретнее работы, тем больше об этом слухов.

– Но и дыма без огня не бывает. Да и есть ли какие-то практические результаты его работы?

– Что касается механизма появления необычных способностей, почему они проявляются только у людей с карими глазами – здесь результаты весьма скромные. А вот все методики раннего распознавания и развития необычных способностей разработаны Юргеном. С учётом того, что уникалов становится всё меньше и они рано уходят из жизни – его исследования крайне необходимы. Надеюсь, что в полезности их дара ты убедился на личном опыте?

Алекс нехотя кивнул.

– Так что давай сделаем так: возьмите с Кэт отпуск и улетайте на пару недель куда-нибудь подальше, а я попробую разузнать что-то более конкретное о Юлии.

13

Алекс не стал надеяться только на Владимира, но решил

и сам предпринять кое-какие шаги. Всё-таки, хоть он и не был такой легендарной личностью, как Кравиц, но и у него уже был определённый авторитет среди астронавтов. Поэтому он сосредоточил свои усилия по поиску людей, которые когда-то летали с Энтони в одном экипаже, особенно в последние годы перед гибелью. Конечно, прошло уже больше 25 лет с этого момента, но кое-кого он всё-таки нашёл и сумел склонить к откровенному разговору. А после информации от Кравица все детали истории сложились в стройную картинку.

Энтони познакомился с Юлией в ЦУПе. Ей было около 40-ка лет, он уже перешагнул 70, то есть был в самом расцвете лет. К этому времени он уже несколько лет как вышел из-под крыла Кравица, успешно работал самостоятельно, быстро завоёвывая авторитет среди астронавтов. Они с Юлией быстро сошлись, родилась дочь. Все 9 месяцев беременности Юлия провела рядом с мужем, а не в барокамере, понимая, что ей не так много отпущено времени и надо ценить каждое мгновение, проведённое вместе.

Примерно в это же время Юлия получила дар эмпата, и ею сильно заинтересовался Юрген. Она и так была у него на контроле, как любой уникам, но получение третьего дара эмпата, наряду с биоником и музой, выделяло её из их числа. Энтони не нравилось, что его жену отвлекают от него и ребёнка на опыты в лаборатории, а Юрген раздражался, что такой уникальный экземпляр не находится в его полном

распоряжении. Количество исследований даров Юлии резко возрастало только когда Энтони отправлялся в очередную экспедицию.

В 43 года у Юлии появились первые признаки сумасшествия. Она всё больше уходила от реальности в какие-то иные миры. Энтони было очень тяжело наблюдать, как уходит его любимая, и он, чтобы отвлечься от проблем, которые не в силах был преодолеть, всё больше времени стал посвящать работе. Малышку Кэт отдали в спецшколу, поскольку Энтони не вылезал из экспедиций, а находиться рядом с угасающей матерью ей было опасно. Юргена малышка не заинтересовала, так как её зеленые глаза говорили об отсутствии необычных способностей.

Когда погиб Энтони, состояние Юлии резко ухудшилось, и она попала в полное распоряжение Юргена. Кравиц сумел добраться до видеозаписей тридцатилетней давности, и они вместе с Алексом их пересмотрели. Смотреть на это было очень тяжело, но не из-за того, что на них предпринимал Юрген... Сцепив зубы, Алекс досмотрел записи до самого конца. Страшно было думать о том, что и его любимую ждёт такой же конец...

Но ведь у них впереди целых 20 лет – неужели они вдвоём не найдут решение этой проблемы?!

А на сегодня задача проще – изложить Кэт историю её родителей...

Эпилог

Хотя Юрген оказался не виновен напрямую в смерти родителей Кэт, всё равно на душе Алекса остался осадок, и поэтому он не отпускал её одну к нему в лабораторию. Да они и вообще практически не расставались. Экспедиции Алекса, дом, обследования Кэт в лаборатории Юргена – всюду вместе.

После посещения планеты Любви (так называли планету №7 созвездия Южная корона), способности Кэт резко усилились, но при этом она чувствовала себя вполне нормально, даже отлично, хотя обычно при таком уровне возможностей уникамы уже начинали проявлять признаки безумия. Посещение планеты Любви остальными униками также дали положительные результаты.

ЦУП принял решение не заселять планету, а оставить её заповедной. Экспедиции для того, чтобы просто полюбоваться ею, стартовали со всех планет одна за одной, а очередь желающих провести на ней хотя бы несколько дней выстроилась на годы вперёд...

Август 2016

Мой ангел смотрит на меня...

(«Господи, ну какая чушь! С каких это пор для покупки билета на электричку требуется медицинская справка?!? Что за бред? Сказала бы я тебе, если бы не твоя беременность!»)»

– Девушка! Я сюда ехала – никакая справка мне была не нужна.

– А сейчас новые правила. Медицинская справка и копия Вашего паспорта должны прилагаться к билету. За разъяснениями можете обратиться к моему начальнику. Он сидит...

– Спасибо! Я знаю, где он сидит!

Я, действительно, видела застеклённый офис начальника вокзала, который промелькнул между стеллажами книжного магазина, через который пришлось пробираться по пути к кассам, и не собиралась выслушивать её пространные объяснения. И так уже опаздываю! Последняя электричка в Москву вот-вот уйдёт, а я ещё никак не могу разобраться с этой дурацкой ситуацией. Не на вокзале же мне ночевать! Стремглав развернувшись, я ещё успела заметить краем глаза, как девушка, неуклюже переваливаясь, как утка, со своим огромным животом, пошла к ксероксу снимать копию с паспорта законопослушного пассажира, нетерпеливо переминавшегося за мной в очереди в кассу.

(«Да где же этот офис? Вот здесь же он мелькал, я точно помню! Эх, надо было, всё-таки, выслушать эту беременную кассиршу!»)» Я уже навернула несколько кругов по этому нескончаемому книжному магазину (И кому в голову при-

шла идея располагать такой огромный магазин в центре вокзала?!?), а к офису железнодорожного начальства выйти так и не смогла. От досады только что пар из ушей не шёл. Зато уже несколько раз попадался выход на платформу. И, вроде, ни турникетов, ни контролёров не видно... («Эх, была – не была! Попробую зайти без билета. Даже если выкинут на следующей остановке, там есть метро. Пусть неудобно, с кучей пересадок, но хоть как-то доеду!»)

(«Уф, вроде пронесло! Никто не остановил, а дальше уж как-нибудь доберусь. Можно расслабиться... Какой закат над озером красивый...»)

Электричка, наверное, огибала озеро по дуге, поскольку, несмотря на огромную скорость, водная гладь, в которой отражались разноцветные облака, разукрашенные заходящим солнцем, всё длилась и длилась. И какой-то огромный куст с крупными шарами фиолетовых цветов всё никак не пропал из виду... («Странно почему нет снега... В Москве сугробы по колено... А здесь как будто весна... И пейзаж незнакомый... Уж сколько я здесь езжу, но этого озера не помню... Блин!!! Я же не в ту сторону вообще еду! Вот, чёрт!»)»)

(«Ну, и куда это я забралась? Так долго не было остановок! Да какая разница! Главное, что есть вторая платформа, с неё-то точно куда надо доеду! А, вон и очередь за билетами! Странная какая касса...») Билеты на электричку продавались в открытой палатке. На столике перед продавцом лежали плотными рядами вперемежку газеты, журналы, кроссворды, а за ним, под задней стенкой палатки, стоял стеллаж с книгами (Опять книги! Прямо целый день меня преследуют!)

– Мне один до Москвы!... Молодой человек, я Вам пятерку дала, а Вы мне сколько сдачи дали?

Я развернула три тысячных купюры веером и возмущённо уставилась на скромно потупившего голову продавца.

– Вот-вот! Так и норовят обмануть! – раздался старческий голос сзади, – Везде нужен глаз да глаз!

Это возмущался высокий сухонький старик, напивавший от закипевшего чувства попранной справедливости на маленькую пухленькую аккуратную старушку, стоявшую непосредственно за мной. Старушка почему-то смотрела на меня укоризненно своими выцветшими, а когда-то ярко-голубыми, глазами. Я перевела взгляд на свой импровизированный веер и с ужасом увидела, что тысячных купюр уже пять. Что за наваждение? Стыдливо свернула деньги, чтобы никто не заметил, и поспешила на платформу.

– Совсем молодежь совесть потеряла! Тыща рублей за би-

лет! Какая наглость! Да в моё время билет двадцать копеек стоил, – продолжал кипятиться старик.

Не поняла – причём тут «молодежь», но в остальном я с ним была полностью согласна: тысяча рублей за билет – это грабёж, а потому никакого стыда за то, что билет мне достался даром, не испытывала.

К нужной мне платформе надо было пройти по деревянным мосткам, проложенным между старыми ржавыми рельсами. Мостки были узкими, а людей было много, и все лавировали между друг другом в каком-то непонятном броуновском движении вместо того чтобы спокойно идти в одном из направлений по одной из сторон. Так и хотелось крикнуть: «Да держитесь вы уж все правой стороны – меньше будет толкотни!». И только когда я дошла до середины мостков, стало понятно, почему люди движутся так хаотично: под мостками спали люди! Они плотно прижимались друг к другу спинами и были похожи на перчаточных кукол, сложенных в длинную коробку голова к голове... Шедшие по мосткам люди, натыкались на них, стыдливо отводили глаза в сторону и... шли дальше. Наверное, они думали так же, как и я: «Всем не поможешь», а потому не помогали *никому*. Но какая-то крохотная частичка души колола сердце не до конца утраченным состраданием, и люди ускоряли шаг, опускали глаза и на мгновение теряли прямолинейное направление своего пути. Проще всего было тем, кто искренне верил и даже негодовал по поводу, что нищие – они не нищие, а члены

банды тунеядцев и вымогателей, а сами по себе они живут вполне себе припеваючи... Я же остаюсь среди не определившихся... Однажды была на встрече с православным священником, где ему задали вопрос – как же поступать в таком случае? Ведь христианство требует помогать *всем* страждущим, но тогда можно разориться и собственную семью пустить по миру. И батюшка посоветовал разменять «денежку» на мелкие монетки и подавать копеечку – мол, и сами не разоритесь, и христианский долг свой исполните... Мне было так противно на душе от этого его совета. Подал копеечку – поставил галочку в списке своих добрых дел – а там, глядишь, уже и нимб над головой скоро засветится. Столько в этом было спеси, столько самолюбования и превосходства над окружающими...

Как я оказалась уже в электричке совсем не заметила. Хлоп – и уже пялюсь в окно, пытаюсь разобрать быстро мелькающие пейзажи в сгустившейся темноте. Странно, что и на вокзале крошечная тьма. Обычно к Москве долго подъезжаешь. Кругом огни, огни – высотных домов, дорог, встречных поездов, а тут... Но это явно конечная, из электрички все вышли, одна я не решаюсь выйти из теплоты и света её нутра в темень и неизвестность снаружи. Но делать нечего! С трудом поднимаюсь и тащу своё непослушное тело к выходу из вагона...

Нет! Это уже вообще ни в какие ворота! Я опять приехала не туда!

– Мужчина, простите, а это какой город?

– Что, заснула, милая, и проехала свою остановку?

– Да вроде и не спала... Мне в Москву надо.

– И-и-и, девонька, где мы и где Москва! Как же это тебя угораздило?

(«Вот же ж, попала на словоохотливого старикана! Так можно до морковкиной задницы разговаривать и ничего не узнать. И спросить-то больше не у кого...»)

– Дедуля, так можно отсюда до Москвы добраться?

– Конечно, можно! В Москву, девонька, отовсюду можно добраться. Ты вон смотри, видишь, огонёчек светится? Его и держись. Это окошечко кассы. К нему заберёшься, билетик купишь, и на среднюю платформу ступай. Здесь уж не перепутаешь – середина она всегда одна. На среднюю. Запомни-ла?

Это мне уже дедуля в спину кричал, поскольку я определилась с направлением, и выслушивать его причитания не было никакого терпения. Господи! Сегодняшний день когда-нибудь закончится? Я домой попаду, в конце концов? Или так и буду скакать с электрички на электричку?

Только когда я дошла, наконец, до светящегося окошечка кассы, поняла, почему дедуля сказал «заберёшься»: окошко горело где-то на уровне второго этажа, и забираться к нему надо было по витиеватой решётке, а отнюдь не по нормальным ступенькам. Но разве это может меня остановить? Вот и пригодилась моя единственная вылазка на скалодром, после

которой я сказала своим друзьям, что в гробу я видала их скалодром и в белых тапочках...

Окошко кассы было настолько узким, что от кассира в нём виднелись только кисти рук, но, тем не менее, он мне четко и коротко ответил глухим голосом из-за стекла своей кассы (я боялась, что в этом городке окажутся все такими же словоохотливыми, как тот дедуля), что ближайшая электричка будет отправляться в Москву от средней платформы в 2.10.

– А раньше нету? – жалобно спросила я.

– Их всего у нас три: в два десять, четыре ноль один и в четырнадцать ноль 2. Так что, будешь брать билет на два десять или нет?

– Буду-буду!

– На среднюю платформу ступай. Здесь уж не перепутаешь – середина она всегда одна, – повторил кассир на прощанье слова старика слово в слово и захлопнул окошечко кассы.

А я поплелась искать среднюю платформу. Но, когда я села в *эту* электричку, на меня накатило такое блаженство и такая уверенность, что теперь-то уж я еду в правильном направлении, что я смежила веки с чувством какого-то выполненного долга и провалилась в сладкий сон...

¹ – в советское время стоимость билетов тарифицировалась по зонам (зона – примерно 10 км).

От Москвы до станций 1й зоны – 10 коп, 2й – 15, 3й – 20, 4й – 25, 5й – 35, 6й – 40, 7й – 55, 8й – 65, 9й – 85 коп. Дальше на разных направлениях могли быть расхождения.

2

– Разряд!

...

– Ещё разряд!

...

– Всё, Александр Викторович! Всё. Это бесполезно. Констатируйте время смерти...

– Время смерти: третье января два часа десять минут.

– Так уже четвёртое наступило...

– Да-да, конечно...

... Запись в журнале:

Дата смерти – 4.01

Время смерти – 2.10

Причина – травмы, несовместимые с жизнью...

... Медленно гаснут шары фиолетовых ламп над операционным столом...

... Застывают и темнеют потёки крови на использованных инструментах...

... Снежный сугроб простыни в центре операционной...

Александр Викторович Боголюбов, ведущий хирург-трав-

матолог Филатовской больницы, устало присел за свой рабочий стол. Он чувствовал... Да ничего он не чувствовал. Полное опустошение. Как и всегда, когда он проигрывал свой бой со смертью. А поскольку его вызывали на самые сложные, самые безнадежные случаи, такое случалось не редко.

Вот и сегодняшний несчастный случай. Девушка... или женщина? В такой мясорубке между двумя электричками – разве был у неё хоть малейший шанс выжить? Нет, конечно... Но она ещё была жива целых шесть часов. И все эти шесть часов он боролся за её жизнь. Боролся, конечно, не он один, но в последнее время он чувствовал именно так: когда удавалось обмануть костлявую – побеждали *они*, а когда – нет, проигрывал *он*.

А раньше, всего год назад, чувства были диаметрально противоположными: в каждом выигранном сражении он чувствовал именно *себя* победителем, а в каждом проигранном – увы, но *мы* не боги, не всё в *нашей* власти...

Но то было раньше, до того, как год назад его единственная дочь Верочка, умница и красавица, попала под колёса автомобиля, и врачи Склифа сотворили чудо, вытащив её из лап смерти, но не до конца... Её ноги остались парализованными. В пятнадцать лет – и полная неподвижность. Первая любовь, единственный в жизни выпускной, переживания на экзаменах, марш Мендельсона, бессонные ночи у постели ребёнка – всего этого у неё уже не будет ни-ког-да. Какое страшное слово...

Тогда он, в порыве гордыни, убивался, что его не было рядом. Он был уверен, что будь *он* за операционным столом, его Верочка уже давно бы забыла об этой аварии. Но потом, чуть позже, когда он смог хладнокровно посмотреть на её ситуацию своим профессиональным взглядом, его оглушило осознание того, что Верочки уже могло и не быть... И не мог себе этого представить... Не умещалась эта вероятность в сердце... Холодным ужасом застывала в душе... И с тех пор воспринимал каждый подобный случай, приводивший пациента к нему на операционный стол, как вызов. Вызов лично себе. Как с этой женщиной, которая умерла сегодня. И его счёты со смертью пока были фифти-фифти...

3

Люба, Любовь появилась в доме Боголюбовых в День всех влюблённых 14 февраля. Александр Викторович невольно отметил про себя, что это выглядело как-то символично. Впрочем, он уже давно не питал иллюзий и оставил надежду найти постоянную сиделку для Верочки. Сколько их уже сменилось за этот год?! Все они приходили спокойными и уверенными в себе, в своём профессионализме и терпении. Деловито заходили в дом... А потом незаметно исчезали. Кто через месяц, кто через пару недель, а кто и вообще через пару-тройку дней. Не выдерживали гнетущей обстановки, царившей в их когда-то счастливой семье. Верочка упор-

но молчала. Не реагировала ни на разговоры, ни на слёзы, ни на крики, ни на истерики. Только смотрела застывшими черными глазами. И этот пустой взгляд переворачивал душу. Впрочем, предписания все выполняла, но они не помогали – никакой надежды на выздоровление в ней не было.

Александр Викторович не сразу пришёл к идее нанять сиделку для Верочки. Сначала эта роль досталась жене Наденьке. И только когда он заметил, что Наденька медленно умирает, превращаясь из молодой цветущей женщины в старуху, забил тревогу. То, что они оба резко поседели после случившегося с их единственной дочерью, это ещё ладно. Хотя, что тут может быть *ладного*? Ему – то почти 60, но Наденьке – то ещё только 37, только веру в счастливую жизнь она потеряла. При нем ещё старалась держаться и выглядеть бодрячком, но когда он был на работе, уходила в их спальню и выла в подушку, чтобы Верочка не слышала. Однажды Александр Викторович заглянул в её когда-то ярко-голубые озорные глаза и увидел выцветшие, почти прозрачные, глаза девяностолетней старухи, ужаснулся и понял, что может потерять и жену. Вот здесь он и воспользовался своим служебным положением, первый раз в жизни, между прочим, попросив начмеда принять Наденьку на работу в их аптечный киоск. Её образование это позволяло, а опыт работы, (которого у неё, конечно, не было, поскольку познакомились они и поженились ещё когда Наденька училась в Медицинском университете) – дело наживное...

Его учитель, Сергей Сергеевич, заведующий кафедрой оперативной хирургии Первого меда² уговорил читать лекции своего талантливого ученика. Там Александр Викторович и встретил Наденьку. Моложавый, красивый, успешный практикующий хирург вызвал бешеный ажиотаж среди женской половины студенческой аудитории. Девчонки направо кокетничали и строили глазки. И Наденька тоже. На лекциях он старался ни на кого из девушек не смотреть, но всё равно не заметить эти чистые ярко-голубые глаза было просто не возможно. Александр Викторович на что уж считал себя тёртым калачом, но всё равно уже через месяц проклинал тот день, когда поддался на уговоры своего учителя. Каждая лекция требовала колоссальных физических сил и моральной стойкости, не говоря уже о времени на подготовку, которое отрывалось от практики.

Во время зимней сессии на экзаменах по практической хирургии Александр Викторович срезал своих студентов безбожно, искренне считая, что за операционным столом середнячкам не место. Наденьке вкатил тройку и даже сухо посоветовал перевестись на Фармакологическое отделение. Девушка ничего не сказала, сглотнула закипевшие на ресницах слёзы и ушла, потупив голову. «Горе у неё какое, что ли?», — подумал строгий экзаменатор, никак не отнеся на свой счёт подобную реакцию.

А после экзаменов Александр Викторович уволился, ре-

шив, что больше он в свою альма-матер ни ногой. Но получилось иначе. Ещё один раз ему всё-таки пришлось сюда прийти. Уволиться-то он уволился, а вот забыть голубые глаза не смог. И, промаявшись четыре месяца, пришёл-таки к ступенькам Университета, чтобы дожидаться Наденьку после её последнего экзамена летней сессии.

– Надя!

Девушка вздрогнула, повернулась на такой долгожданный, но неожиданный голос, и стремглав бросилась к Александру Викторовичу навстречу. Но уже около него успела притормозить и стала жадно разглядывать его любимое лицо: «А он ещё красивей, чем я помню...» «Похудела что ли? Одни глаза на пол-лица...»

– А я перевелась на Фармакологический, как Вы сказали...

– Вот и умница...

Александр Викторович понимал, что должен что-то говорить, спрашивать, как-то объяснить чего он сюда припёрся, зачем её окликнул, но язык присох к нёбу, а все слова выветрились из головы, осталось только желание – желание прижать к себе это худенькое тельце, захватить в плен эти мягкие девичьи губы и утонуть в синеве её доверчивых глаз. А потому он брякнул то, что говорить на первой встрече совсем не собирался, даже ни разу не думал об этом:

– Выходи за меня замуж!

А когда эти слова сами собой выговорились, вдруг мгно-

венно успокоился и понял, что они абсолютно правильные, *те* слова, которые и были нужны. Наденька не стала ломаться, округлять глаза в кокетливом недоумении, а просто кивнула головой и серьёзно произнесла:

– Я согласна!

Забеременела она почти сразу, но Александр Викторович не позволил ей бросить учёбу, а вот выйти на работу так и не получилось. Но теперь работа была единственным её спасением, иначе или с ума сойдёт, или сердце не выдержит – разорвётся. А так, хоть как-то будет отключаться от их общего горя и под его присмотром, опять же, всё время.

Трудотерапия подействовала – Наденька немного ожила, в глазах, хоть и полных боли, появился цвет, да и за своей внешностью и выражением лица следить приходилось. В больнице у каждого была своя боль и своё горе. Здесь никого не интересовали чужие проблемы – со своими бы справиться. На больничном фоне своя собственная проблема уже не казалась такой уж исключительной, несправедливой. Отступали горькие вопросы: за что? почему именно я? что я такого сделал? Когда кто-то выздоравливал – в других возрождалась надежда на собственное выздоровление. А если кто-то уходил в мир иной – хоть и сочувствовали, конечно, но на самом доньшке души испытывали облегчение – пуля пролетела мимо...

А к Верочке стали приходиться сиделки...

Незаметно пролетело три месяца с той поры, как в семье Боголюбовых появилась Любовь, а казалось, что она была среди них всегда, как любимый родственник, который уезжал куда-то надолго, но про него никогда не забывали. И вот он вернулся, и теперь невозможно представить, что когда-нибудь исчезнет опять.

Каждый день, открывая ровно в 7 часов утра дверь на Любин звонок, Александр Викторович невольно начинал улыбаться, видя её светящееся *солнечное* лицо. И каждый раз забывал спросить документы об образовании, опыте работы и рекомендации. И вообще – кто её направил к ним на работу? В один из первых дней у них был разговор о выполнении разных методических упражнений для разработки чувствительности Верочкиных ног, но Люба посмотрела на него своими ясными зелеными глазами и спросила:

– Разве это поможет, если у Верочки в душе нет надежды? (Люба как-то сразу начала называть Веру Верочкой, как было принято у них в семье)

И он махнул на занятия рукой. Действительно, до сих пор ничего не помогало. В чём смысл мучить ребёнка опять? На

этом и закончились все профессиональные вопросы и разговоры. Просто им с Наденькой повезло встретить *хорошего* человека. Из тех, кто в школе пусть никогда и не занимал лидирующих позиций, но мнению которого весь класс *доверял*. Из тех, с кем хотели бы дружить и завзятые хулиганы и двоечники, и тихони-отличники. Из тех, у кого ты спрашиваешь дорогу в незнакомом месте, интуитивно чувствуя, что он не отмахнётся на ходу: «Извините, не знаю», а остановится, как бы ни спешил, и попробует помочь. Их тех, кто слушает так внимательно, так *сопереживая*, что, уже не замечая, ты начинаешь говорить только ему, сколько бы ни было вокруг слушателей. Из тех, с кем бы ты пошёл в разведку...

Александр Викторович открыл своим ключом дверь и вместо обычной тишины дома вдруг услышал приглушённое хихиканье, доносящееся из кухни. Это было что-то давно забытое. Но прежде чем заглянуть на кухню, он по привычке зашёл в комнату дочери и почти споткнулся о задумчивый взгляд её карих глаз. Вместо черных провалов полной безнадёги на него смотрела Верочка с тем почти забытым выражением сосредоточенности, которое у неё бывало до аварии, когда ей нужно было решить особо сложную задачу, которая никак не поддавалась, чем и была ещё интересней. Верочка посмотрела на отца, а потом перевела взгляд обратно на какой-то листок бумаги в своих руках, ещё больше нахмурилась и даже прикусила губу от напряжения. Александр Викторович смущённо потоптался в дверях её комна-

ты, не зная – попробовать начать разговор или оставить всё как есть? А потом всё-таки осторожно прикрыл дверь и отправился на кухню.

Здесь его ожидал новый сюрприз. Едва открыв дверь, его чуть не сбили с ног запахи еды: острой, пряной, его любимой грузинской кухни. Нет, не так! Сначала он остолбенел от двух пар искрящихся глаз женщин, синхронно повернувших головы в сторону вошедшего: смешливых зеленых Любиных и блестящих *ярко-голубых* Наденькиных. А потом он уже втянул носом соблазнительные запахи.

Если бы Александра Викторовича спросили, что он ел сегодня на завтрак или обед, он не смог бы ответить. Что-то определённо ел. Но вот что? Вкус еды исчез вместе с болезнью дочери. И запахи преобладали всё больше больничные...

– Представляешь, Люба учила меня готовить грузинскую кухню. И у меня получилось! – с какой-то девчачьей гордостью произнесла Наденька (В самом начале их семейной жизни она пыталась освоить грузинские рецепты для любимого мужа, но, откровенно говоря, получалось как-то не очень. А потом родилась Верочка, и стало вообще не до изысков), – Так что сейчас мы тебя будем кормить лобио³, оджахури⁴ и хачапури⁵!

– Что, всем сразу? – театрально ужаснулся Александр Викторович, а сам уже истекал слюной, глядя на миску с ярко-фиолетовой фасолью, щедро посыпанной зеленью, гор-

ку золотистого картофеля с нагло-красными помидорами и нежно-бежевыми ломтиками мяса, и огромное блюдо с янтарным слоёным хачапури, который мама называла «Письмом из Грузии». А запахи! Боже мой! Какие запахи! Острый чеснок, жареный лук, солёный сулугуни! М-м-м...

Ночью, уже лёжа в постели без сна после сладко-восхитительной любви с живой, горячей, как будто восставшей из пепла, любимой женой, Александр Викторович перебирал события сегодняшнего вечера, как фанатик-коллекционер с трепетом рассматривает самые драгоценные камни своей коллекции.

Сначала оживший агатовый взгляд Верочки... На вопрос о её состоянии Люба загадочно улыбнулась и сказала, что рубикон⁶ пройден, но о чём-то конкретном говорить пока рано. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. И он суеверно замолчал, чтобы ненароком не спугнуть капризную удачу.

Потом драгоценные сапфиры глаз Наденьки. Даже если бы она не приготовила этот обалденный ужин (а он наелся, как удав, проглотивший слона, точнее сказать, дракон, обожравшийся бизонами, поскольку весь рот горел от чеснока и специй, щедро добавленных во все блюда), одно это уже было бы счастьем.

А эта их взаимная тяга друг к другу, нежность, перешедшая в страсть, общий взрыв, и опять щемящая нежность... Как в первые месяцы после их свадьбы. Как во время их медового месяца. Он уже и подзабыл, как это было волшебным.

А напомнил об этом разговор за столом. Наденька рассказывала, Люба внимательно слушала, периодически вставляя ахи и охи, а он вносил свою лепту в разговор нечленораздельным мычанием, поскольку рот был забит едой. Наденька даже показывала фотографии их поездки в Швейцарию, которую они решили считать своим медовым месяцем. Интересно, был ли у кого-нибудь такой же короткий месяц, как у них? Всего-то пять дней, но каких!

Александра Викторовича пригласили на Конференцию по вопросам эндокринологии и дерматологии, хирургии и неврологии в Монтрё, на 5 дней. А он извернулся ужом, и успел сделать и заграничный паспорт, и швейцарскую визу для своей молодой жены, совместив, таким образом, работу и медовый месяц. Отметил в обширной программе Конференции интересные для него выступления по своей любимой хирургии, а на остальное забил, чтобы посвятить время своей любимой Наденьке.

За эти пять дней они не только облазили все окрестности Монтрё, но успели добраться до Берна на севере и Лозанны на западе. Ё-моё! В Москве ещё только распустилась черёмуха, похолодало, а в Швейцарии уже всюю буйствовала сирень, глициния и ещё целая куча деревьев и кустарников, цветущих яркими разноцветными шапками цветов, не известных не только им, но, кажется, и науке тоже, названий. А магнолия так и вообще уже почти облетела.

А сколько они открытий для себя сделали! В Веве, кажет-

ся, нераздельно принадлежащем Чарли Чаплину, который провел здесь последние годы своей жизни, обнаружился памятник Николаю Гоголю, который, оказывается, здесь работал над «Мертвыми душами».

А Берн, который по фильму «Семнадцать мгновений весны» представлялся официально-сухим каменным мешком, оказался милым и уютным, весь утопающим в разноцветье кустарников и клумб, городком.

А в Монтрё памятник королю рок-н-ролла Элвису Пресли, который лечился здесь от наркотической зависимости, соседствовал с памятником великому русскому писателю Владимиру Набокову, который провёл свои последние годы жизни в отеле Montreux Palace, а на предложения своего помощника купить свой собственный дом неизменно отвечал, что уедет отсюда, только если найдётся дом с лучшим видом, чем из окон его номера. Такой дом так и не нашёлся...

А горы, покрытые шапками чистейшего искрящегося снега! А блюдца озёр, таких же ярко-голубых, как глаза Наденьки! Рай! Просто рай на Земле! И они с Наденькой, как Адам и Ева, чистые и непорочные, и страстные и необузданные одновременно...

Утром в день отъезда их ждало ещё одно маленькое чудо уже дня сегодняшнего. Они встали ни свет, ни заря, так хотелось напоследок ещё хоть немного насладиться этими прекрасными видами, подышать чистым сладким воздухом! Городок ещё спал, только откуда-то издали раздавался стран-

ный шаркающий звук. Когда они подошли поближе, то с удивлением увидели высокого статного швейцарца, орудующего самой обычной метлой. Сами знаете, кто у нас работает дворниками, а этому впору было вышагивать по подиуму или сниматься в рекламе, чем заниматься столь низкоквалифицированным трудом. Молодой человек, ничуть не смущаясь, поднял на них глаза, улыбнулся, поприветствовал и продолжил заниматься своим делом. Александр Викторович не сдержался и подошёл с ним поговорить. А потом ошарашено пересказал Наденьке то, что рассказал ему швейцарец. Об уважительном отношении со стороны государства и людей к любому виду деятельности, о квартире, которая выделяется сразу же, а через 20 лет переходит в твою собственность, если ты работаешь на одном месте и работаешь хорошо. И о зарплате дворника, которая повыше, чем его зарплата ведущего специалиста. Да уж, чем не коммунизм в действии: от каждого по способностям и каждому по потребностям!..

С тех пор Швейцария стала для них самым любимым местом на земле. Но ещё раз попасть сюда пока не получалось. Родилась Верочка, и география поездок замкнулась на морском побережье: кавказская часть Черного моря, Крым, Азовское море, Болгария...

Ici a vécu et travaillé en 1836
Nicolas Gogol (1809-1852),
écrivain mondialement connu,
né à Poltava.

1836 р. у місті Велесі
жив і працював
усесвітньо відомий письменник
Микола Гоголь (1809-1852),
народжений на Полтавщині.

3 – рецепт лобio

Ингредиенты:

фасоль,

соль по вкусу,

чеснок,

зелень,
растительное масло

Способ приготовления:

Замочить фасоль на 12 часов в теплой воде (менять воду 2 раза) до набухания. Варить в подсоленной воде до готовности. Добавить порубленную зелень (укроп, петрушка, кинза – кто что любит), выдавить чеснок, залить растительным маслом и дать настояться под крышкой.

⁴ – рецепт оджахури

Ингредиенты:

220г свинины (шейка),

3 шт картофеля,

1 головка репчатого лука,

1шт помидора,

2-3 зубчика чеснока,

90г растительного масла,

Соль, специи, укроп, базилик по вкусу

Способ приготовления:

Поджарить свинину, нарезанную тонкими ломтиками, на половине нормы подсолнечного масла до золотистой корочки. Добавить к мясу репчатый лук, нарезанный полукольца-

ми, и довести его до золотистого цвета. На второй сковороде параллельно обжарить ломтики картофеля на оставшемся подсолнечном масле, заправить его после готовности солью и специями, а затем всё это добавить на сковороду к мясу. Выдавить в сковороду чеснок и часть порубленной зелени, а затем добавить сверху порезанные крупно помидоры и тушить всё вместе ещё 2 минуты. Выложить на тарелку и посыпать оставшейся частью зелени.

⁵ – рецепт хачапури

Ингредиенты:

Тесто:

300г воды,

450г сливочного масла,

700г муки,

1чл соли,

2-3 зубчика чеснока,

1 яйцо,

Лимонная кислота на кончике ножа.

Начинка:

700г сыра сулугуни

Способ приготовления:

Тесто:

Соль и лимонную кислоту растворить в воде, добавить

взбитое яйцо и муку. Замесить крутое тесто и оставить под влажной марлей или салфеткой для набухания.

Холодное масло смешать с 3ст.л муки так, чтобы не было комков. Сделать из него прямоугольник толщиной 1,5-2см.

Раскатать тесто так, чтобы края были тоньше середины, положить туда масло и завернуть его уголками теста, как конверт, края защипнуть. Осторожно раскатать до толщины ~ 1см. Сложить вчетверо, убрать в целлофановый пакет и положить в холодильник на 20мин.

Опять раскатать, сложить вчетверо в целлофан и в холодильник на 30мин. Ещё раз раскатать, сложить втрое и в целлофане убрать в холодильник на 45мин. И ещё раз раскатать, сложить втрое и опять в холодильник на 20мин.

Отделить 1/3 теста и раскатать для нижнего коржа под размер противня. (Оставшиеся 2/3 убрать в холодильник). Сыр натереть на крупной тёрке и равномерно распределить по коржу. 2/3 теста раскатать и положить на сыр. Разогреть духовку до 150°-180° градусов и установить противень. Печь пока верхний корж поднимется и подрумянится.

⁶ – Рубикон – небольшая река на Аппенинском полуострове. «Перейти Рубикон» означает «пройти точку невозврата», то есть совершенное действие после которого уже невозможно отказаться от замысла или вернуться назад. Выражение возникло благодаря Гай Юлию Цезарю, который переправился через Рубикон, захватил власть в Риме и был про-

5

Эти три месяца дались Любе с большим трудом. И дело было не в физических усилиях на ежедневные массажи, а в атмосфере горя, которое царило в семье, где каждый рвал свою душу и сердце за другого, но переживал всё это в одиночку. Александр Викторович как будто застыл, заморозился, смирился с тем, что есть, и боялся только одного: чтобы не было хуже. Верочка была настолько оглушена своей неподвижностью, что её защитной реакцией стал вакуум, где нет места ни чувствам, ни мыслям, ни надежде, ни веры... Пустыня... Пустота... Но и в пустоту когда-нибудь что-нибудь да залетает. А в пустыне есть хоть чахленькая, но жизнь, а иногда даже оазисы встречаются. А ещё их можно сделать своими руками. Как в Египте, где среди голой пустыни вдруг начинают работать бульдозеры, прокладываются трубы, поступает вода, и вот уже стоят белоснежные стены отелей, между ними зеленеет ровно подстриженная травка, вдоль дорожек радуют взгляд цветы, а в сапфировой глубине бассейна отражается синева неба без единого облачка... Но что можно сделать без веры в конечный результат? Да ничего!

Но ещё хуже было то, что и мать Верочки – Наденька, ничему не верила и уже ни на что не надеялась. Ну, и как можно вылечить дочь, если нет поддержки матери? И Люба ре-

шила начать с Надежды...

– Вы так уверены, что Верочка сможет ходить ?!? – со смесью удивления и страхом надежды спросила Наденька.

– Конечно!!! – с возмущением уставилась на неё Люба, как будто даже сердилась за такой глупый вопрос, – Но ещё больше я уверена, что без Вашей веры у Верочки вообще нет никаких шансов. Вместо того чтобы настраивать её на борьбу, вы утопили её в своей жалости. Ходите вокруг на цыпочках, разговариваете шёпотом...

– Саша пытался на неё кричать, но она не отреагировала...

– Надежда Николаевна, я понимаю, что Вы привыкли быть за мужем, как за каменной стеной, но сейчас я говорю о Вас, как о матери, которая должна быть *сама* сильной, стойкой, строгой, уверенной. Как бы *над* дочерью, *над* её болезнью. Понимаете?

– Да-да, Любочка, понимаю... Но где найти эту веру, что Верочка выздоровеет, поднимется, не знаю...

– Вы же наверняка показывали дочь куче врачей. Неужели ни один из них не давал положительного прогноза?

– Все говорили уклончиво: надо заниматься, резервы человеческого организма неизвестны...

– Ну, вот, видите. А Вы, наверное, хотели бы услышать, что такого-то числа такого-то месяца Верочка встанет и побежит, да?

Наденька опустила голову и уже готова была пустить слезу, но Люба не позволила ей этого сделать, а, сложив руки на груди замком, нарочито грубо произнесла:

– А ведь и Александр Викторович тоже наверняка говорил, что выздоровление возможно?

Наденька задумалась, а потом утвердительно кивнула головой.

– Я так и думала! Вот же, как интересно у Вас получается! Вы во всём привыкли полагаться на мужа, а в этом вопросе почему-то ему не поверили. Единственный раз не поверили. Почему?

Надя потрясённо молчала, оглушённая этим неожиданным поворотом.

– Значит так, Надежда Николаевна, с сегодняшнего дня, вот прямо с этой минуты, никаких слёз и стенаний, никакой жалости к себе. Вы уж на меня не обижайтесь, но, плачете Вы больше о себе, что Ваша беззаботная счастливая жизнь закончилась...

У Надежды Николаевны от возмущения сами собой высохли слёзы. Она выпрямилась, в глазах полыхнул огонь, а гневные слова вот-вот были готовы сорваться с языка, но Люба опять опередила её:

– Вот такой Вы мне нравитесь больше! Запомните это своё состояние и перенесите всю свою злость на болезнь Верочки. А когда опять начнёте сомневаться, сердитесь на себя. Договорились?

– Да! А сейчас что конкретно мне надо делать?

– А сейчас Вам надо настроиться на то, что чуда завтра не произойдёт. И послезавтра, и через месяц тоже. Реабилитация может занять не один год, тем более что первый, самый важный год упущен. И теперь очень важно больше не транжирить время, а максимально использовать его для Верочкиного развития. Ведь Вы же не хотите, чтобы она так и продолжала сидеть истуканом? Значит, надо найти дело, которым она смогла бы заниматься и в парализованном состоянии. И, прежде всего, насколько я понимаю, ей надо закончить школу?

– Мы пытались первое время заставить её заниматься, но она ни на что не реагирует...

– А вот это теперь уже моя забота. А Вы займитесь для начала школой...

(«Так, с матерью, вроде, разобралась. С дочерью будет сложнее. Ну, ничего, главное, что есть уверенность, что иду в правильном направлении...»)

6

Уже в первый месяц своей работы у Боголюбовых Люба перепробовала все психокоррекционные приёмы и пришла к выводу, что, пока не выведет Верочку из состояния глухой апатии, все они бесполезны. Необходимо было добиться хоть какой-то реакции, а уж потом, уцепившись за эту ни-

точку, вытаскивать её обратно к жизни, убеждать в её уникальных возможностях и потенциале сил организма. И она решила действовать методом от обратного: накапывала в интернете различные уникальные случаи заболеваний человека, выглядевших просто ужасно, и заваливала ими Верочку. Мужчина, всё лицо которого состояло из налезających друг на друга бугристых волдырей... Женщина-кактус, из всего тела которой прорастают твёрдые иголки 10-15 сантиметров длиной. Девушка с нормальными размерами головы и рук, и почти отсутствующим телом и коротенькими ножками. Молодой человек, гениальный компьютерный программист, согласившийся на первую в мире операцию по пересадке головы, поскольку без неё его в скором времени ожидает жизнь овоща... Но все они борются за жизнь, ищут пути выздоровления!

Менее шокирующие, но также рвущие душу видео с инвалидами, которые не только просто живут, но и занимаются творчеством: молодого человека без ноги, который танцует наравне с профессиональными танцорами⁷, девочки на инвалидной коляске, трогательно и одновременно мощно поющей о любви⁸, полуслеплого мальчика-сироту, сочиняющего поразительно светлую музыку, которая может появиться только в душе, которая сама такая же чистая и светлая, и сам же её исполняющего на фортепиано⁹.

Фотографии и фильм о Фриде Кало – знаменитой мекси-

канской художнице. Она страдала полиомиелитом с возраста шести лет, а в 17 лет попала в автомобильную катастрофу, где получила серьёзные травмы: тройной перелом позвоночника (в поясничной области), перелом ключицы, сломанные рёбра, тройной перелом таза, одиннадцать переломов костей правой ноги, раздробленную и вывихнутую правую стопу, вывихнутое плечо. Кроме того, её живот и матка были проколоты металлическим перилом, что серьёзно повредило её репродуктивную функцию. Она год была прикована к кровати, а проблемы со здоровьем остались на всю жизнь. Именно после трагедии она впервые попросила у отца кисти и краски. Для Фриды сделали специальный подрамник, позволявший писать лёжа. Впоследствии ей пришлось перенести несколько десятков операций, месяцами не выходя из больниц¹⁰. И, тем не менее, она жила полноценной и даже бурной жизнью. Была активным членом Мексиканской коммунистической партии, вышла замуж и даже пыталась родить ребёнка (это при её-то травмах!), участвовала в художественных выставках, заводила любовные романы (в том числе, с Львом Троцким¹¹, между прочим). А её картины, несомненно, наполненные болью и страданием, в тоже время были выполнены яркими красками, отражающими её живую и раскрепощённую натуру. Даже последняя, написанная за 8 дней до смерти: «Да здравствует жизнь!» А девизом всей её жизни было: «Я смеюсь над смертью, чтобы она не отняла то лучшее, что есть во мне...»...

Всё это Люба проделывала каждый день. Продолжая делать массаж и упражнения, говорила и говорила, остро наблюдая за реакцией Верочки, пытаясь уловить хотя бы намёк на какую-либо эмоцию. А когда ей казалось, что тень эмоции появлялась – увеличивала усилия в этом направлении. И вскоре поняла, что ей уже *не кажется*: когда она утром появлялась в комнате Верочки, во взгляде девочки мелькала жгучая ненависть, а во время занятий учащались дыхание и пульс. Боже мой, как же Люба радовалась этому и ждала, когда кипящий котёл вырвется, наконец, наружу! И дождалась...

Надежда Николаевна услышала крики в комнате дочери и, даже не успев удивиться (она больше года не слыша голос Верочки), рванула к ней на помощь. Заливающаяся слезами Верочка прижалась к матери, обняв её руками за талию:

– Мамочка, убери от меня эту садистку... Я не хочу, чтобы она ко мне приходила...

Если бы Люба не успела проинструктировать Наденьку, как надо себя вести, когда случится кризис, мать опять бы укутала дочь нежностью и жалостью, успокоила, и всё вернулось на круги своя. Но Надежда Николаевна вовремя вспомнила разговоры с Любой, и произнесла достаточно спокойно:

– А что случилось? Ты можешь мне рассказать?

– Да она фашистка просто! Мучает меня своими разговорами, всякие ужасы показывает! Мне и своих проблем хва-

тает, а она мне чужими в глаза тычет...

– Так может быть хватит уже замыкаться в себе? Целый год прошёл, а ты ничего не делаешь! Мы с папой вокруг тебя пляшем, врачей приводим, сиделок нанимаем, а ты лежишь, как барыня, и ничего не делаешь для того, чтобы подняться. Даже не разговариваешь! Думаешь, нам с папой не больно на тебя смотреть?

Верочка опешила и растерялась от такой отповеди матери. Она любила обоих родителей, но относилась к ним по-разному. Отца уважала, но он находился немного от неё вдалеке, на некоем пьедестале. А к маме относилась, как к подружке, а когда вступила в подростковый возраст, даже немного свысока. А сейчас с ней разговаривала другая мама, даже как будто рассерженная на неё. Верочка оттолкнула мать, сложила руки замком и сердито засопев, надулась. «Боже мой, доченька моя бедненькая», – рвалось сердце Надежды Николаевны, но вслух она сказала:

– Надеюсь, что ты услышала мои слова и подумаешь над ними, как взрослый человек. Продолжайте, Любовь Анатольевна! – и вышла из комнаты.

Но как только закрыла за собой дверь, её всю затрясло. Она еле добралась до кухни, а когда запивала валерьянку водой, зубы выбивали мелкую дробь о край стеклянного стакана.

⁷ – смотрите клип Максима Фадеева и Наргиз на песню

«Вдвоём» <https://www.youtube.com/watch?v=LBKuHrJprVI>

⁸ – смотрите выступление Геры Аристовой на передаче «Синяя птица» в 2016 году с песней И.Николаева «Не обижай меня» <https://www.youtube.com/watch?v=hOSBmTUBxUY&list=RDhOSBmTUBxUY&t=51>

⁹ – смотрите выступление Жени Николаева на передаче «Синяя птица» в 2016 году <https://www.youtube.com/watch?v=Rt86nh5ideA>

¹⁰ – из *Википедии*

¹¹ – революционный деятель XX века. Дважды ссыльный при монархическом строе, лишённый всех гражданских прав в 1905 году. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, один из создателей Красной армии. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, затем нарком по военным и морским делам. В 1927 году снят со всех постов, отправлен в ссылку, а потом выслан за пределы СССР. Создатель и главный теоретик Четвёртого интернационала (из *Википедии*).

7

Как бы теперь ни вела себя Верочка, чтобы не пыталась из себя изобразить, Люба понимала, что она её видит и слышит, а потому сменила тактику. Приносила ей видео с трудной, изнуряющей, но приносящей положительные плоды борьбой

людей за своё выздоровление. В их поиске Любе помогала Наденька, для которой это было тоже своеобразной психотерапией.

Параллельно Люба начала писать для Верочки список занятий, которыми она может заниматься *пока* не встанет, чтобы не терять время. Важно было, чтобы этот список пополнялся ежедневно хотя бы на одну позицию. Люба и сама не ожидала, что он может оказаться таким длинным: одних только видов рукоделия оказалось с десятков, не говоря уже о количестве музыкальных инструментов, на которых можно было научиться играть, а ещё компьютер... Творчество и возможности компьютера оказались неисчерпаемыми источниками.

Но когда Люба пришла к выводу, что Верочка слишком уж долго не реагирует на их с Надеждой Николаевной усилия, она решила начать именно с музыки. И не с нежных звуков свирели или флейты, а со шкрябающих душу звуков скрипки в неумелых руках. Боже мой, как же жалко было скрипку! Как она стенала и возмущалась, когда корявые руки Любы пытались управлять её смычком! Слава богу, что больше одного дня Верочка решила не мучить ни себя, ни окружающих, и уже на следующий день Люба увидела кучу размашисто вычеркнутых сердитой Верочкиной рукой позиций списка. Но истинным началом можно было считать день, когда Верочка сама вписала в список новое занятие...

С этого дня атмосфера в доме Боголюбовых чудесным

образом изменилась. Вернулись спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, надежда на счастливый исход... Это как в пруд со зловонной кислотной средой вдруг бросают весомую дозу щёлочи, а в результате получается чистая прозрачная вода. Вроде всё так незатейливо и химически объяснимо: простенькая формула и вот, пожалуйста, – H_2O ! А всё равно трудно это представить себе до конца. Как электроны, которые бегут по проводам (как это *бегут?*, когда вот же он, кабель, лежит себе неподвижный и не шевельнётся!). Как тяжеленный самолёт, который поднимается ввысь, опираясь на невесомый воздух. А почему человек тогда не летает? Самолёты и птицы летают, а мы – нет! Почему? Мы же где-то посередине между ними, разве не так?..

8

Любино время подходило к концу...

Неотвратимо приближался Новый год, но существенных сдвигов в состоянии Верочки так и не произошло. И, сколько бы ни твердила Люба, что надеяться на быстрые результаты в её положении было бы слишком наивно, нетерпеливая юность начала опять терять веру в счастливый конечный результат. Люба воочию наблюдала, как каждый день на ещё не полностью восстановленном экране Верочкиной надежды и веры, начали темнеть и гаснуть один за другим маленькие пиксели, стремительно возвращаясь к мёртвому экрану. Ве-

ры хватило чуть больше, чем на полгода...

Так счастливо совпало, что возрождение Верочки началось в середине мая. Люба тут же воспользовалась ситуацией и стала выходить с ней на улицу почти каждый день, лишь бы дождя не было. Верочка сначала сильно стеснялась, но потом – ничего, привыкла. Никто на неё не глазел, пальцами не тыкал. Доступная среда для инвалидов на колясках, конечно, присутствовала не везде, где была обозначена на бумаге, но всё-таки была. Так что они гуляли, не только нарежая круги вокруг дома, но и позволяли себе уехать подальше на автобусах, благо, что они почти все были оборудованы площадками для заезда в инвалидном кресле.

Поначалу Люба навалила на Верочку столько работы, что той и вздохнуть было некогда, кроме этих вылазок на свежий воздух. А когда Верочка пыталась возмущенно пищать из-за нагрузок, обе женщины – и Люба, и Наденька давали ей суровую отповедь: целый год пропустила, так что теперь давай, догоняй, трудись вдвое усердней!

И Верочка трудилась. Они с Любой каких только техник за эти полгода не освоили: и йогой занимались, и цигун, и лечебной физкультурой, и массажами разными. «Всё в копилку! Всё пригодится!», – говорила Люба Верочке. И та ей верила. Старалась верить...

За лето Верочка догнала своих одноклассников по школьной программе, успешно сдала экзамены в индивидуальном

порядке, а осенью начала занятия уже параллельно со своим классом. Только в школу не ходила, на дому училась.

Кроме того, они с Любой прорабатывали список занятий, которыми можно было заниматься уже сейчас. Здесь особых прорывов не было. У Верочки всё довольно быстро получалось, но дальше начальных навыков не шло. Не было у неё выраженного таланта в какой-то области. Она упорно трудилась пока что-то не получалось, но тут же теряла интерес, как только осваивала ремесло хоть чуть-чуть. С таким подходом не станешь ни выдающимся музыкантом, ни известным художником. И многочисленные виды рукоделия не станут твоей профессией. Так что список занятий стал постепенно таять, поскольку строчек, которые вычеркивались, неизменно оказывалось больше, чем тех новых, которые туда вписывались.

Только компьютерное программирование и фотошоп явно захватили девочку. Но было ли это веянием времени или они, действительно, со временем смогут стать страстью Верочки, Люба пока понять не могла. Только с тревогой наблюдала, как картинки, с которыми Верочка развлекалась фотошопом, становились всё мрачнее и уродливее.

Живые их разговоры постепенно стали скатываться всё больше к философским темам, пока Верочка не задала вопрос Любе в лоб: если ты утверждаешь, что я смогу ходить, то зачем упорно заставлять осваивать профессии, в которых ноги не играют значения?

Люба допускала вероятность, что Верочка может так и остаться инвалидом, а потому пыталась подготовить свою подопечную к принятию самой себя *такой*. И это явно противоречило и вступало в конфликт с укреплением веры и надежды на полное восстановление. Верочка, в конце концов, заметила это, поняла и выдала со всей прямоотой максимализма юности.

Всё чаще она стала думать не о том, что она может освоить в своём положении, а о том, чего лишена. И никакие Любины и Наденькины аргументы на Верочку не действовали.

– Тебе же никогда не нравились бальные танцы, – говорила удивлённо Наденька, прекрасно помня, какую истерику закатила её пятилетняя дочь, когда отбивалась от поползновений родителей отдать её в кружок бальных танцев.

– Ну и что, что не нравились! Одно дело, когда я сама от них отказалась, и совсем другое, когда я *не могу* ими заниматься, – угрюмо возражала Верочка...

– Ты даже себе не представляешь, сколько девушек не могут выйти замуж, создать семью... Так и остаются всю жизнь одинокими! И это абсолютно не связано ни с их внешностью, ни с их умом и образованием, ни с их характером, ни с их болячками, – грустно говорила Люба о том, что испытала на собственной шкуре.

– Ну и что? – надувала губы Верочка. – У них хотя бы теоретически был шанс, а у меня и этого нет!..

Ну, хоть разговаривала, не замыкалась опять в себе, – и

то хорошо!

А Любино время стремительно подходило к концу... И она решилась на последний, отчаянный шаг...

9

Верочка очнулась в каком-то клубящемся белом тумане и никак не могла сообразить, где она находится. Покрутила головой, и за своей спиной обнаружила Любу, которая смотрела на неё с какой-то щемящей грустью и сочувствием.

– А мы где?

– А ты как думаешь? – вопросом на вопрос ответила Люба.

– Что-то знакомое... Как будто я это уже видела... Но никак не соображу на что похоже...

– А ты подумай, подумай! Время здесь не ограничено... Но будет лучше, если сама догадаешься.

Верочка задумчиво осмотрелась, зачерпнула в пригоршню отчётливо видимый туман. Очень странно! Он оказался совершенно неосязаемым в ладонях. Она подула на руки, и шарик невесомого тумана отлетел в сторону, даже, так Верочке показалось, проделал небольшую дырку в окружающем мареве, пока не слился с ним. Впрочем, дыра за клубилась и быстро затянулась, так что ей вполне это могло только померещиться.

– Знаешь, – рассмеялась Верочка (почему-то у неё было

замечательное, счастливое настроение), – очень похоже на облака за окнами самолёта! Ну, это когда самолёт долго летит через облачность, – пояснила она, потому что Люба продолжала смотреть на неё с сочувствием и это начало Верочку нервировать.

– Молодец! Так и есть! И как ты думаешь – где мы? – адресовала Люба первый вопрос Верочки ей же.

– Где-где, – проворчала, как старушка, Верочка, – во сне, конечно! Ты вон выглядишь как моя одноклассница, только какая-то полупрозрачная, что ли, не пойму...

– Да, – согласно кивнула Люба, – здесь все выглядят на возраст своей души. Ты вот – почти старуха...

– Да ладно! В собственном сне быть «почти старухой» – быть такого не может!

– Зеркал здесь нет, так что придётся поверить мне на слово...

– Как же – нет, – победоносно рассмеялась Верочка, – вот же оно!

И, действительно, прямо в тумане, откуда ни возмись, уже стояло зеркало, в котором во весь рост отражалась весёлая Верочка.

– А ты поднеси к зеркалу руку, и сравни ту, что ты видишь в отражении, с той, что ты видишь сама, – посоветовала Люба.

Верочка так и сделала, и с удивлением обнаружила, что на руке в зеркале не было темных пятнышек и мелкой сетки

морщин, сплошь покрывающих её руку сейчас, как нет и синих верёвочек вен, бугрящих её кожу.

– Что за бред! – возмутилась Верочка и сердито топнула ногой, – Сны такими быть не должны!

– Успокойся! – подошла к ней Люба и положила свою руку на её плечо, – Просто это не совсем сон...

– А куда исчезло зеркало? – удивлённо перебила Любу Верочка.

Сон это или не сон, или «не совсем сон», волновало её гораздо меньше, чем то, как она выглядит, поэтому она попыталась опять увидеть своё отражение, но зеркало испарилось.

– Сейчас это не важно. *Здесь* может появляться по твоему желанию только то, что, действительно, важно для тебя, а не то, что тебе *кажется* таковым в данный момент.

– И где это «здесь»? – начала капризно надувать губы Верочка.

– А ты посмотри сама!

И с этими словами Люба раздвинула туман руками, как занавески на окнах, в обе стороны, и перед взглядом Верочки предстало потрясающей красоты голубое небо. Только выглядело оно не бескрайним, а как светлый тоннель, по краям которого голубой цвет сгущался, темнел, постепенно переходя в иссиня-черный, и вот здесь-то уже и появлялась бесконечность... Как некий путь, устремившийся к какой-то яркой точке. И, хотя, эта точка была очень-очень далеко, смот-

реть на неё было не возможно, больно было на неё смотреть.

Верочка застыла в изумлении, тут же забыв, что только что была сильно рассержена. Она стала различать в этом изумительном голубом небе таких же полупрозрачных, как Люба, людей. Люди плыли по небу парами, но нередко встречались и одиночки. Последние были явно напуганы и не понимали, где находятся, затравлено озирались вокруг, но не спешили обратиться к кому-либо за помощью. Ну ладно, парочки, к ним бы Верочка тоже не стала обращаться. Они так были поглощены друг другом, так отдельно от всех других... Но у одиночек можно было бы спросить? Но – нет, каждый из них был сам по себе.

– Кто они? – заморожено прошептала Верочка, и холодная змея невообразимого ужаса сжала ей сердце, – Я тоже умерла? – предвосхитила она ответ Любы.

– Не-е-е-е-т! – закричала Люба одновременно с полным душевной муки криком Верочки:

– А-а-а-а-а!

Белёсый клубящийся туман перестал вдруг держать Верочку, и она камнем стала падать вниз. Она уже видела стремительно приближающуюся кровать и сжалась в комочек, ожидая в любую секунду почувствовать дикую боль от падения на её жёсткую поверхность, но в последний миг руки Любы подхватили её и стали с усилием вытаскивать наверх. Поначалу казавшийся лёгким, туман стал вязким, плотным и душным.

– Да помоги же мне, Верочка!

– Как? – удивилась девочка.

– Представь, что ты летишь. Ты же летаешь во сне? – спросила Люба и, дождавшись Верочкиного кивка, продолжила, – Если не получается, закрой глаза. Так будет легче.

Верочка послушно закрыла глаза и начала вспоминать свои ощущения от полётов во сне и – о, чудо! почувствовала себя лёгкой, почти невесомой. Рука Любы перестала напрягаться, они просто держались за руки как две подружки или... или как человек со своим ангелом.

Уже уютно устроившись на ставшем опять похожим на облачка в погожий день тумане, Верочка задала Любе возникший ещё при подъёме сюда вопрос:

– Те, которые вдвоём, это человек со своим ангелом-хранителем?

– Постарайся не задавать здесь вопросов, ответы на которые знаешь сама, – проворчала Люба, ещё не отошедшая от тяжелого подъёма, – А то наше время быстро закончится, и ты не поймёшь главного... А второго шанса сюда попасть за ответами уже не будет...

Верочка не стала цепляться за противоречия в словах Любы: то время здесь быстро закончится, то оно не ограничено. Как-то *оно* тут странно себя ведёт... Но, всё-таки, решила уточнить:

– А если я не уверена: правильный мой ответ или нет?

– *Здесь* все ответы только правильные.

Верочка сосредоточено закусила губу, сглотнув вопрос: а почему здесь в основном молодые? Ведь Люба уже на него отвечала. Вопросов роилась целая куча, но, вспомнив свои руки старухи, решила начать всё-таки с возраста, тем более, что среди парящих, нет-нет, да и встречались старые люди, как с ангелом, но больше, всё-таки, поодиночке:

– От чего стареет душа?

Люба удовлетворённо качнула головой – очень уж правильный вопрос задала ей её подопечная.

– От жизненных испытаний, от продолжительной болезни, от одиночества, от отчаяния...

Верочка примерила эти слова на себя и поняла, что всё это присутствует в её жизни, и очень разволновалась – так не хотелось становиться старухой, поэтому затаив дыхание стала ждать ответа на свой следующий вопрос:

– И ничего нельзя сделать, чтобы, ну, обратно помолодеть? Душой, я имею в виду...

– Верить, не смотря ни на что, не терять надежду на лучшее, любить всем сердцем...

– Верить... – протянула Верочка, – знаешь, как это трудно?

– Знаю, – согласилась Люба, – это самое трудное... Слушай, а давай полетаем? Тебе же нравится летать во сне?

– Конечно, нравится, – вздохнула Верочка и, замявшись, продолжила, – Только у меня не очень получается. Всё время на провода натыкаюсь...

– Пойми, – сказала Люба, развернув девочку к себе за плечи и заглянув глубоко в её агатовые глаза, – провода – это то, чем ты *сама* себя ограничиваешь... На самом деле их нет! Если ты *поверишь* в себя, то их и не будет! Попробуем?

Не с первого раза, но у Верочки получилось! Она несколько раз больно резалась о провода. Их было то мало, то они нависали плотной сеткой, то возникали ниоткуда, но Верочке так захотелось преодолеть это наваждение, так отчаянно хотелось поверить в свои силы, что в какой-то миг провода исчезли, и она испытала ни с чем не сравнимый восторг свободного полёта, полёта *свободы!*

Свежий ветер обдувал лицо и играл волосами за спиной. Тело было лёгким и послушным. Малюсенького усилия, мысли, даже неосознанного желания хватало чтобы управлять им. А в душе

звенела радость и растекался тёплой волной океан любви. Какой-то вселенской, необъятной любви буквально ко всему без разбора...

– Почему именно ты стала моим ангелом? Разве мы были знакомы раньше? – спросила Верочка, когда они прилегли отдохнуть на облака.

– У меня нет однозначного ответа: может, потому что твой отец так отчаянно боролся за мою жизнь на операционном столе, может, потому что тебе предстоит сделать что-то такое важное в жизни, без чего весь путь мироздания пойдёт наперекосяк, а, может, ты какое-то очень маленькое, но необхо-

димое звено в длинной цепочке... Не на все вопросы я знаю ответы...

– А этот далёкий свет..., что там за ним?

Люба надолго задумалась, а потом растеряно покачала головой:

– Не знаю...

– Ну, вот, а утверждала, что здесь в голову приходят только правильные ответы, – не преминула съехидничать Верочка.

– Раньше я думала, – осторожно начала Люба, – что после смерти всё выглядит примерно так, как описал Булгаков в «Мастере и Маргарите»...

– Это как же? – нетерпеливо спросила Верочка, не дождавшись продолжения глубоко ушедшей в себя Любы.

– А ты не помнишь или не читала? – встрепелась Люба.

– Я фильм смотрела... И то не весь. Муть какая-то...

– Да, не везёт Булгакову с экранизациями, разве что кроме «Собачьего сердца». Ну, ты, как дозреешь, обязательно прочтёшь, никуда не денешься... Если говорить по-простому, то там утверждается, что каждый после смерти получит то, во что верил при жизни. Я так понимаю: верующий – рай или ад, каким представляет это его религия, атеист – небытие, те, кто верит в переселение душ – реинкарнацию, уфолог – другие миры и так далее...

– А ты во что верила? – расшевелила опять замолчавшую Любу Верочка.

– А я так – серединка на половинку... Ни во что не верила, но всё допускала... Наше христианство казалось какой-то архаикой. Торговля в храмах с ценниками на услуги, которые уже и таинствами язык не поворачивался назвать, – раздражала. Но больше всего возмущало возведение в ранг святых современных людей. Ну, скажи на милость, какое право имеем мы – земные грешники, указывать *Ему*, что Он *обязан* принять того или иного в своё святое войско?! Бред какой-то!... Мне идея реинкарнации, в принципе, нравилась, но, с другой стороны, если ты *себя* не помнишь в прошлых жизнях, то для тебя в настоящем, какое это имеет значение? Всё равно, *тебя* сегодняшнего, сиюминутного в прошлом, как бы, не было, так же, как и не будет в будущем...

Люба замолчала, поняв, что её подопечная уже давно её не слушает. Верочка сидела, склонив голову на согнутые колени и мечтательно уставившись куда-то вдаль.

– А я бы здесь осталась! Тут так здорово! – произнесла она мечтательно.

– Ну, да, в жизни-то надо сражаться с недугом, бороться с отчаянием, учиться верить, тратить силы на любовь, – вспомнив про свою миссию, учительским тоном сказала Люба, – А то, что всё это, – она обвела рукой голубое пространство, – надо заслужить, выстрадать, выполнить своё предназначение на земле, какое бы оно ни было: маленькое или великое, до конца – об этом ты не подумала?

– Ну, теперь, я это сделаю на раз! Мне теперь ничего не

страшно!

– Ишь, какая прыткая! Ты это всё забудешь, моя девочка, и начнёшь с чистого листа...

– Забуду? – растерялась Верочка.

– Да, забудешь... Разве у тебя так не было? Просыпаешься, точно знаешь, что тебе снился прекрасный сон, а какой – вспомнить не можешь. Кажется – вот-вот, ухватишь его за хвост, а он – раз, и растворился без следа.

– Было... – протянула Верочка, – Значит, это бывает, когда люди попадают *сюда*?

– Сюда или в какое-то другое место... Не думаешь же ты, в самом деле, что оно единственное!

– Но ты же о нём знаешь! Значит, сможешь мне напомнить, если я опять опущу руки...

Люба от этих слов опять вернулась к своему грустному состоянию и прошептала:

– И обо мне ты тоже забудешь...

– И мы с тобой больше никогда не увидимся?!? Даже потом... когда я... – не в силах закончить фразу замолчала Верочка.

– Не знаю. Я, правда, этого не знаю... Мне кажется, что это будет зависеть только от тебя...

Люба замолчала, а потом встрепенулась и добавила:

– Я понимаю, что ты всё забудешь, но всё-таки... Пообещай мне, что ты будешь бойцом, как бы не сложилась твоя жизнь в дальнейшем!

Верочка поняла, что Люба имеет в виду: независимо от того, встанет ли она на ноги или останется в инвалидном кресле, но твёрдо произнесла:

– Обещаю!...

10

Эту ночь Александр Викторович и Наденька провели практически без сна. Верочка так громко среди ночи вскрикнула во сне, что у них ещё долго таял в душе ужас от её: «А-а-а-а!» Они вскочили с кровати одновременно и ещё сонные, не разобравшиеся – в чём дело? Ринулись в её комнату. Но, пока нащупали дрожащими руками кнопку включения ночника, Верочка успокоилась и даже, как будто, слегка заулыбалась, так и не проснувшись.

Второй раз Верочка закричала под утро. Этот её крик был полон боли. Когда Александр Викторович и Наденька вбежали в её комнату, то увидели, что дочка уже не спит. Верочка согнулась пополам и пыталась совладать со своими ногами, которые спонтанно двигались¹², вздыбливая одеяло. Александр Викторович отшвырнул мешающую тряпку и начал массировать правую ногу дочери. Наденька тут же стала повторять движения рук мужа на другой её ноге.

– Дыши, Верочка, дыши, как тебя учили! Постарайся расслабиться! Сейчас всё пройдёт! Всё будет хорошо, милая! Вот так, умница моя! Ты всё сможешь! У тебя всё получится!

Ты ещё плясать ими будешь! Ты ещё с парашютом будешь прыгать!

Почему Александр Викторович сказал про парашют, он и сам не знал. Почему-то так к слову пришлось. Когда приступ у Верочки прошёл, и она опять задремала, супруги, не сговариваясь, пошли на кухню и Наденька, прижавшись к мужу всем телом, спросила его:

– Что же теперь будет, Саша?

– Наденька, всё теперь будет очень-очень, хорошо! К Верочке возвращается чувствительность ног. Понимаешь, любимая?! Наша дочь... У неё теперь ВСЁ будет!

¹² – при начальных стадиях восстановления мышечного тонуса у больных практически всегда тонус мускулатуры сгибателей и приводящей мускулатуры будет преобладать над тонусом отводящей мускулатуры и разгибателей. Поэтому будут наблюдаться различные спонтанные сгибания и приведения конечностей, которые будут несколько мешать выполнению упражнений. При дальнейшей реабилитации в какой-то момент тонус сгибателей и разгибателей, отводящей и приводящей мускулатуры уравнивается. В этот момент будут наблюдаться противоположные явления: конечности будут становиться напряженными, а тело – скованным. Так должно быть! Все это пройдет при дальнейших занятиях.

Эпилог

Верочка ни секунды не сомневалась, как назвать свою дочь. Конечно, как ещё можно назвать девочку в семье, где есть уже Надежда и Вера? Только – Любовью. Но всё же... Не только очевидность этого имени была тому причиной. Было что-то ещё... Была ещё какая-то причина. Но какая? Никто в семье этого вспомнить не мог. Так же, как не мог вспомнить и понять: почему? Когда? При каких обстоятельствах три грузинских блюда – лобио, оджахури и хачапури, стали фирменными блюдами их семьи. И – почему, чёрт возьми, никак не получаются, остальные?! Впрочем, последним вопросом мучилась только Наденька. Остальным вполне было достаточно и этих трёх...

*Мой ангел смотрит на меня
Зелеными весёлыми глазами,
Когда моя прямая колея
Легко стелится под его крылами.*

*В спасительной и невесомой их тени
Мне тоже весело, легко и безопасно.
Я твердо знаю – не напрасны дни мои,
И жизнь не прожигаю я напрасно.*

*Его глаза – весеннее раздолье
Зелёной, сочной молодой травы,*

*В них – справедливость мироздания
И счастье бытия заключены.*

*Когда мои глаза слезой омыты,
Его – размыты до бесцветно-голубых,
Прозрачней капель ливня в луже слитых,
И горше, чем в чужих степях полынь.*

*Он переждёт рыданий извержение,
Все «за» и «против» на ухо шепнёт,
Подскажет в чём не прав я, несомненно,
И жизни равновесие вернёт.*

*Глаза его сольются с синевой
Высокого безоблачного неба
Или заплещут океана бирюзой
Со всполохами солнечного света.*

*Когда ж болезни скрутят тело болью,
Предаст ли друг или любимая уйдёт,
Мой ангел тихо сядет к изголовью
И боль мою в свои глаза вберёт.*

*Они темней тогда становятся, чем сажа,
Чем та земля, в которую уйдём.
В них утешенье я найду не сразу.*

Он, кареглазый, терпеливо подождёт.

В его глазах – надежда на спасенье

И вера в силу матери-земли.

Призыв из пепла к перерождению

И страстная любовь: ты – не один!

Ноябрь 2017